

№1 (37)

2021

ТОБОЛ

литературно-публицистический
альманах

Курган

№1 (37) 2021

ТОБОЛ

ЛИТЕРАТУРНО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

Курган
2021

Литературно-
публицистический
альманах

16+

ТОБОЛ

г. Курган, 2021 г., стр. 240.

На обложке репродукция картины
художника Юрия Козьминых
«Проводы русской зимы», 1987 год.

Учредитель:

Государственное автономное
учреждение
«Издательский Дом «Новый мир».

Главный редактор:

Филимонов Владимир Иванович.

Редакционная коллегия:

Дружинина Ольга Валерьевна,
Жукова Ирина Максимовна,
Захаров Алексей Анатольевич,
Катайцева Наталья Александровна,
Кокорин Сергей Аркадьевич,
Кочарина Любовь Владимировна,
Кулакова Светлана Ивановна,
Потанин Виктор Федорович,
Портнягин Валерий Иванович,
Речкалова Наталья Викторовна,
Травников Герман Алексеевич,
Рухлов Александр Владимирович,
Усманов Владимир Викторович,
митрополит Петрозаводский
и Карельский Константин.

Дизайн обложки:

Термова Анна Васильевна.

Компьютерная верстка:

Термова Анна Васильевна.

Корректор:

Ермакова Людмила Дмитриевна.

Фотографии из

редакционного и писательского
архивов, а также авторов материалов.

СЛОВО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Делая краткий обзор по содержанию альманаха, обращаю ваше особое внимание на две из более десятка рубрик номера: это «К 80-летию начала Великой Отечественной войны» и «Новые книги».

Близится 80-летие со дня, когда от западных границ страны в дома старшего поколения зауральцев и всех жителей СССР ворвалась весть: пришла война. Да такая, что боль от ее последствий до сих пор отдается эхом в памяти поколений. 22 июня – День памяти и скорби, установленный указом Президента РФ от 8 июня 1996 года.

Тема войны в произведениях наших авторов актуальна до сих пор. Поэтому редколлегия рада познакомить вас с новейшими материалами на эту тему: исследование части истории Сталинградского танкового училища, эвакуированного в Курган в начальный период войны, проведенное полковником запаса Сергеем Сухановым; полковник запаса Александр Иноземцев взялся за создание книги о боевом летчике, первом начальнике Курганского высшего военно-политического авиационного училища генерале Владимире Тостановском, и сегодня публикуется ее первая часть; доктор исторических наук, профессор Дмитрий Гаврилов представил редколлегии альманаха свое видение жизни нашего земляка маршала Филиппа Голикова, именем которого назван главный проспект в Заозерном, тут есть над чем подумать и что переосмыслить; Валерий Бездомов, зауральский краевед, представил читателям многолетний плод своей кропотливой и заинтересованной работы – книгу «Генерал-полковник Шумилов Михаил Степанович». Думается, что такая мощная подборка материалов к скорбной дате – достойный ответ псевдоисторикам, искажающим суть будущей Победы.

Не менее достойно выглядит в альманахе и рубрика «Новые книги». На сей раз не обошлось лишь констатацией факта и обложкой книги. Редколлегия сопроводила факт выхода печатного издания отрывком из каждого, что дает почти максимальное понимание их содержания. Сергей Кокорин – проза, Валерий Портнягин – поэзия, Александр Сметанин – краеведение, Николай Аксенов – опять удивил! А в результате получился симбиоз новых мыслей и литературных находок, при котором никто из авторов не выставил себя лучшим. Все – индивидуальны и хороши своими произведениями!

Все рубрики охватить в небольшом рассказе об авторах невозможно. Просто читайте.

Но: Ольга Драгунова, «Литературоведение»... Повествование об Александре Зырянове – талантливом человеке из народа, которому удалось оставить свой след во многих сферах жизни человечества: археологии, этнографии, метеорологии, экономике, культуре... Думается, что нужно продолжить рассказ об этом замечательном уроженце Шадринского района.

Предмет чайный – «Наши альманахи» от Андрея Белоусова, директора Каширинского музея. Во многом с реалиями сегодняшнего дня перекликается это исследование... Сразу вспоминаются слова классика литературы Виктора Астафьева к руководству нашей области в середине 90-х годов прошлого века: «Накормить народ – вещь необходимая. Но насытить его духовной пищей – вдвойне...»

**ЗЫРЯНОВ
АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВИЧ**

(28 августа 1830 г., Верхний Яр Шадринского уезда –
12 ноября 1884 г., село Скатынское Шадринского уезда Пермской губернии)

АЛЕКСАНДР ЗЫРЯНОВ О РОЛИ РЕМЕСЕЛ И ПРОМЫСЛОВ В СОЦИУМЕ

Земля, связанная Исетью, жила своей жизнью, отличавшейся от жизни, например, Притоболья или восточной части нынешней Курганской области. Край был богатым в силу своего географического положения. Главенствующую роль в особом статусе региона сыграла Исеть, которая в XVII веке являлась водным путем передвижения легких, с малым водоизмещением судов, барж. Много значила для экономической жизни края близость крупных городов – Челябинска, Тюмени, Екатеринбурга. В Приисетье проходила Крестовская ярмарка, по своим масштабам – третья в России. Здесь сходились товары и деньги торговых потоков «Восток – Запад». На ярмарке можно было все продать и купить. Мастерской народ края вез сюда предметы своей работы, приобретая взамен нужное для хозяйства. Ярмарка формировала спрос и предложение, активизировала творчество. Вот как определял ее роль, исторические горизонты и торговый размах исследователь края XIX века А. Серафимов: «Ивановская, или Постниковская, ярмарка по справедливости – важнейшая во всей империи. Начало торжка относят к концу XVII столетия, то есть ко времени явления на этом месте иконы усекновения главы Иоанна Предтечи. В 1860 году русских товаров на ярмарку было привезено и продано:

а) бумажных	на – 550,000 р. сер.	на – 398 р.
б) шерстяных	– 70,000	– 50,000
в) шелковых	– 52,600	– 20,310
г) льняных	– 16,000	– 12,610
д) суконных	– 36,000	– 20,000» [17, с. 336].

Цифры, обозначающие денежные потоки, проходящие на ярмарке, внушительны и указывают на ее масштабы в жизни региона.

В Шадринске проводились Афанасьевская, Петровская и Михайловская ярмарки. Впечатляет ассортимент товаров, представленных здесь: «...фаянсовая и хрустальная посуда, крестьянское сукно, строевой лес, железный и красный товар, сундуки, шкатулки, телеги, колеса, сельскохозяйственные товары, сырые кожи и т.д.» [4, с. 124]. Приисетские ярмарки выполняли важную роль в деле товарообмена между Сибирью, вырабатывающей сырье, и Европейской Россией, это сырье потреблявшей [4, с. 125].

Помимо серьезного экономического значения приисетских ярмарок в жизни региона, значительной была их культурообразующая функция. Ярмарки удовлетворяли потребность крестьян в общении, развлечениях, давали возможность получать новые знания, открывали перспективы реализации их творческого потенциала.

Расцвет торговли в Приисетье был обусловлен не только географическим положением края – наличием судоходной реки и близостью Верхотурского тракта, «главной дорожной артерии между Европой и Азией» [20, с. 14]. Сыграло свою роль и отсутствие здесь крепостничества. Не обремененные ярмом крепостной зависимости,

ДРАГУНОВА
Ольга Сергеевна

Родилась 25 февраля 1978 года в городе Кургане. Окончила факультет иностранных языков Курганского государственного университета в 2001 году, квалификация – «Филолог. Преподаватель», специализация – «Зарубежная филология. Немецкий язык и литература. Английский язык».

Работает в Курганском государственном университете. Окончила заочную аспирантуру КГУ по специальности «Фольклористика».

В 2018 году успешно защитила кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Своеобразие фольклористической деятельности А.Н. Зырянова».

В 2015 году награждена дипломом за лучшую аспирантскую работу «Рукописная книга для народного чтения крестьянина А.Н. Зырянова «Голос зауральяца» в его просветительской деятельности» в рамках проведения Всероссийской научно-практической конференции «XIII Зырянские чтения» в секции «Филологические науки».

Воспитывалась на устном народном творчестве: сказках, загадках, песнях и прибаутках своей бабушки, Зыряновой Любови Никифоровны (примечательно то, что фамилия и отчество с краеведом совпадают!). Все каникулы проводила в Шадринском районе (откуда родом сам фольклорист Зырянов). Записывала фольклор из уст бабушки для бережного

местные земледельцы имели возможность развиваться и в других направлениях. Это вызвало появление и развитие в регионе широкого спектра ремесел и промыслов, что также способствовало развитию товарно-денежного оборота. «Крестьяне здесь основывают салотопенные, мыловаренные заведения, сверх сего делают они на продажу колеса, вилы, грабли, оси и телеги, а женский пол обрабатывает куделю, прядет, тклет холсты, также вяжет, шьет, работает в огородах и избытки огородных растений летом продает на рынке» [16, с. 109] – такую характеристику занятиям жителей Приисетья в свободное от земледелия время давал Н.С. Попов в экономическом очерке «Хозяйственное описание Пермской губернии».

Талантливость, мастерство и предприимчивость приисетских крестьян отмечали местные священники-краеведы, имевшие возможность наблюдать за жизнью в селе и приходе. Так, Т.И. Успенский писал: «Между крестьянами есть и хорошие мастера: кожевники, кузнецы, портные, чеботари, плотники, овчинники, гончары и прочие. Но редкие из них занимаются исключительно одним ремеслом: большая часть из них остается хлебопашцами, в большем или меньшем размере» [19, с.20].

О высоком качестве производимых местными ремесленниками товаров свидетельствует регулярное участие их в региональных и общероссийских выставках, а также те награды, которые получали зауральцы на этих мероприятиях. Так, работы мастеров Приисетья были отправлены на Сибирско-Уральскую промышленную выставку (1863), организованную УОЛЕ. Список экспонентов – выходцев из Приисетской провинции – представлен. Он включает в себя 48 заявлений. Показателен и реестр представленной на выставке продукции: кружевные изделия, овчины, гребни, скатерти, полотенца, пояса, опояски, кожи, крестьянские сапоги, шляпные изделия, веревки, канаты и пр. [4, с. 125]. Приведен-

ный перечень приисетских материальных достижений свидетельствует о разнообразии и высоком уровне крестьянского традиционного творчества в крае.

Не скованные рамками крепостничества, зауральские труженики не ограничивались земледелием, стремились осваивать новые занятия, относясь к ним как к творческому процессу. Аура высокоразвитой художественной материальной культуры края также способствовала богатству в нем культуры вербальной – фольклорного творчества.

Выросший в атмосфере созидательного, творческого крестьянского бытия, окруженный крестьянами – «деятельными, предприимчивыми» тружениками, государственный крестьянин А.Н. Зырянов, во-первых, сам привык много и упорно работать. Исключительно самообразование позволило ему стать этнографом-энциклопедистом. В частности, он освоил и успешно применил на практике азы фольклористической деятельности. Во-вторых, наблюдения над окружающими его людьми сформировали в сознании крестьянина А.Н. Зырянова устойчивый портрет его земляка – человека, которому труд дает основание раскрывать свой богатый творческий потенциал. Следующая характеристика приисетских крестьян обнаружена нами в одной из рукописей А.Н. Зырянова, еще не введенной в научный обиход: «В отношении промыслов они есть люди энергичные и предприимчивые. Достаток торговых мест, близость Шадринска доставляют возможность сбывать рукоделие, служат отличным средством к распространению труда и занятий, а солонность черноземной почвы невольно приковывает к себе внимание пахаря, получающего всегда сторицею за посильный труд свой» [2].

Такое понимание сущности живущего в Приисетье свободного крестьянина-сибиряка коррелирует с личностью самого А.Н. Зырянова, он словно «пропустил» его через себя и всей своей жизнедеятельностью подтвердил справедливость своего взгляда на зауральского «простолюдина»-земледельца.

сохранения и передачи будущим внукам и правнукам.

Личный вклад в развитие науки, в решение научных проблем в соответствующей области знаний определяется тем, что полученные результаты ее кандидатской диссертации «Своеобразие фольклористической деятельности А.Н. Зырянова» углубляют и уточняют научные представления о роли отдельных личностей в становлении регионального краеведения как комплексного направления в изучении региональных традиций, формировавшихся в контексте историко-социальных условий. Эмпирический материал диссертации может быть широко использован в практике преподавания гуманитарных дисциплин в высших учебных заведениях. В частности, материалы диссертации могут быть использованы в разработке методических указаний для подготовки учебно-методических комплексов, программ и учебных планов для студентов и магистрантов филологического факультета КГУ.

В 2017 году в Санкт-Петербурге вышел 2-й том пятитомника «Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.» под редакцией Т.Г. Ивановой «Русские фольклористы», в котором опубликована научная статья Драгуновой О.С. «Александр Никифорович Зырянов».

Принимала участие в III Всероссийском конгрессе фольклористов 3–7 февраля 2014 года в Москве (секция №11, «История науки» с докладом «Зауральский крестьянин А.Н. Зырянов – исследователь фольклора»).

Всего ею опубликованы 32 научные статьи, в том числе в сборниках, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК России (4 статьи).

Активный участник различных международных и всероссийских научных конференций.

От редколлегии: Александра Никифоровича Зырянова по праву можно считать основоположником письменного краеведения в Зауралье. Его имя было широко известно среди просвещенных деятелей.

В 1990 году имя А.Н. Зырянова было присвоено Центральной библиотеке г. Шадринска для увековечения памяти о ее основателе.

Семья Александра ЗЫРЯНОВА.

**Слева направо:
приемная дочь Екатерина,
жена Сусанна Ардалионовна,
дочь Нина**

А.Н. Зырянов изучал духовную и материальную культуру крестьян Приисетья на протяжении почти 40 лет.

Наследие А.Н. Зырянова свидетельствует о том, что краевед видел свое фольклористическое призвание не

только в фиксации текстов устного народного творчества. Он считал необходимым запечатлеть самые разные стороны жизни приисетского крестьянства: социальную, мировоззренческую, экономическую, бытовую. Фольклор представлялся собирателю одним из проявлений многосторонней жизни талантливого, смекалистого, художественно одаренного зауральца, способного, что называется, «как словом, так и делом» реализовать свой богатый творческий личностный потенциал.

Так, А.Н. Зырянов первым в зауральском краеведении описал огромный комплекс ремесел и промыслов Зауралья, показал их роль как социализирующего фактора и приложения творческого начала, не отягощенного крепостным ярмом зауральского крестьянина. Обстоятельное, предельно подробное исследование А.Н. Зырянова «Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии» было опубликовано в «Трудах Императорского Вольного экономического общества» [7;8;9;10]. О высокой оценке работы провинциала маститыми столичными специалистами свидетельствует большая серебряная медаль, присужденная в 1867 году Вольным экономическим обществом зауральскому краеведу за это исследование.

На первых страницах работы А.Н. Зырянов отметил ярко выраженный аграрный характер экономики Зауралья, который предопределял и отраслевую специализацию кустарного производства края: «Шадринский уезд по преимуществу уезд земледельческий, истари славившийся богатством почвы и хлебородием» [5, с.5]. Хлебопашество постулировано как основа жизнедеятельности края большинством исследователей Зауралья. Так, В.П. Бирюков в краткой исторической справке по развитию фарфорово-фаянсового дела в Приисетье в начале XX века отмечал: «Приисетье – чисто земледельческий край... Земледелие, безусловно, останется в крае, но в широкие полосы его полей будет вкраплена богатая промышленность, и не только по переработке продуктов сельского хозяйства, но и по добыче и обработке различнейших полезных ископаемых» [1, с. 41].

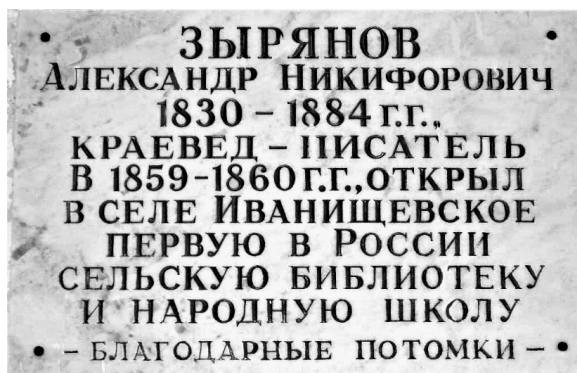
**Дочь Антонина Александровна,
по мужу Ловыгина**

Наряду с земледелием, по наблюдениям А.Н. Зырянова, имели значение промыслы и ремесла, которые «давали способы и средства жителям к безбедному существованию и своевременному оплачиванию податей и отправления повинностей. У иных хозяев промыслы вызывают расширение земледелия, у других, напротив, земледелие служит источником к возрождению и ведению рукоделия во время досуга и работы; но в обоих случаях основным фундаментом жизни служит земледелие, как более подручное, обычное и неизменное. Оно сохраняет и спасает от всяких невзгод и неудач ремесленных» [5, с. 6].

Зауральский краевед дает подробное описание основных ремесленных занятий, характерных для жителей Шадринского уезда Пермской губернии (современного Шадринского района Курганской области). В очерке не просто констатируется наличие тех или иных промыслов в крае, но подвергается осмыслению и анализу деятельность крестьян-ремесленников. Приводятся справедливые выводы: «Мелкие же промышленники и мелкие производители, запустив земледелие, мало извлекали пользы из одного ремесла или промысла. Зато в руках умного распорядителя ремесло и земледелие шло и велось рядом одно с другим, помогало и доставляло прекрасный способ жить безбедно, даже исправно, беззаботно, без вреда здоровью, с прибылью и наростом капитала. Во всем, как и здесь, нужен труд и усердие» [6, с.16].

Закрепленность конкретных ремесел и промыслов за тем или иным локусом Шадринского региона связывается А.Н. Зыряновым с непростой историей заселения края: «Во всех волостях промышленность ведется исстари; но кожевенное производство занесено поначалу в село Большеканашенское выходцами из великорусских губерний, бежавшими из владельских и монастырских вотчин в конце XVII столетия» [5, с.7]; «Мыловарение занесено в д. Хлызову издавна и из нее уже перешло в Шадринск с переездом туда на постоянное жительство некоторых крестьян из фамилии Тенигиных, в роде коих находится до сих пор производство мыла» [6, с.18]; «Обработкой сырых овчин в Шадринском уезде занимаются по преимуществу люди приезжие из великорусских губерний и в особенности из Сарапульского уезда Вятской губернии» [5, с.59].

Мемориальная доска
Зырянову А.Н.

Наблюдения исследователя подтверждаются выводом Е.В. Турушева, изучавшего историю Зауралья: «Выходцы из различных регионов России имели в своем составе «достаточно большой процент кустарей, которые и на новом месте продолжали вести промысловое хозяйство» [18, с. 82].

Значение работы А.Н. Зырянова в том, что впервые в зауральском краеведении раскрыты истоки устойчивости ремесел и промыслов в Приисетье. Они, по Зырянову, в боязни крестьян нарушить традиции, заложенные дедами-прадедами. По наблюдениям А.Н. Зырянова, «обитатели Шадринского уезда мало знакомы с наукою и искусством, в ведении своего хозяйства основываются на опыте и практике рутины, старины и предков...» [5, с. 5]. Думается, данная мотивировка, высказанная исследователем, вполне оправданна, поскольку соответствует логике всей традиционной культуры. По архаическим представлениям, лежащим в ее основе, отход от принятого дедами-прадедами уклада всегда чреват неприятностями и наказуем. Вот почему «рутина, старина и почитание предков» становятся важными звеньями в сохранении и развитии того или иного ремесла в крае.

Значимость очерка зауральского фольклориста для современных народоведения и фольклористики состоит и в том, что в нем впервые показана роль семьи в становлении и развитии того или иного ремесла, а также обозначена функция ремесел в скреплении семьи. Согласимся с И.С. Меншиковым, отмечавшим, что «преемственность осуществлялась в основном через обычай, который и регулировал основные нормы поведения» [12, с. 119]. С раннего возраста дети посредством постоянного общения со старшим поколением получали основные навыки не только трудовой деятельности, но и нормы поведения, общения, проведения досуга. Большая часть крестьянских заведений во второй половине XIX века «была основана на труде семейных рабочих» [18, с. 85]. Таким образом, ремесла и промыслы в общерусской традиции в целом и в Зауралье в частности носили характер семейного труда, выступая одним из инструментов упрочения семьи.

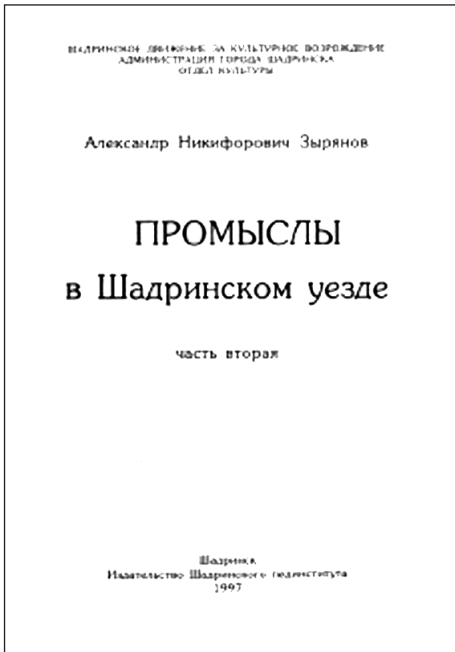
Мысль о связующей для жизни семьи ремесел становится лейтмотивной в работе зауральского исследователя региональных промыслов. Так, в разделе «Шитье шапок и фуражек» А.Н. Зырянов отмечает: «В пригородном к г. Шадринску селе Полевском несколько лет тому назад крестьяне стали заниматься заготовкой и перепродажей шапок и фуражек, делаемых для крестьянского обихода. Это производство сперва было в руках немногих, но ныне охватило домов 15 с 60 рабочими всякого пола и возраста и ведется круглый год рядом с земледелием как главной опорой домоводства и хозяйства. Дети и женщины помогают постоянно по мере досуга и

возможности» [6, с. 9]; «Выделкой пряников занимаются исключительно в селах Иванищевском и Сосновском Шадринского уезда, у коих состоит в настоящее время пряничных изб до 31; рук занято взрослых и детских обоюга пола до 250» [5, с. 52]; «Чеботарные мастера водятся во всякой деревне для удовлетворения местных нужд и потребностей. В селах Большеканашском, Иванищевском (иначе Малоканашском), Кривском, Сосновском, Потанинском и Дрянновском находится чеботарей до 200 человек обоюга пола с двумястами подшивалков из мальчиков и девочек. Все они работают день и ночь, за исключением необходимых часов для отдыха, и работают с удивительным терпением» [5, с. 29].

В этом смысле ремесла и промыслы, по А.Н. Зырянову, незаменимы как средство утверждения профессиональности семьи, ее «фамильной» неповторимости в какой-либо творческой области. Приведем еще один яркий пример в подтверждение вышесказанного тезиса при подробнейшем описании выделки глиняной посуды: «Работа производится у одних в отдельных (жилых) избах, у других в домах общих, где живут целые семьи» [6, с. 3].

Работа А.Н. Зырянова «Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии» отмечена печатью добросовестности и наблюдательности. Она может рассматриваться и как своеобразное пособие по разным видам ремесел. Серьезный исследовательский подход обнаруживается при описании изготовления щетей, колёс, выкваски овчин, шитья шапок и фуражек, выделки шерстяной обуви и войлоков, кожевенного производства, выделки кожевенной сыромяти, кузнечества, мыловарения и т.д. Помимо этого он поднимает вопрос о важности изучения и описания основных кустарных промыслов и ремесел. Так, в главе II «Шитье кожевенной обуви, рукавиц и хомутин» сообщено: «До сего времени производство шерстяной обуви в Шадринском уезде нигде не было описано и оставалось под завесой неизвестности, несмотря на его значительные размеры, которые при том год от года становятся все больше и больше» [5, с.47]. Первая глава заключается тревожным выводом: «Точных и положительных сведений о кожевенном производстве в Шадринском уезде не ведется ни в одном присутственном месте по небрежности и невниманию к тому» [5, с. 29]. Последнее замечание особенно примечательно. Впервые в зауральском краеведении был брошен упрек чиновничеству за его небрежное отношение к народной культуре, народной талантливости и народной пытливости, к основе жизни этноса.

Особое внимание уделено производству глиняной посуды, так как именно она сохраняла результаты многих форм труда, превращала естественный продукт в культурный: приготовление горячей пищи, соленье, маринование, а также консервацию. Так, в разделе «Выделка глиняной посуды» А.Н. Зырянов пишет: «Ремесло это существует здесь исстари и удовлетворяет совершенно все местные потребности. Делаются корчаги, крынки, горшки, разливахи, кувшины, ладки и покрышки разных величин и размеров. Все они в домоводстве необходимы» [6, с.3]. Подробные сведения приведены А.Н. Зыряновым относительно качества и достоинства глины, которую достают горшечники из берегов речек и недр земли: «В Чувашевой и Ганиной особенно богаты вязкою желто-зеленой глиной берега речки Малый Канаш, наносимой нередко вместе с илом большими массами во время водополя» [6, с.5]. В деталях описан исследователем процесс добывания глины и стадии изготовления глиняной посуды, сбыт готовой продукции, приводятся расчеты среднего количества вырабатываемого товара и определяется его годовой оборот, доход: «Заработок хотя незначительный, зато самый достаточный, судя по тому, что на производство

посуды мастер ничем от себя не жертвует, получая материал из недр земли готовый, кроме личного труда, дров и поездок на базары и рынки» [6, с. 8].

Впервые этот вид ремесла введен в комплекс традиционной крестьянской жизни. Так, указано на тесную связь его с семейной обрядностью в Зауралье: «Зато на свадебных весельях и пиршествах у люда сельского и городского, менее достаточного, умильно радуют груды лопы и черепьев посуды, доказывающие целомудрие молодух, и доставляют горшечникам, в свою очередь, прекрасный случай к большим заработкам, так как за всю массу истребленной, изломанной посуды требуется наделать и доставить столько же другой, новой» [6, с. 9].

Заслугой краеведа является то, что он показал пытливость, сметливость практического склада ума зауральских крестьян, их

способность увидеть пригодность и значение того или иного природного материала, знать его качество. В разделе «Мыловарение» раскрыта точность соблюдаемой технологии процесса: «Чтобы варить мыло из сырого коровьего сала, потребен щелок, который составляется в подчанках чрез соединение воды с золой и известью» [6, с. 18]. Так, в параграфе «Кожевенное производство» описано качество мездры, иначе стружки: «Яловая стружка, разумеется, добротнее и потому ценнее, напротив, конская тоще, хуже и потому к выварке клея мало удобна и невыгодна» [5, с. 17].

Стержнем развития крестьянского хозяйства репрезентируются соблюдение традиций, закрепление навыков промыслового труда и простой по своему устройству техники. Наличие необходимого сырья, навыков изготовления, нехитрое оборудование позволяли организовать массовое производство продукции на кустарном уровне. Исследованный и описанный А.Н. Зыряновым технологический процесс ряда производств на территории Шадринского края свидетельствует о высоком уровне работы зауральцев даже на примитивных механизмах. Для производства кожи, например, применялись ручные орудия труда: «струги, тупики и подходы» [5, с. 17]; в кузнечестве «кузницы с обыкновенными горнами и ручными мехами снабжены достаточным количеством клещей, молотов разного веса и т. п.» [6, с. 12]; для производства мыла кроме котла «содержатся в мыловарнях чаны или полчанки из дерева, обтянутые железными и деревянными обручами, и деревянные же кади. Затем имеются еще ведра железные или деревянные, лопаты, ковши или черпаки и лубяные коробыя» [6, с. 18].

Детально описав процесс шитья, стоимость материала и готовой продукции, виды головных уборов, бытовавших в то время, А.Н. Зырянов пишет и о сбыте произведенного товара: «Овчины и мерлушки охотнее скупаются в выделанном виде на ярмарках у шатровских крестьян (Ялуторовского уезда), которые, приобретая овчины и мерлушки большими партиями на обширную оптовую продажу, продают их по более сходным ценам. . . Продажа шапок и фуражек производится на всех мест-

ных торгах и базарах, для чего необходимы мастерам разезды и путевые расходы» [6, с.10-11]. Таким образом, А.Н. Зырянов подчеркивает немаловажную роль ремесел в экономическом благосостоянии зауральских крестьян: «Жизнь ремесленников беззаботна у домашнего очага и является в более ярком достатке, чем у рядовых крестьян, незнакомых с рукоделиями, по значительности заработка, доставляющего важное пособие в быту хозяйском; физические силы ремесленников крепки и тверды, и потому на вид они молодцеваты, чему много способствует деятельность и движение, с которыми они неразлучны в работе и посредством которых лучше закаливают свою натуру» [5, с. 48].

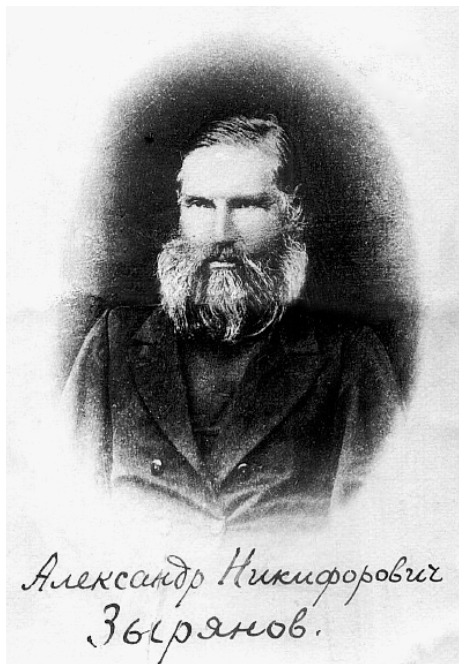
По А.Н. Зырянову, ремесла важны еще и в плане осуществления потенциальной коммуникации региона. Многочисленные зауральские ярмарки, рождением своим во

многом обязанные местным мастерам-умельцам, в значительной степени связывали округу. А.Н. Зырянов приводит следующие сведения о ярмарках: «Выгодно закупаются кожи и на тех ярмарках, куда бывает значительный своз их, например, в городе Шадринске на Михайловской, Афанасьевской и Петровской, в городе Далматове и на зимней Никольской, в селе Масляном на Екатерининской, в селе Катайском на Крещенской и у Креста за селом Масляным на Ивановской-Покровской» [5, с. 20]; «Местные крестьянки научились в последнее время ткать из коровьей шерсти посредством ручных станков (красен) грубые полотна, годные на половики и поддевки, которые с выгодою продают в городах Шадринске и Далматове на случающихся там торгах и на Ивановской ярмарке, бывающей в конце августа за селом Масляным в 27 верстах от Шадринска» [5, с. 17]; «Сбыт глиняной посуды производится на всех еженедельных базарах и годовых торжках в городах: уездном – Шадринске и заштатном Далматове, в разъездах по деревням и селениям и на всех других торгах в Шадринском уезде» [6, с. 7].

Судя по сведениям, приведенным А.Н. Зыряновым, рынки сбыта продукции Южного Зауралья выходили за рамки территории края, охватывая ярмарки и торжки других регионов России: «Есть в среде овчинники и высокого полета, скупающие на уральских торгах и ярмарках овчины большими партиями, которые по выработке, как и шерсть, отправляют потом на своих лошадях или с обозами и особыми транспортом для распродажи и сбыта внутрь России» [5, с. 59].

В 1896 году Пермское губернское земство во введении к книге «Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии» отмечало: «Начало исследованиям кустарной промышленности в Пермской губернии положено трудами покойного А.Н. Зырянова» [11,87-88].

Для нашего времени очерк «Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии» интересен не только как ценный источник, содержащий информацию о профессиональных пристрастиях зауральцев в середине XIX века, но и как материал,

**Библиотека
имени А.Н. Зырянова
в Шадринске**

позволяющий судить о роли промыслов и ремесел в жизни зауральского социума, а также об общем состоянии традиционной крестьянской культуры в крае в то время.

О разнонаправленном мастерстве крестьянина-сибиряка писали многие исследователи. Однако именно А.Н. Зырянов впервые поведал широкой российской общественности о ремесленных занятиях, промыслах и профессиональных пристрастиях, распространенных среди жителей Шадринского уезда Пермской губернии. В исследовании не просто констатируется наличие тех или иных промыслов в крае, но и анализируется деятельность крестьян-ремесленников, что приводит автора работы к следующему выводу: «В руках умного распорядителя ремесло и земледелие шло и велось рядом одно с другим, помогало и доставляло прекрасный способ жить безбедно, даже исправно, беззаботно, без вреда здоровью, с прибылью и наростом капитала» [6, с.16]. Выводы фольклориста А.Н. Зырянова об одаренности его земляков подтверждаются многочисленными сведениями, приводимыми этнографами-исследователями региона второй половины XIX века. Так, Х. Мозель, побывавший в крае и посвятивший его описанию очерк, указывал, что жители Зауралья «занимаются всеми промыслами, какие только существуют в губернии» [14, с. 42]. Подобные сведения приводят в своих статьях известные зауральские священники-краеведы И.М. Первушин, Т.Г. Успенский, А.И. Третьяков.

Для фольклористики этот труд А.Н. Зырянова значим как размышление автора о многогранной одаренности приисетских крестьян. Промыслы и ремесла, как считал исследователь, входят в тот емкий контекст крестьянской жизни зауральцев, их культуру, которая характеризуется материальными и духовными достижениями, в том числе и фольклором: песнями, сказками, пословицами, поговорками, загадками, семейной обрядностью. Не случайно рассказы о зауральских творцах-мастерах перемежаются у А.Н. Зырянова с образцами вербального творчества тех же талантливых создателей. Так, например, характеризуя оживленную торговлю произведенными изделиями на местных ярмарках, автор приводит пословицы, активно употребляемые участниками торговли и свидетельствующие об остроумии ремесленника, силе его «живого слова», а также практической жизненной хватке зауральца: «Маленький барыш лучше большого, по выражению кожевников, или домашняя копейка лучше заезжего рубля» [5, с. 23]; «Базар цену строит» [5, с. 46].

«На брюхе шелк, а в брюхе шелк» [6, с. 17]. Зауральский фольклорист-самородок XIX века предугадал один из базисных векторов развития всей последующей отечественной фольклористики.

В целом вся фольклорная культура пронизана глубоким уважением к трудовой деятельности и мастерству народных умельцев.

Русские народные сказки, легенды, песни, собранные А.Н. Зыряновым, поэтизируют труд крестьянина, ведь именно в этом занятии видится носителем фольклорного сознания путь человека к спасению. Притча «Монах-спасенная душа», записанная А.Н. Зыряновым со слов шадринских хлебопашцев и опубликованная им в «Пермском сборнике», повествует об одном монахе, который «молился в пустыне двадцать лет» и в конце концов решил, что спасся. Но явившийся во сне однажды незнакомец неожиданно огорчил его: «Хоть ты думал о себе много, поди-ко, однако, в мир, посмотри там, как спасатца муж с женой». Попросившийся к тем самым супругам на ночлег монах, понаблюдав за ними, заметил, что жили эти люди, «как все живут, не вовсе набожно, не так, как в пустынях». Каково же было удивление монаха, когда ночью он увидел «ангелов около их». Народная мудрость, которая открывается изумленному пустыннонику, приравнивает труд человека к святости: «В мире, вишь, легко им спастись тем, что хоть они грех грешат завсе, дак зато за делами и не подумают о себе, што не грешны или безгрешны». Думать надо о работе, а не о спасении души, и тогда «безгрешье само придет, без нашей печели» [21] – такова главная мысль притчи.

Об этом же говорят и записанные в зауральских деревнях пословицы о трудолюбивых пахарях, работающих, по словам А.Н. Зырянова, «в поте лица»: «Кто пахать не ленится, у того хлеб родится»; «Каково посеешь, таково и пожнешь» [15].

В этом смысле многочисленные ремесла и промыслы, получившие в Зауралье столь широкое развитие, органично связаны с утверждаемой в фольклоре народной апологетикой труда как созидательного и «душеспасительного» начала всего человеческого бытия. Следовательно, обращение фольклориста А.Н. Зырянова к данному аспекту зауральской традиционной культуры вводит ее в общечеловеческий гуманистический контекст.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бирюков, В.П. Из истории фарфорово-фаянсового дела в Приисетье // Исетско-Пышменский край: Сборник краеведческих статей. Посвящается памяти местного краеведа А.Н. Зырянова. – Шадринск, 1930, С.41-49.
2. ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 8
3. Громько, М.М. Традиционные формы поведения и нормы общения крестьян XIX в. – М., 1986.- С.74
4. Данные о ярмарках города Шадринска (1876 год) // Шадринская старина: краеведческая хрестоматия; вторая половина 50-х - начало 80-х гг. XIX в.; отв. ред. С.Б. Борисов - Шадринск, Изд-во Шадринского пединститута, 1997. - С. 122-126.
5. Зырянов, А.Н. Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии. / А.Н. Зырянов сост. С.Б. Борисов. - Шадринск: Исеть, 1997. - Ч. 1.- 88 с.
6. Зырянов, А.Н. Промыслы в Шадринском уезде / А.Н. Зырянов; сост. С.Б. Борисов. - Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1997. – Ч.2. – 32 с.

7. Зырянов, А.Н. О выделке кирпича крестьянами Шадринского уезда Пермской губернии // Труды Императорского Вольного экономического общества. - СПб. - 1866. – Т. III. - С. 33 - 41.
8. Зырянов, А.Н. Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии / А.Н. Зырянов // Труды Императорского Вольного экономического общества. - СПб. - 1867. – Т. III. – Выпуск 1. - Июль. - С. 12-38.
9. Зырянов, А.Н. Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии / А.Н. Зырянов // Труды Императорского Вольного экономического общества. - СПб. - 1867. - Т. III. - Выпуск 3. - Август. - С. 195 - 201.
10. Зырянов, А.Н. Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии / А.Н. Зырянов // Труды Императорского Вольного экономического общества. - СПб. - 1869. – Т. I. – Выпуск 5. - С. 367 - 384.
11. Иванча, И.А., Кашеваров, М.С. Александр Никифорович Зырянов // Промыслы в Шадринском уезде Пермской губернии / Сост. С.Б. Борисов – Шадринск: ПО «Исеть», 1997. – С. 79-88.
12. Меншиков, И.С., Королев, Н.В. Русская семья в Южном Зауралье в XIX – начале XX века // Культура Зауралья. Прошлое и настоящее. Вып.6 : Сборник научных трудов. – Курган: Изд – во Кург. госуниверситета, 2005. – С. 119-121.
13. Миненко, Н.А. Культура русских крестьян Зауралья. – М., 1991. – С. 125-131.
14. Мозель, Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба / Х. Мозель // Шадринская старина: краеведческая хрестоматия. - Шадринск: Изд-во ШГПИ, 1997. - С. 42 -47.
15. НА РГО. Р. 29. Оп. 1. Д. 58. Зырянов А.Н. Пословицы, употребляемые в Шадринском уезде Пермской губернии. 1850.
16. Попов, Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии / Н.С. Попов // Шадринская старина: краеведческая хрестоматия (вторая пол. XVII – первая пол. XIX вв.); отв. ред С.Б. Борисов. - Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1996. - С. 98 - 114.
17. Серафимов, А. Ивановская ярмарка в Шадринском уезде / А. Серафимов // Пермские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1861. - №26. - С. 336 - 339.
18. Турушев, Е.В. К вопросу о развитии крестьянских промыслов на территории Южного Зауралья в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Аграрная наука: Проблемы и перспективы. Материалы региональной научно – практической конференции. – Курган: ГИПП «Зауралье», 2002. – С.82-85.
19. Успенский, Т.И. Очерк юго-западной половины Шадринского уезда / Т.И. Успенский // Шадринская старина: краеведческая хрестоматия; вторая половина 50-х - начало 80-х гг. XIX в. - Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1997. - С. 4 - 32.
20. Федорова, В.П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старобрядцев Южного Зауралья / В.П. Федорова. - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1997. - 284 с.
21. Фольклор Шадринского уезда в «Пермском сборнике» // Шадринская старина: краеведческая хрестоматия; вторая половина 50-х - начало 80-х гг. XIX в. - Шадринск, Изд-во Шадринского пединститута, 1997. - С. 184 - 217.

**Лыскова Анастасия,
ученица 8-го класса Крутихинской
средней школы Далматовского района
Наставник –
Лыскова Светлана Александровна**

СЫН КРЕСТЬЯНИНА

Алексей Никифорович Зырянов, познавший основы грамоты, объединил в себе пытливість ученого, настойчивость исследователя, пафос пропагандиста добытых знаний. Он является примером талантливого человека из народа, которому с величайшим трудом, ценою безмерных усилий удалось встать «с веком наравне», получить признание в научном мире. Археолог и этнограф, метеоролог и экономист, историк и писатель, он оставил заметный след в культурной жизни родного края.

Вся жизнь Зырянова связана с Зауральем. Прошлое и настоящее родного края он знал не понаслышке, а в результате глубоких наблюдений над жизнью и бытом народа, из которого вышел.

А.Н. Зырянов родился 28 августа 1830 года в деревне Верхний Яр, неподалеку от города Далматово. Очень рано у него обнаружили редкая наблюдательность и влечение к книге, оставшиеся с ним на всю жизнь. Один год он был учеником Далматовского духовного училища, в пятнадцатилетнем возрасте записывал наблюдения над бытом горожан, постоянно занимался самообразованием.

Он служил писарем в селах: Уксянском, Батурином, Каргапольском, Мехонском, Барнёвском, Иванищевском. В 1861 году Зырянов переехал в Далматово, приписался к обществу мещан и занялся частной адвокатской практикой, отдавая весь свой досуг археологическим разысканиям и метеорологическим наблюдениям. К этому времени относятся все основные его труды из области истории и этнографии зауральского края.

Бедность и нужда не оставляли Зырянова до конца дней. Всю жизнь краевед-энтузиаст вызывал подозрительное отношение и прямые нападки со стороны царских властей. Лишь глубокая любовь к народу, которому он служил всей своей деятельностью, и минутные радости, связанные с успехами упорных разысканий, скрашивали дни ученого-самоучки.

Могила Александра Зырянова в Далматовском монастыре

Он первым в Зауралье сделал попытку приблизить к крестьянину книгу путем создания библиотек. В конце 50-х годов XIX века, задумав основать первую в родном крае сельскую библиотеку, Зырянов обратился за помощью к членам Вольного экономического общества, издателям столичных газет. Присланные книги, журналы и газеты, а также подаренные Зыряновым позволили открыть в 1859 году библиотеку в селе Иванищевском, перевезённую позднее в Далматово.

В 1876 году краевед передал Шадринскому земству большую часть своих книг (1210 наименований книг и журналов, 50 брошюр, 2226 номеров газет), явившись основателем Шадринской публичной библиотеки.

16 ноября 1884 года Зырянов скоропостижно умер по дороге из Камышлова в Далматово. Семья его (жена и дочь) осталась нищей. Богатый архив писателя, которым он очень дорожил, и личная библиотека (три воза книг) были проданы купцу на обертки.

Уцелела лишь незначительная часть его рукописного наследства.

Вскоре после смерти Зырянов оказался забытым. Лишь стараниями современных исследователей его имя было восстановлено.

Ныне труды писателя-краеведа получают все большее признание в научном мире. Похоронен Зырянов в ограде Далматовского монастыря, что является высокой оценкой деятельности этого просветителя его современниками.

А.Н. Зырянов вошел в историю отечественного краеведения как неутомимый собиратель устной поэзии, талантливый исследователь и бытописатель. Опубликованные им материалы по истории народного движения и этнографии зауральского края углубляют читательские представления о народе, утверждают право тружеников на лучшую жизнь. Сегодня они важны как достоверный источник изучения Зауралья.

НАШИ АЛЬМАНАХИ

...Из древней тьмы, на мировом погосте, Звучат лишь Письмена.

И. Бунин.

Арабское слово «альманах» давно уже предстало в нашем воображении как сборник литературных произведений разных авторов и всевозможных жанров. Среди экспонатов нашего музея есть книжки альманахов далёких тридцатых годов и многие последующие за ними с произведениями земляков. Альманахи курганского Зауралья. Отрезок временной жизни – от рождения и по день сегодняшний – этих литературных сборников при внимательном осмыслении их сути в целом говорит и за то значение арабского названия, кое переводится дословно, – календарь. Именно календарь, но с обратным ходом времени. Для этого достаточно просто перебрать хотя бы имеющиеся выпуски за век двадцатый.

Начнём с неприметных и неброских рукописных журнальчиков, связанных с появлением и развитием литературного музея в нашей школе. Именно журналы «ЛУЧ», а затем «РУЧЕЙ» сплотили вокруг нарождающегося музея несколько поколений учащихся школы пробами себя в литературном творчестве, поиске фольклорных материалов, оформительской работе новинок на стендах и т.д. Не сразу Москва строилась, не вдруг и на страницах школьных журналов высвечивались имена нарождающихся авторов. Если в начальных номерах всего лишь сообщения основателя музея о литературной жизни школы – литературных вечерах, походах, встречах с прозаиками и поэтами, то далее уже опыты тех, кого увлекали упражнения со словом, записи бесед со старожилами,

БЕЛОУСОВ

Андрей Дмитриевич

Директор Каширинского
литературно-краеведческого музея
Курганской области

впечатления от свершившихся памятных событий. Конечно же, появлялись рифмованные строки. Обнаружим несколько начальных поэтических опытов.

Катя Бородина

*На могучем тополе
Дружно почки лопнули,
И из каждой почки
Вылезли листочки.
Развернули трубочки,
Распустили юбочки,
Оглянулись, улыбнулись
И сказали: мы проснулись.*

Наташа Буракова

*Осень быстро наступает,
сохнут травы и цветы.
И берёзки на опушке
приуныли от тоски.
Не лепечут больше листья,
тишина стоит вокруг.
Птички больше не щебечут,
приумолкли как-то вдруг.*

Серёжа Белоусов

СТАРЫЙ УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ

*Стоит он в переулке, одинокий,
И всеми навсегда давно забыт.
И думает о прошлом, о далёком,
А город электричеством залит.*

Более полувека отделяет нас от этих строк и их авторов. С милой откровенностью и даже наивностью юная душа подмечает то, что для взрослого человека очевидно, а потому и незначимо из-за череды повторений раз за разом, год за годом. И всё-таки рискнём предположить, что подобная же наивность и непосредственность впечатлительной души да талант породили строки и про «Зелёный шум...» Некрасова, и про «Лес точно терем расписной...» Бунина, жемчужины других памятных строк русских поэтов, относящихся сегодня к классическим.

Обратимся к другому жанру из рукописных журналов – воспоминанию старожилы села. Рассказ Вылеткова Ульяна Власовича записала Клава Белоглазова: «Ну, раньше бедности хватало. Кто в зипунишке ходил, кто из нагольных овчин шубёшку сошьёт. Овчинки-то твёрдые, а ещё помочи, совсем затвердеет твоя шуба, как бы

из фанеры сшита. Так вот ехали из города мужики. Растеплило что-то одного из них, он и снял такую шубу ненадолго, положил на дровни. А она так колом и стоит. Где-то в нырке выпала шуба с дровней. Хватился мужик и бежит обратно за шубой. Бежит и видит: на дороге человек стоит. А ночь-то была не светлая. Кричит наш мужик: «Ты, гражданин, шубу не видел?» А когда подбежал поближе, оказалось, что это стоит на дороге его шуба. Вот раньше какую одежду приходилось носить».

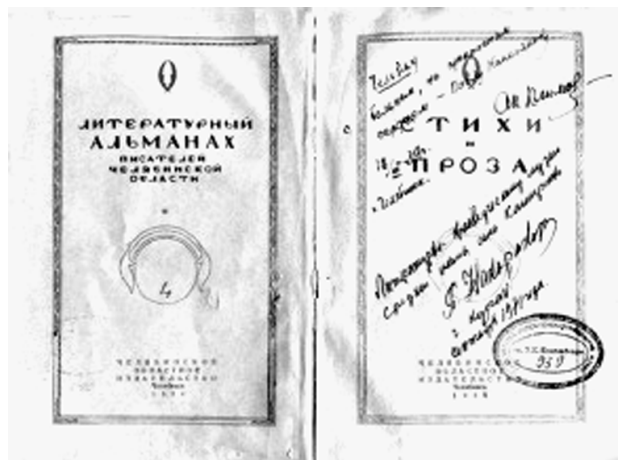
В номере «Луча» за 1963 год есть отчёт кружковцев о поездке к Антонине Антоновне Баевой и несколько её ранее не опубликованных стихотворений с автографами. Одно из них предлагаем вашему вниманию, читатели.

МАМИНЫ СЛОВА

*Привязав суконной опояской,
На печи
Ты мне их повторяла.
На ноги поставила
– и ласково эти же слова сказала.
С санками к горушке проводила
– эти же слова мне говорила.
Я уже давно лицо твоё не помню,
Руки, тёплые ладони,
Но запали прямо в душу с детства,
Стали нужным, выверенным средством
Мамины слова, как свет и жизнь.
Только два:
– Не упади, держись!*

Плавно переходя к унаследованному литературному багажу тридцатых годов XX столетия, стоит подчеркнуть, что до 1943 года мы, курганцы, входили в состав Челябинской области, а потому сборник «Стихи и проза» – продукт писательской организации города Челябинска, в годы войны – ТАНКОГРАДА, по праву и наш, курганский. О том, что фундаменты ТАНКОГРАДА были заложены пятилетками тридцатых, неоднозначных, порой противоречивых, подтверждается творчеством авторов, публиковавшихся в альманахах. И стихи, и прозаические произведения несут созидательное начало всем своим содержанием. Следуя за ними, видим, как зарождался задел будущих свершений и побед народом, воодушевлённым идеями советской власти, преданностью Отечеству.

Один из сборников за 1938 год содержит автограф писателя Анатолия Климова, автора двух рассказов, опубликованных в

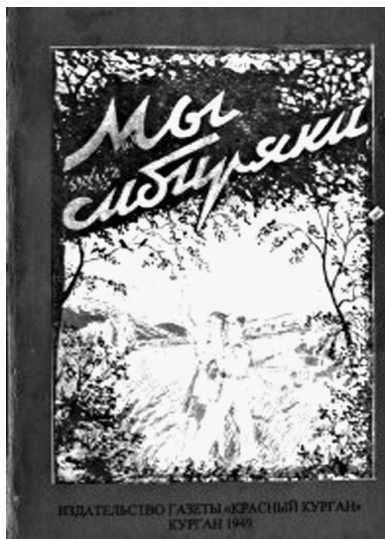
нём. Здесь же стихи Якова Вохменцева и его друга, да и соратника, Михаила Львова: « / ...в тревоге мир: опять весна,/ врагу земля его тесна... /сжимайте, юноши, ружьё/ ...за право жить,/ за право петь на всех наречьях/, за право девушек любить/». Анатолий Матвеевич Климов /1910–1945 гг./ известен не только как прозаик, многое поведавший о жизни народов Севера, но и как организатор и составитель двух уникальных книг, сочинённых детьми о родном крае. Мы их обозначим как детские альманахи.

Вторая из книг вышла под названием «Урал – земля золотая». Тысячи писем от школьников из Свердловской, Челябинской, Пермской / в то время Молотовской/ областей с рассказами, стихами, рисунками шли в адрес создаваемой книги. К январю 1941 года книга была практически составлена. Об-

рела она и выявленное конкурсом название. Ещё стоит подчеркнуть, что соавтором её стал известный датский писатель Мартин Андерсен Нексе.

По понятным причинам напечатать полный тираж книги удалось лишь в 1944 году. Перед вами первый ее экземпляр. Нашлись-таки деньги в истощённой войной стране на, казалось бы, совсем не первоочередную трату! Среди произведений – стихотворение Жени Фейерабенда «Песня уральских ребят», переложенное другим молодым участником коллективного сборника на ноты. Евгений Витальевич Фейерабенд /1926 – 1981 гг./ родился в Шатровском районе, ныне Курганской области. Поэт, автор многих поэтических сборников, достаточно полно представленных в коллекции нашего музея. Много говорится о нем и в известной «Антологии зауральских писателей».

Свой литературный сборник в Курганской области родился в 1949 году в издательстве «Красный Курган». На сигнальном экземпляре название – «Мы сибиряки», затем отвергнутое. Прижилось другое – «На земле курганской».

Издавна сложилось так, что к любому началу может быть прислонена поговорка – первый блин комом. Но не в нашем случае, за это можно ручаться. Первенец весьма скромен размером, но не содержанием. Редколлегия сборника не избежала искушения, что называется, взять быка за рога – сразу обозначить регион в пору младенчества его известнейшими личностями.

Начальная статья принадлежит Терентию Семёновичу Мальцеву. В очерке он рассказывает о своём пути колхозного полевода, о думах и практических делах крестьянина в борьбе за достойные урожаи; о постоянной заботе и усилиях в получении хлеба. Новаторские разработки полевода, подтверждённые практикой, выльются в систему земледелия, ставшую называться мальцевской.

Своим опытом, достижениями делится с читателями Герой Социалистического Труда – машинист паровоза Иван Петрович Блинов.

И далее от автора к автору тянется нить повествований о насущных заботах страны, поглощающих многие иные жизненные обстоятельства. Очевидно преобладание публицистики над литературной составляющей. Прочитанное страница за страницей может сегодня вызвать ощущение пристрастия составителя ко вполне однозначной теме, обозначенной идеологическими мотивами, созвучными строке из песни: « ..строить и жить помогает». А что, если в текстах страниц альманаха отражение действительного стремления подавляющего большинства соотечественников показать радость и значимость своего труда, успехов товарищей. В конце концов сумела же наша страна за короткий период времени самостоятельно преодолеть последствия военного лихолетья, да ещё с какой стремительностью шагнуть вперёд. И жили, и строили – из песни слов не выкинешь. Всего четыре выпуска состоялось у этого сборника с 1949 по 1956 год. Многие из его авторов продолжили свою творческую биографию в последующие годы. Глебов, Пляхин, Гендель, Сухачевский, Куликов, Рогозин, Милютин, Яков Власов, Иван Шаров, Ефим Ружанский, Павел Русых (Лев Тихонович Садовский), Поздняков, Соловьёв, Алла Старобинец, Майя Миргородская, Владимир Бирюков, Константин Донских и ещё многие другие. Имя Леонида Дзержинского появилось в номере за 1956 год, в нём опубликована пьеса «Северное сияние». Герой пьесы – русский гений М.В. Ломоносов.

Вся обстановка дня текущего велит привести полностью стихотворение «Родина», автор – Майя Миргородская (светлая ей память). Для справки: родилась она на Украине, с началом войны в эвакуации, Курган стал второй родиной и вторым воспитателем, поскольку отец погиб на фронте, мама скончалась от болезней.

*Если бы меня сейчас спросили:
Что дороже сердцу, где мой дом –
Там, на Украине? Здесь, в России?
Я бы вам ответила с трудом.
Нет, не потому что я забыла
Землю, где был сделан первый шаг,
Край, что я навеки полюбила,
Домик, утопающий в садах...
В трудный час, в суровую минуту
Мы расстались, милые края...
Девочку с далёкой Украины
Приютила русская семья.
Под спокойным, величавым небом
Юность беззаботная прошла,
Русские со мной делились хлебом,*

*Чтобы я дышала и жила.
Как же не любить тебя, Россия?
Как тебя мне в сердце не беречь,
Край, где полюбила я впервые,
Где узнала радость первых встреч?
И теперь навеки воедино
В сердце вы слились навсегда,
Ширь Сибири, солнце Украины –
Родина любимая моя!*

Так и хочется воскликнуть: что же с тобой произошло, «...Родина любимая моя»?

Перелистывая страницу за страницей всех четырёх журналов, подмечаешь – год за годом, от номера к номеру всё больше и больше новых имён авторов, творческих удач и в прозе, и в стихах; литературное начало в содержании начинает преобладать. Значит это одно – вновь образованная область наращивает свой потенциал и в культурном строительстве. Культурная революция, ставшая следствием Октябрьской, набирает обороты. Это же подтверждают экспонаты нашего музея: XIX век обозначен всего лишь несколькими именами литераторов, имеющих отношение к нашему краю, зато следующее столетие представило десятки имён земляков, вписавшихся своими произведениями в историю литературы уже и всей страны, а не только области. Год 1956-й стал завершающим жизнь альманаха «На земле курганской».

Не за горами появление Курганского отделения Союза писателей...

В 1963 году в Кургане выходит коллективный поэтический сборник «Здравствуй, жизнь!». В предисловии сказано следующее: «В этот сборник вошли стихи поэтов Зауралья. Они люди разной судьбы, разных возрастов и профессий. Но все они страстно влюблены в чарующее русское слово, много и охотно работают над своими порой несовершенными, но всегда идущими от сердца стихами. «Здравствуй, жизнь!» – первый коллективный сборник местных поэтов, выпускаемый на общественных началах...».

Выход полноценного литературного журнала осуществился ровно через тридцать лет. «Тобол», год издания 1993-й. Именно в эти годы «много говорят и пишут о бедственном состоянии культуры». В предисловии первенца его редактор и во многом инициатор издания, ответственный секретарь писательской организации Иван Павлович Яган подчеркнул: «Главная задача издания – подтвердить тот факт, что творческие люди продолжают работать, создавать новые произведения». Таким образом они стремятся к укреплению духовных сил, во многом начинающих тесниться атмосферой коммерциализации «лихих» девяностых.

Альманах великолепен своим содержанием! Вот что значит вызреть на благодатной почве предыдущих лет! Необходимо здесь подчеркнуть, что судьба альманаха с первого номера и на долгие годы повязана с достойно заявившим себя в Кургане

издательством «Парус М», руководимым Геннадием Павловичем Устюжаниным и Александром Исаковичем Букреевым.

Для сведения читателей: в начале 20-го столетия в Санкт-Петербурге наш земляк Иван Петрович Ладыжников руководил издательством «Парус», выпускавшим лучшие художественные произведения отечественных и зарубежных авторов.

В какой-то степени укорениться журналу помогло открытое письмо Виктора Петровича Астафьева, размещённое в третьем номере, в 1996 году. Виктор Петрович знал о курганских писателях не понаслышке, лично был знаком с Иваном Яганом, Виктором Потаниным, Василием Юровских, Геннадием Устюжаниным. Интересовался творческой составляющей писательской организации, вновь зародившимся альманахом. Далее процитируем самого писателя: «...Надеюсь, ваш славный альманах «Тобол» не постигнет участь многих новых изданий и вы устоите – ведь, не печатаясь, не получая внимания, не общаясь с читателями, опустят руки пишущие, одарённые люди. Я думаю, у общественности города Кургана, главы администрации и его помощников достанет ума понять, что накормить народ досыта – дело непереносимое, большое, но не дать одичать этому народу, поддержать его духовно, помочь разуму и просвещению страны – дело не меньшей значимости и важности».

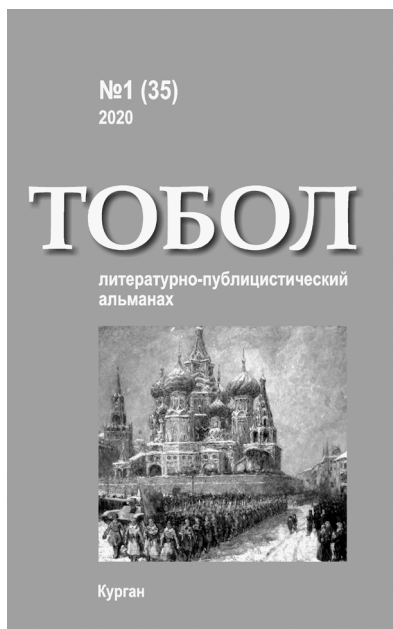
Будем считать, что надежды Виктора Петровича на длительную жизнь для «Тобола» почти сбылись. И в 2020 году вышел в свет ещё один его бумажный вариант, тридцать пятый по счёту. Все эти годы жизнь альманаха идёт по восходящей. Меняются редакторы-составители, меняется облик журнала, в какой-то степени тематика его содержания. На страницах журнала много новых имён авторов, новые рубрики. Неизменными остаются главные, завещанные Астафьевым темы: просветительства, духовности, настоящей, а не показной любви к Родине, России.

Будем считать, что надежды Виктора Петровича на длительную жизнь для «Тобола» почти сбылись. И в 2020 году вышел в свет ещё один его бумажный вариант, тридцать пятый по счёту. Все эти годы жизнь альманаха идёт по восходящей. Меняются редакторы-составители, меняется облик журнала, в какой-то степени тематика его содержания. На страницах журнала много новых имён авторов, новые рубрики. Неизменными остаются главные, завещанные Астафьевым темы: просветительства, духовности, настоящей, а не показной любви к Родине, России.

Снова вернёмся к сборникам, лежащим для показа в витринах нашего музея. Многим из них более 70 лет. Но их можно взять в руки, через них увидеть связь времён, связь глубинную, по вертикали; связь с современниками по горизонтали. В голове как-то не очень укладывается мысль об однозначности с этими ощущениями других, всего лишь электронных, версий. Дойдут ли они до будущих поколений, скажем, так через пять десятков лет? Будут ли иметь такое же воздействие на эмоциональную составляющую читателя?

Как не обернуться ещё раз к годам минувшим. Гремит война, гибнут миллионы, рушатся города, а во второй половине 1942 года выходит в свет книга нашего земляка А.К. Югова «Павлов», серия небольших книжечек «Циолковский», «Мичурин» и других миллионными тиражами! В 1944 году издаётся сборник детских рассказов «Урал – земля золотая» и многие другие издания, включая и периодику. Вот образец отношения к литературе!

Будем надеяться, что власть предрержащие не изменят и в дальнейшем свое отношение к литературе родного края. Очень надеемся...

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ВАСИЛЬЕВА

МИХАЙЛОВА
Ольга Кузьминична

Руководитель
литературно-краеведческого музея
им. Сергея Васильева
(2001–2010 годы) в школе № 29
города Кургана

ОН НАШ ПОЭТ!..

*И во сне, и наяву
Помню о Тоболе я.
Что скрывать, люблю Москву,
А Курган – тем более!*

С. Васильев.

Сергей Александрович Васильев – это один из тех людей, которыми гордится Зауралье. 17 июля 2021 года ему исполнилось бы 110 лет.

Его имя прочно вошло в жизнь нашего города. Мемориальная доска на здании театра «Гулливер» гласит о том, что здесь родился и жил Сергей Васильев. Есть в Кургане и улица его имени.

Вскоре после ухода из жизни замечательного поэта, нашего земляка Сергея Александровича Васильева, в ноябре 1975 года, было принято решение Курганского горисполкома о переименовании улицы Въезжей, на которой находилась наша школа № 29, в улицу имени С. Васильева. Школа получила почетное задание – создать литературный музей поэта. Через год, в мае 1977 года, школа уже располагала таким богатым материалом, что можно было проводить экскурсии о жизни и творчестве Сергея Васильева. И музей был торжественно открыт первым секретарем обкома партии Ф. К. Князевым.

На открытии присутствовали писатели Леонид Ленч, Виктор Потанин, Иван Яган, Алексей Пляхин, мать Леонида Куликова, родственники и друзья поэта.

В настоящее время музей насчитывает более тысячи экспонатов, из них три четверти единиц хранения – о Сергее Васильеве. Среди них – 300 книг из его личной библиотеки, многие из которых с дарственными надписями авторов, письма и рукописи С.

**Первый секретарь Курганского
областного комитета КПСС
Филипп Князев открывает музей
имени С. Васильева**

Васильева, письма и телеграммы родственников, друзей, фотографии и портреты, почетные грамоты и дипломы С. Васильева, его ордена и медали, кинолента с фрагментами из его жизни, его диплом и лента «Почетный гражданин г. Кургана».

Свои воспоминания о Сергее Васильеве прислали в музей писатели Леонид Ленч, Лев Ошанин, Юрий Прокушев, Алексей Пляхин, Антонина Баева и другие. Есть у нас подлинные документы, удостоверяющие принадлежность поэта к различным обществам и организациям, мандаты, пропуска, газеты и журналы с его публикациями и статьями о нем, афиши и программы концертов с его участием и другие материалы. Самые ценные экспонаты – фотографии родителей С. Васильева 1910 года, документ об опеке старшей сестры Марии над Тоней и Сергеем Васильевыми 1925 года, письмо сестры Сергея Есенина, книги с автографами писателей, среди которых – Людмилы Татьянической, Сергея Михалкова, Сергея Смирнова и других.

Учитывая это обстоятельство, Конфедерация музеев Курганской области в 2003 году присвоила музею статус литературно-краеведческого музея имени Сергея Васильева. С 1977 года в музее ведется Книга почетных посетителей музея. Первый отзыв оставил в ней друг и собрат по перу С. Васильева Леонид Ленч, далее – ближайший родственник С. Васильева Павел Дрязгов, друг семьи С. Васильева певица Гелена Великанова, дочери С. Васильева, Галина и Екатерина, гости из Германии, журналисты, директора школ, студенты институтов и училищ, учащиеся школ Челябинской и Курганской областей, библиотечные работники и многие другие.

Это – музей. А я расскажу сегодня о самом Сергее Александровиче и о его творчестве.

Детство будущего поэта прошло на заимке, недалеко от

города. Рос сиротой. В автобиографии он напишет: «В печальном факте сиротства есть, однако, свой жестокий резон: закалка». Мальчик он был смелый, любознательный, остроумный. Услышанные сказки пересказывал с новыми подробностями, фантазировал, удивляя слушателей, за что получил прозвище Выдумщик. С ранних лет приучился к труду: пахал, сеял, боронил, ездил в ночное. Очень любил голубей и изумительно точно подражал птичьим голосам, чем всю жизнь поражал своих друзей.

В 1926 году старшая сестра, оформив опеку, забирает Сергея в Москву. Так начался его новый этап жизни. В Москве под влиянием стихов Сергея Есенина Сергей начал пробовать себя в литературе и относить свои произведения в различные редакции. Их принимали редко, зато появилась возможность встречаться с другими поэтами и прозаиками. Познакомился с Владимиром Маяковским, слушал его советы и отзывы о своих стихах. Начал посещать семинары в писательском клубе. С 1930 года его стихи стали все чаще и чаще появляться в газетах и журналах.

Большую роль в становлении Сергея как поэта сыграл Максим Горький, которому он осмелился послать тетрадь со стихами в Италию. Ответа уже не ждал. Но ответ пришел – и очень хороший. Горький помог ему поступить в Литературный институт и даже помог материально.

Такая поддержка окрылила начинающего поэта. Еще усерднее брался за перо, и в 1933 году выходит его тоненькая книжечка «Возраст». Через какое-то время Сергей назовет ее «холостым выстрелом». Но у него оказался счастливый дар: не обольщаться достигнутым. Он понял, что писать надо о хорошо знакомом, о пережитом... Вспомнил лихие годы Гражданской войны, птиц своего детства. И вот уже в 1935 году появились две небольших поэмы – «Голубь моего детства» и «Анна Денисовна».

Так мир узнал о рождении настоящего поэта.

К голубям он вернется еще не раз. Для Сергея голубь стал символом добра, веры и мира, связью с малой родиной, с Курганом.

Затем выходит «Граница» – о защитниках рубежей Отечества, сборники «Новые стихи», «Время» и другие. Он берется за большую поэту «Портрет партизана», но закончил ее только после войны.

Так Сергей Васильев вошел в большую поэзию. На его самобытность и особую манеру стиха обратил внимание Горький и пожелал с ним встретиться. Встреча длилась всего час, но след оставила на всю жизнь. Об этом Васильев напишет в стихотворении «Здесь Горький жил»:

*Он говорил, что жизнь сложна
Для всех людей подряд,
Но для художника она –
Сложнее во сто крат.*

В Литературном институте у Сергея были хорошие учителя, но главным своим воспитателем он считал жизнь.

Самый основательный опыт жизни ему дала Великая Отечественная война.

В армию его не взяли, но Сергей Васильев стал добровольцем народного ополчения. И до конца войны им и остался как военный корреспондент. Участвовал в боях за Москву, затем – в освобождении Крыма и Украины, прошел через Польшу и

Германию. Своими глазами видел, на какие подвиги способны защитники Отечества, что пережили люди на оккупированных территориях, как боролись с фашистами.

Его фронтовые стихи, написанные по горячим следам, печатались в армейских и центральных газетах, выходили отдельными книжечками: «Москва за нами», «Гневные строки», «Война. Фронтовые стихи», «Москва моя», «Поле русской славы», «Огонь», «Великая Отечественная» и другие. И все это о не выдуманных героях, а из реальной жизни. Герои фронта и тыла.

В 1943 году С. Васильев по заданию газеты «Правда» едет на Урал к оружейникам, в результате появляется поэма «На Урале». В ней показано, что герои глубокого тыла трудятся самоотверженно, как гвардейцы фронта на передовой.

По определению критика А. Макарова, его герои «рождены для храбрых дел, для пламенной жизни большой». Пример тому – стихи «Русский человек», «Россия», «Белая береза», поэмы «Портрет партизана», «Первый в мире», «Достоинство».

В последней на примере Дмитрия Карбышева поэт показал силу патриотизма, которая помогает сохранить человеческое достоинство в самые тяжелые минуты жизни. Автор вводит в поэму подлинные последние слова погибающего генерала: «Бодрее, товарищи! Думайте о Родине, и мужество вас не покинет».

О поэме «Достоинство» известный критик Ю. Прокушев написал статью «Сын России», где дал высокую оценку творчеству Васильева, назвав его выдающимся мастером исторической поэмы. Сам поэт никогда не ограничивал себя рамками одного жанра. Был он и замечательным сатириком, непревзойденным пародистом, тонким лириком и даже песенником.

В содружестве с такими композиторами, как А. Новиков, И. Дунаевский, Д. Шостакович, М. Блантер, З. Компанейц, А. Хачатурян, В. Мурадели и другими, С. Васильев создал более 30 популярных песен: «Марш артиллерии», «Дорожная фуражечка» (к к/ф «Первый эшелон»), «Часовые переднего края», «Если враг заварит кашу», «О трех капитанах», «Что такое рядовой», «Приходите свататься», «Весна и победа», несколько песен о Москве.

Есть у С. Васильева и проза. «Зарубки на память» – это о людях, сыгравших важную роль в его творческой судьбе, в том числе критические статьи о творчестве маститых писателей и молодых, о поэтах, погибших на фронте и живущих поныне.

После войны поэт много ездил по родной стране и побывал во многих странах мира. Он писал: «Я весь изъездил шар земной...». Итогом поездок были новые

Одна из встреч
с читателями

стихи. После поездки в США в 1969 году выходит книга «Одиночество на миру». В содружестве с художником-карикатуристом С. Васильев показывает, что скрывается за красивым фасадом самой богатой страны мира, выражая в то же время глубокое уважение к американскому народу. В книге есть стихи: «Гроб из Вьетнама», «На Бродвее», «От берега к берегу», «Ностальгия», «Маруся соблазнилась» и другие. О Марусе автор пишет в шутовском тоне, как московская студентка, выйдя замуж за дельца из Нью-Йорка, теперь переживает одиночество и тоску по Родине.

Много работал С. Васильев и как переводчик. Особенно его очаровало творчество азербайджанского поэта-сатирика Сабира. Переводы С. Васильева произведений Сабира – образец высокого мастерства, они получили высокую оценку азербайджанской и русской критики.

Наряду с творческой деятельностью поэт активно участвовал в общественной жизни. Многие годы работал членом редколлегии журнала «Октябрь», членом правления Московской писательской организации и так далее. Очень опекал начинающих поэтов, давая им путевку в жизнь.

Большая занятость, однако, не мешала ему помнить о своей малой родине. В 1946 году С. Васильев, будучи уже большим и признанным поэтом, приезжает в родной Курган. С тех пор он становится частым гостем. И не просто гостем. В первый же приезд он пишет «Прямые улицы Кургана». Заново знакомится с городом, удивляясь, как он изменился:

*И вот я снова в городе Кургане,
Где в раннем детстве бегал босиком,
Как на чудесном сказочном экране,
Неузнаваем город стал во всем.
(из песни «За уральской грядой»)*

Он встречается с земляками, изучает жизнь Зауралья. В итоге рождались стихи о родном крае: о тружениках полей, ряд стихов о Терентии Мальцеве, о заводе «Кургансельмаш», о Тоболе, поэма «Красный галстук» (о Коле Мяготине), очерки о поэтах и прозаиках – Леониде Куликове, Антонине Баевой, Алексее Пляхине и других, 4 поэмы и около 20 стихов и песен созданы им о родном крае. Поэма «Изба над Тоболом» – о жизни Кюхельбекера в Кургане – стала лебединой песней в жизни поэта – последним произведением.

Он писал:

*И если ярость азиата
Во мне, как брага, разлита,
Так это ваша виновата
Сквозная даль и прямота.*

Именно сибирская земля, считал он, сделала его и сильным, и озорным, и веселым. И при любой возможности он старался прославить родное Зауралье. И это ему удалось. Его стихи и поэмы переведены на многие языки мира.

За заслуги перед Отечеством Сергей Александрович Васильев награжден орденами – Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, Знак Почета, медалями – «За отвагу», «За оборону Москвы» и другими. Он лауреат Государственной премии

**На могиле у матери
в селе Падеринском
Кетовского района**

РСФСР имени М. Горького, удостоен почетного звания заслуженного деятеля искусств Азербайджанской ССР, почетный гражданин города Кургана.

Сергей Васильев ушел из жизни 2 июля 1975 года, не дожив до своего 65-летия несколько дней, от последствий тяжелой болезни. Трехтомник его произведений вышел уже после смерти.

*Уходят люди... Жил – вдруг не стало!
Уходят неожиданно, стремглав,
Рукой не дотянувшись до штурвала,
Заветную строку не дописав.*

Сергей Васильев как будто о себе написал эти строки. Запоминающиеся строки! А сколько их было в его стихах! Об этом ему писали его читатели.

Например: «От знакомства с вашими стихами хочется жить и творить добро».

Другой читатель пишет: «Ваш чудесный талант пробуждает самые высокие эстетические чувства. Ваши стихи полны жизненной правды».

А вот еще: «Передо мной открылся новый, доньше неизвестный мир, с чистыми, принципиальными героями, твердо стоящими на земле и утверждающими себя в работе».

Подобных писем было много, мнение одно: стихи поэта – это стимул к жизни, призыв быть достойными гражданами своего Отечества.

*Гордись, мой друг,
что ты есть сын России,
Сын рек ее, озер, лесов и нив,
Что ты прошел сквозь ливни грозовые,
Усталой головы не наклонив.*

*Пусть тебя кружила непогода,
Но счастлив будь безудержно, до слез,
Что принял ты в младенческие годы
Благословенье северных берез.*

ПОКИДЫШЕВ
Николай Александрович

Родился в Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта. Был распределён в Министерство обороны СССР и направлен для прохождения службы в город Курган. Занимался обеспечением информационной безопасности в государственных и коммерческих структурах.

Публиковался в ряде газет и журналов. Его произведения размещены на электронном портале Союза писателей России «Русское Воскресение».

Автор сборников стихов «Отголоски», «С тобою навсегда», «Неразделимость», «Звательный падеж», книги стихов и прозы «Осколок в памяти», участник коллективных сборников стихов «Жизнь кажется бесконечной», «Зауральская поэзия в изданиях центра «Отклик», «Памятью написанные строки», «Спасительный свет», «Сказка детства». Составитель сборника клуба любителей поэзии «СОНЕТ» г. Кургана и руководитель этого клуба.

Член Союза писателей России.

* * *

Снова небо над миром весеннее.
Солнце. Мимозы. Март.
Снова бессонница. Сердца смятение.
Гомон птичий и гвалт.

Мука назревших
признаний несказанных:
Девушка, женщина, мать –
Самые нежные, самые важные
Где слова отыскать?

Вы нас родили, растили, лелеяли.
Кто б из мужчин так смог,
Если ему отмерять вашей мерою
Боли, забот, тревог?

Бабушка, мама, сестра и любимая,
Дочь, коллега, жена –
Самые нежные, неповторимые,
Вы – наша жизнь и весна.

С гомоном птицы в небо срываются
Солнце в крылья ловить!
Пусть все желания ваши сбываются!
Мира вам! Счастья! Любви!

* * *

Март, капель! –
ну, до конспектов разве?
Бросив чертежи, карандаши,
Чья-то юность
на свой главный праздник
Первого свидания спешит.

Пусть в руке зажаты два билета
На концерт приезжего певца,
Праздник больше всё-таки не в этом:
Рядом профиль милого лица

Видеть. И до боли нестерпимой
Ясно вдруг понять, как никогда:
Самый лучший день непоправимо
От тебя уходит навсегда.

И потом – зачем? Необъяснимо! –
Днём и ночью будет к себе звать
Самый светлый и неповторимый,
И бесценный самый в жизни март...

* * *

Воспойте Женщину!
И вам не хватит слов
На взмах ресниц,
На тень полуулыбки,
С какой она приходит среди снов,
А ты не можешь к этим снам привыкнуть.

Воспойте Женщину!
Попробуйте воспеть
Движение её руки навстречу
Или её молчание в ответ,
Когда перед мгновеньем
Меркнет вечность.

Воспойте Женщину!
Рискните описать
Тот первый взгляд,
С которым всё началось,
И очерк букв
На линиях листа –
Письма в тот день,
Когда она прощалась.

Воспойте Женщину!
Разружьте все слова.
Из звуков прежних
Новые составьте...
А лучше просто –
Есть или нет талант –
С упрямством рыцаря
Её повсюду славьте!

* * *

Вдруг вспомнится – приснилось, что ли?
Кто этот день наколдовал? –
Под лампой тусклой в коридоре
Глаза родные целовал.

Мигала жёлтым нить накала,
Тянулся нашей тени клин.
На кончиках ресниц дрожало:
«Не обмани...»

И эти руки, эти брови:
Где явь, где сон – не разберёшь.
Глаза к глазам с душою вровень
И губ нечаянная дрожь.

Капризы памяти всего лишь.
Любить – лишь памяти каприз.
Но отчего душе так больно
Дрожать на кончиках ресниц?..

* * *

Поздравляю тебя с весною!
Даже если ты не со мною,
Даже если давно не мною,
Всё равно поздравляю с весною!

Поздравляю с распахнутым небом!
Ярким солнцем и тающим снегом!
С перезвоном капели, ручьями
И со всем, что случилось с нами

В той далёкой, неповторимой,
Где когда-то я был любимым!
С каждым днем её, с каждым часом
И с мгновением каждым нашим!

Сколько вёсен и лет промчалось!
Только первая – рядом осталась
И, как прежде, вела за собою,
Становясь неделимой с судьбою.

И пока для людей светит солнце
С каждой новой весной вернется
Наша первая, где мы с тобою.
Поздравляю тебя с весною!

Даже в будущем, полном тайны,
Та, заветная, нас не обманет:
Возвратится, сияя незримо,
Всем, кто любит и был любимым!

* * *

В той стороне Земли, где ты живёшь,
Сейчас такой же тёплый поздний вечер.
Мерцанье звёзд или небесная их дрожь
Невольно навевают слово «Вечность».

Звезда Любви! С небес моей Весны
Ты светишь ясно без мерцания и дрожи.
И коль уж сердцу суждено остыть,
То оттого твой свет ещё дороже.

Апрель к апрелю много лет подряд,
Но те же пред тобой неловкость, робость...
У Вечности твои улыбка, взгляд
Останутся, когда уйдём мы оба.

И всех к тебе невысказанных слов
Не смогут поглотить ни тлен, ни Вечность!..
Когда мы жили на Земле, была Любовь,
Прекрасная, как тёплый поздний вечер.

* * *

*«... В эту душу моей души»
М. Цветаева.*

Моя звезда, которой я не вижу!
Я не забыл родные небеса:
Все так же нет тебя дороже, ближе,
Моя звезда, души моей душа.

Ах, как давно твой свет мне не доступен,
Прости, что путал этот свет с другим,
Похожим очень, но чужим, по сути,
Как смерть, холодным и, как смерть, слепым.

Моя звезда! К чему считать потери!
Октябрь наш на золотых весах
Все взвесил, даже как вдали лелею
Твой свет незримый я в моих глазах.

* * *

Если скажут: «Забыл», то соврут.
Слушай правду в моих словах:
Я, наверное, так и умру
С твоим именем на губах,

В ночь бессонную снова уйду,
Небо звёздное спрячу в глазах:
Я, наверное, так и умру
С твоим именем на губах.

Даже если всю память сотру,
Затерявшую след свой в годах,
Я, наверное, так и умру
С твоим именем на губах.

Пепел мой хоть швырни на ветру,
Город наш примет даже мой прах.
Твёрдо знаю: я так и умру
С твоим именем на губах!

СОСЛУЖИВИЦЕ

Как Вам живется после работы?
Куда Вы спешите по вечерам?
Может, Вас ждет с нетерпением кто-то
И скажет: «Устала родная? Я сам...»

Вы у порога замрете в объятьях
От поцелуя нежнее шелков,
Сердце рванется к небу от счастья,
От шепотом сказанных ласковых слов?

Спешите ль по кругу «детсад – магазины –
Ужин – уборка – на завтра обед...»
И, кроме детей, Вас никто не обнимет,
И друга желанного нет все и нет?..

А утром опять тот же круг спозаранку,
«На уровне» быть и улыбку надеть,
И взглядам чужим незажившую ранку
За этой улыбкою не разглядеть?..

Простите вторженье в запретное Ваше,
Ведь в мыслях всего лишь вопросы мои.
Пусть дом Ваш всегда будет полная чаша
И полное сердце надежной любви!

Зелёные брызги
Из лопнувших почек
Взорвали мне память
Сегодняшней ночью.

Зелёные брызги,
Смолы аромат
Нечаянно в парк наш
Вернули назад.

Да вот не под силу им
Тяжкое бремя –
Вернуть нам обоим
То светлое время.

Твой голос, твой смех
И твой запах волос
Я спрятал в себе
И далёко увез.

Я жду тебя там –
В незабвенном апреле.
Пойдем, погуляем
В зеленой капели?..

За завиток волос! За смех!
Мизинец левый твой у рта!
За
навсегда – ты лучше всех!
За
без тебя – лишь пустота!

За тучи тёмное крыло!
За все морозы в декабрых!
За
где-то – лишь твоё окно!
За
потерять тебя мой страх!

За душный май, где «уходи»!
За все юни – о, вернись!
За писем утлые ладьи,
Что от меня к тебе неслись!

За незакатный март-апрель!
За вечер – помнишь?: «Милый мой!»
За
без тебя – куда теперь?
За без тебя – всегда со мной!

* * *

Во сне я нёс тебя. А ты спала,
Доверчиво склонившись на плечо.
Вокруг смеялись, пели: праздник – бал
Сиял, шумел. А ты спала. Ещё

Оркестр гремел вовсю. А ты спала
Спокойно, тихо, плечи мне обняв.
И музыка по комнатам плыла,
И сон мой был реальнее, чем явь.

Я нёс тебя, боясь вдруг разбудить,
А праздник оглушительно шумел...
Свой чудный сон я днём не мог забыть.
И среди спешки неотложных дел

Казалось мне: опять тебя несу,
А ты всё спишь, склонившись на плечо.
И слышу я твой сердца тихий стук,
И счастлив я, как никогда ещё!..

* * *

Два дня без Вас. Хандра и скука.
Ждать понедельник. И зачем?
Лишь в мыслях целовать вам руку,
как ключ, себя сдавая в плен.

Во сне пустынными губами
уста желанные искать;
куда-то всё спешить за Вами,
но и во сне Вас не догнать...

Два дня без Вас. Хандра и скука.
Ждать понедельник. И зачем?
Едва с мороза – к Вам без стука –
присесть в углу, некстати нем.

Заговорить совсем некстати,
совсем не те слова ронять.
Коснувшись взглядом складок платья,
замолкнуть надолго опять.

Искать любой случайной встречи
среди чужих людей, речей.
И что ж потом? Ничуть не легче.
Ждать понедельник... Но зачем?

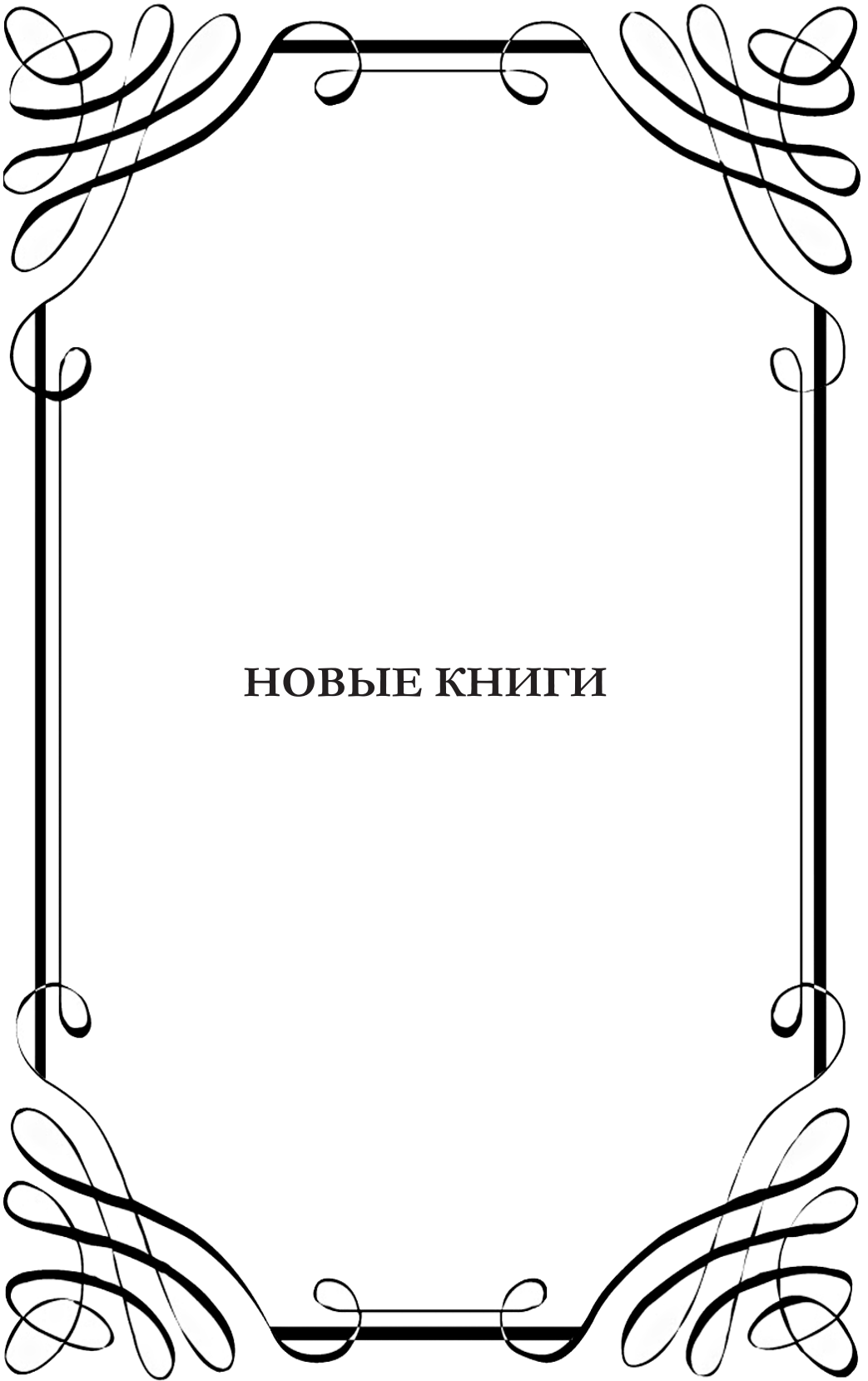
К ЛЮБВИ

Такая разная во всём,
Сама с собой почти несхожа,
Ты – та, которую мы ждём
И без которой жить не можем,

То дар небес, то страшный грех,
Ворвёшься счастьем или болью –
Такая разная для всех!
Кто в силах справиться с тобою?

Ворвёшься и подаришь вдруг
Надежду там, где нет спасенья,
Тепло родных, любимых рук...
Неповторимые мгновенья.

Несётся жизнь за окаём,
Но каждый миг ещё дороже
С тобой – которой мы живём
И никогда забыть не сможем...

НОВЫЕ КНИГИ

КОКОРИН
Сергей Аркадьевич

Родился в 1955 году в п. Мишкино. В 1978 году окончил Курганский машиностроительный институт, в 2001 году – Академию государственной службы при Президенте РФ. Работал на речном флоте, на заводе, в строительстве, в органах местного самоуправления. В 1996 и в 2000-х годах избирался главой Кетовского сельсовета, в 2004 и в 2009 годах – главой Кетовского района Курганской области.

Пишет стихи и прозу. Печатался в областных и районных газетах, в журнале «Сибирский край» и альманахе «Тобол», в литературных журналах «Родник» и «Веси». Автор сборников стихов – «По волнам памяти», «Нам светят знакомые звёзды», «Из записной книжки», сборников повестей и рассказов – «Бронзовые ключи», «Солнечный круг», «Ерофеич и другие», «Пути-дороги», «Работа для ангела».

Председатель Курганской областной писательской организации и правления Курганского регионального отделения Российского фонда мира, руководитель Ассоциации литературных объединений Курганской области, член Союза писателей России.

ИЗ ВСТУПИТЕЛЬНОГО СЛОВА:

«Писатель Сергей Кокорин не перестаёт нас удивлять. Совсем недавно мы поздравляли его с яркой и талантливой книгой «Работа для ангела», и вот уже новая работа нашего земляка – повесть «Житейские хроники Бори Брусникина». И наверное, я – один из первых читателей этой книги, но о чём же она? Да всё о том же – о любви к человеку.

Виктор Потанин»

ИСТОРИЯ,

рассказанная автором вместо вступления, чтобы было понятно, с чего начались записки Бори Брусникина, поэтому читатель, которого интересуют конкретно вышеупомянутые записки, может её и не читать – много не потеряет, но вместе с тем ничего и не приобретёт.

Толстая серая тетрадь объёмом в девятно шесть листов попала в мои руки совершенно случайно, когда после последней сессии мы покидали родную общагу. Отдал мне её студент из параллельной группы и мой товарищ по боксёрской секции Серёга Хлебков:

– Возьми на память, может пригодиться, когда мемуары будешь писать...

С чего Серёга решил, что я буду писать мемуары, я так и не понял. Скорей всего, просто так брякнул, зная о моём пристрастии к литературе.

– А чего же хозяину не отдашь? – спросил я, увидев фамилию Брусникина на обратной стороне обложки.

– Пока Борю встречу, так и тетрадка потеряется... Хлебков не любил длинных разговоров, но мне было понятно, почему он отдал тетрадь именно мне. А чтобы стало понятно читателю, я расскажу, как мы подружились с Серёгой. Да и не только с ним, но также с его товарищами по комнате в нашей общаге автотракторного факультета,

которая располагалась за городом, практически на опушке берёзового леса.

В один из майских солнечных дней я решил немного расслабиться и прогулять первую пару. Поэтому с утра я отправился в лес, чтобы убить двух зайцев: совершить пробежку и попить берёзового сока. Банку под «плачущую берёзу» я поставил ещё с вечера. Когда Родина щедро напоила меня берёзовым соком, я из лесу вышел. Первое, что я увидел: из окна третьего этажа общежития, из которого торчала рыжая голова Петьки Харина, на бельевом шнуре спускался огромный тюк жёлто-пёстрого цвета. Такого цвета у нас были покрывала. Внизу стоял Серёга Хлебков и принимал груз.

Моё появление явно не входило в планы Серёги и его друзей.

– А ты почему не в институте, прогульщик? – недовольно буркнул Хлебков, отвязывая странный груз.

– Исторический материализм для меня трудностей не представляет, поэтому решил первую лекцию пропустить, накопить силы для сопромата.

– Ну-ну, – Серёга легко поднял тюк. Спросил: – А с нами к Дяде в гости не желаешь?

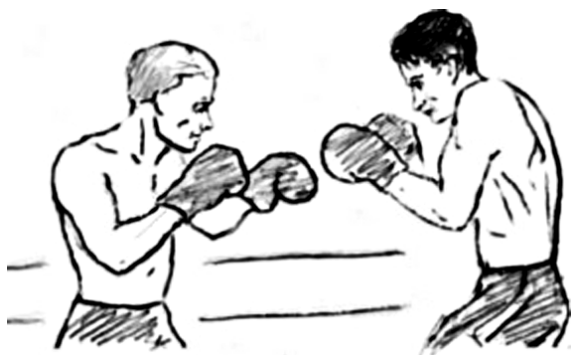
Дядя был известный на весь посёлок сапожник, он же часовщик, он же слесарь, он же радиомастер, он же... В общем, на все руки. Ходили слухи, что он всю свою сознательную жизнь провёл в заключении, потому компанию водил не с каждым. Тем интереснее было с ним познакомиться поближе. И я отправился к Дяде вместе с Серёгой, Петькой Хариным и Брусникиным.

Этот совместный поход в гости и положил начало нашей короткой дружбе с Хлебковым, потому что совместные занятия у одного тренера ещё не повод для близких отношений. Ведь если люди три раза в неделю лупят друг друга кулаками, добрые чувства просыпаются далеко не всегда и уж тем более не сразу. К тому же мы с Хлебковым, по умолчанию, соперничали друг с другом. Он, как и я, считал себя более крутым боксёром. Хотя манеры ведения боя у нас были совершенно разные. Если я, прижав Хлебкова к канатам, без усталости барабанил в его перчатки, локти и плечи, то он мог подловить меня – ткнуть резко по голове, и вот я уже порхаю, как бабочка, нащупываю качающуюся, как палуба, площадку под ногами, дабы не уплыла совсем, потому что встречный удар, он на то и встречный, – сознание на секунду покидало меня, и если я оставался на ногах, то исключительно благодаря наработанным рефлексам тела, но никак не мозгу, который в этот момент болтался, как кисель, в черепной коробке. Разбирая спарринг, тренер говорил:

– Что ж, он – «технарь», ты – «силовик». Каждому своё. Но не останавливайтесь на достигнутом. Завтра снова и чуть по-другому.

Серёгино отношение к моим способностям изменилось после того, как я совершенно случайно так же подловил его во время атаки, удачно «зачерпнув» снизу. Хлебков рухнул на площадку и не сразу поднялся. Я уж было испугался за его здо-

ровье. Но потом он как ни в чём не бывало продолжил тренировку. А в раздевалке похлопал меня по плечу:

– Кажется, ты научился попадать...

С тех пор мы сблизились и стали общаться намного чаще.

Однако возвращаюсь к нашему походу в гости к Дяде. Его мастерская была на краю посёлка, куда ходу было минут пятнадцать. Пока

шли, я узнал от друзей, что Дядя действительно четверть века провёл в заключении. Провоевав всю Великую Отечественную, в самом конце войны застрелил офицера и получил двадцать пять лет лагерей. Срок отбыл полностью – по таким статьям не реабилитировали.

В мастерской стоял устойчивый запах дешёвых папирос, дёгтя и прочих сапожных мазей. Примешивался к ним и другой запах, как я потом понял, – крепкого и чёрного, как тот же дёготь, чая. Вместе с тем была чистота почти идеальная и порядок – всё лежало по полочкам так, как будто весь инструмент, обувь, приёмники и утюги только что разложили заботливой рукой. Хозяин сидел за рабочим столом и в ответ на наши приветствия только кивнул головой, прищурившись, – то ли от солнечных лучей, попавших в открытую дверь, то ли от едкого дыма папироски, словно приклеенной в уголке рта.

На вид ему можно было дать от пятидесяти до семидесяти лет. Изрезанное морщинами лицо здорово старило, но глаза смотрели пронзительно и неулыбчиво. Глаза не улыбались даже тогда, когда Дядя показывал свои железные зубы, обозначая хорошее настроение. В плохом же настроении его взгляд был жёстким и пронизывающим. Казалось, что он знает про тебя всё, даже то, что ты сам ещё не успел узнать. Суровый взор нашего начальника военной кафедры полковника Соколова по сравнению с этим прищуром казался улыбкой Моны Лизы.

Серёга между тем распаковал тюк. Оказалось, что там было разобранное кресло. Он быстро его собрал и сам же в него уселся, похлопав по подлокотникам:

– Вот, комендант списал, да прибрать не успел! – прокомментировал, видимо, для меня законность перемещения «ничейного» кресла из студенческого общежития в хижину Дяди.

Тот наш визит затянулся на гораздо большее время, чем мы рассчитывали. Хозяин оказался интереснейшим человеком и собеседником. Разговорить, правда, его было трудно. Но усилия стоили того. Заходил я потом к нему не один раз и провёл за беседами многие часы. В то время я жадно интересовался военной жизнью старшего поколения и готов был часами слушать его рассказы из фронтовой жизни.

И иногда он рассказывал:

– Было это в сорок третьем. Наш полк готовился форсировать реку. Но потом получили приказ скрытно перейти на другую позицию. А как скрытно? Значит, убедить противника, что мы никуда не ушли, а остались тут же. Ввести в заблуждение немцев приказали старшему лейтенанту Крылову, а с ним в группе был я и сержант Реутов Николай – на год меня старше был.

Вечером, когда стемнело, последним снялся наш батальон. А мы втроём остались на всей бывшей диспозиции поддерживать костры, создавать характерный шум, наводить тень на плетень и всячески изображать, что здесь мы и никуда не денемся. Ночь была напряжённой. Оказывается, не так просто изображать присутствие целой части, да ещё и готовящейся к форсированию. Главное было – не перестараться. У немцев разведка тоже работала. Но с задачей справились – Крылов был организатор толковый. Когда наступило утро, фрицы увидели, что наших войск на противоположном берегу нет. А когда спустя считанные часы началось форсирование на другом участке, они туда орудия перебросить не успели. А мы со старлеем успели. Он и в бою сумел отличиться. После этой операции представили Крылова к Звезде Героя. Ну и нас с Реутовым не забыли: обоих – к Красной Звезде.

Но самое интересное произошло потом. Во время передышки между боями комдив, у которого Крылов в любимчиках ходил, дал ему машину – в ближайший город съездить, отметить, так сказать, Звезду Героя Советского Союза. Ну, тот нас с Реутовым взял. Погуляли мы славно и к вечеру поехали в часть. Тут-то и приключилось событие, которое всю мою жизнь направило по другой колее. Да и не только мою.

Возвращались, торопясь. Из города почти уже выехали, а на одном из поворотов навстречу нам выскочил «Виллис» какого-то полковника. Тоже на приличной скорости, и прямо нам в лоб. Очнулся я в санчасти. Со мной ничего, кроме сотрясения мозга. С ребятами тоже ничего серьёзного, а полковник – насмерть, и шофёр его покалечился.

Чтобы шум после этой аварии загасить, комдив нас растолкал по другим подразделениям. Наград, ещё не вручённых, нас, понятно, лишили. Так я оказался в разведке, сначала в полковой, а потом меня в дивизионную перевели.

Вместе со мной в разведвзвод прибыло ещё пополнение и несколько человек из штрафроты. Кроме того, командир сменился. Может, отчасти поэтому, а может, потому, что срочное задание было, только меня сразу включили в группу поиска. Языка то есть взять надо было. Всего отобрали тринадцать человек. Старшина, как узнал, сколько человек идут в поиск, сразу заметил, что добром это дело не кончится...

Время для выхода выбрали, когда немцы харчевались, ужинали, думали – они отвлекутся и будут не такие внимательные. Мне вместо автомата ППШ дали ППС, он компактнее. Взял я с собой две лимонки, нож. Пистолета тогда у меня не было. Это потом я семизарядным «вальтером» обзавёлся – он удобнее «парабеллума», про «ГТ» я уж не говорю. У «вальтера» однорядный магазин, рукоятка тоньше, очень хорошо лежит в руке.

Командиром группы был старший сержант Картузов. Ребята его Кепой звали. Он нас поделил на две группы: прикрытия и захвата. До первой немецкой траншеи добрались незамеченными – повезло. Картузов принял решение идти дальше, потому что пропажа солдата из первой линии обороны обнаруживается быстро, боялся, что немцы сразу нас огнём отсекут и на нейтралке всех кончат.

Первые, кто достигли немецкой траншеи, обеспечивали прикрытия с флангов, а потом, когда вся группа проходила дальше, смотрели, чтобы в окопе не осталось много осыпавшейся с бруствера земли. Потом мы долго блудили в ночи, но никого не находили: ни землянки, ни избы, ни одной повозки. Пытались найти провод связи, чтобы перерезать, а потом захватить связиста, которого пошлют. Но бесполезно –

темнота, хоть глаз выколи. И тут заметили: огонёк мелькнул, на него мы и поползли. Как потом оказалось, это открывали дверь в блиндаж командного пункта роты.

С Картузовым в этот блиндаж пошёл я и ещё один разведчик – Дронов. Меня старший взял, потому что я немного немецкий знал. Но он совершил одну ошибку: группа прикрытия расположилась вокруг блиндажа, а в траншею человека не поставили – она была глубокая, в полный рост. Оставшиеся нас прикрывать просто не видели, кто ходит по этой траншее. Часового у двери не было, и мы ворвались внутрь. Там оказались два солдата, один спал, а у второго к уху была привязана трубка телефона. Сержант кричит: «Хенде хох!» Подняли их пинками, они трясутся, оружие их мы бросили в угол. Запомнилось, что в блиндаже было светло, горела газовая лампа и ещё вроде лампочка от аккумулятора.

Картузов их быстро спрашивает, я перевожу, как могу, и одновременно финкой пытаюсь перерезать телефонный провод. А у меня не получается – он стальной. И тут, к нашему изумлению, в блиндаже нарисовались три немца: офицер и два унтера. Они прошли по этой глубокой траншее, и наша группа прикрытия их не заметила. Пару секунд, застыв, мы смотрели друг на друга... У меня-то нож в руках вместо автомата, а Картузов дёрнулся, но немецкий офицер успел выстрелить из пистолета, попал ему в плечо, и тот упал. Я растерялся, к нам подскочили, отобрали у нас с Дроновым оружие, по черепу мне дали так, что вся жизнь перед глазами пролетела, успел подумать: «Вот и закончилась служба в разведке». Этот обер-лейтенант взял трубку телефона, наверное, чтобы сообщить, что захвачена русская разведка. Однако, видно, почуял что-то и приказал одному солдату выйти из блиндажа. Но когда немец выходил, то буквально в дверях его ударом в лоб уложил один из нашей группы прикрытия, бывший морячок из штрафроты.

Матрос влетает в блиндаж, немецкий офицер хотел было в него выстрелить, но Дронов рядом стоял, успел врезать ему по руке. Моряк влупил очередь почти в упор и положил всех немцев, кроме одного. Причем этот унтер начал упираться и не хотел идти с нами. А я уже очухался и со злости прострелил ему руку. Тут же его перебинтовали, и он пошёл с нами как шёлковый.

Матрос потом рассказывал: услышал шорох в траншее, потом открылась дверь, раздался выстрел и какой-то шум. Почуяв «аларм», он спрыгнул в траншею и столкнулся с немцем, который выходил из блиндажа.

Пошли обратно, а немцы уже все перекрыли. Кое-как нашли место, где можно было перейти немецкий передний край. Передовая группа перебила пулеметный расчет, дав нам возможность перейти траншею, но двое наших из группы прикрытия при этом были убиты. Мы ринулись на нейтральную территорию. Но «спираль Бруно» оказалась заминированной, и три разведчика, которые бежали первыми, погибли от взрыва. Через образовавшуюся брешь, фактически по их телам, мы вырвались оттуда и залегли в большой воронке на нейтральной полосе, метрах в ста пятидесяти от немецких позиций. И целый день до следующей ночи, в грязи, пришлось провести в ней, а ведь с нами был тяжелораненый Картузов. Он попросил: «Ребята, потеряю сознание, могу застонать. Заткните мне рот, как немцу!» Что делать, заткнули. Мало ли что? А следующей ночью морячок подполз к нашему переднему краю, и хотя его вначале обстреляли, он на чистейшем русском матерном сумел объяснить, что это возвращается разведка, и мы вышли на участке соседей. Потом были десятки поисков, но этот первый лучше всего запомнился. Хотя нет, наверное, чаще снился другой. Но про тот и рассказывать не хочу.

Однако мне было нестерпимо интересно слушать его рассказы. Ведь во время войны Дяде было столько же, сколько нам, – девятнадцать лет. И у меня в животе холодело от того, что я представлял себя или своих товарищей на его месте. Однажды я спросил Дядю, что, дескать, с войны прошло четверть века и даже больше, а почему-то именно разведчики не любят рассказывать, как воевали. Как будто у них срок подписки о неразглашении не кончился. Он посмотрел на меня, как на идиота:

– Война, парень, вообще дело грязное и вонючее. А уж тем более разведка. Никаких приятных воспоминаний там быть не может. Кто ж будет светиться от счастья, рассказывая, как он глотки немецкие финкой пластал? Фрицы ведь нас не только хорошо воевать научили. Насмотрелись мы на их зверства, сами озверели.

Тем не менее Дядю я однажды разговорил, и он рассказал мне ещё один случай:

– В дивизионной разведке мы в тылы к немцам дальше уходили. Бывало до пятнадцати, а то и до двадцати километров. Группа захвата была всего три-четыре человека. А иногда и два. Это уж по обстоятельствам. В тот раз я Минина взял и ещё двоих. Я тогда уже старшиной был. Так до конца в старшинах и проходил. Боялся: присвоят офицерское звание – после войны задержат с увольнением. Никита Минин – здоровый парень, бывший спортсмен. Гранату дальше всех кидал, метров за семьдесят. Особенно немецкую, она удобная, с длинной ручкой. За это получил кличку – Миномёт.

Редко нам приказывали конкретно взять офицера. А тут именно так. Подтвердить надо полученную информацию. Стало быть, требуется немец, обладающий обширными сведениями. Начальник разведотдела дивизии напутствовал: «Контрольный язык нужен до зарезу – офицер. Не возьмёте – не знаю, что с вами сделаю. Лучше сразу застрелитесь!»

Сутки мы готовились. Вели наблюдение за нейтралкой. Просчитывали варианты прохода через первую линию. Обговорили все детали взаимодействия в группе. Направление движения на отходе, подстраховка, условные сигналы. Изучили каждую складку рельефа, чтобы не было осечки при переходе туда и особенно при возвращении.

В группе прикрытия было восемь человек, в группе поиска – четверо. Причём прикрытие нас только провожало, в глубину тыла на поиск уходили вчетвером. В сорок четвёртом у нас были только немецкие автоматы. Они лёгкие. И немецкие пилотки с собой. В маскхалатах да в немецких пилотках издалека нас за немцев можно было принять. А когда обратно переходили, наши пилотки надевали. Ножи были златоустовские, специально для разведчиков изготовленные. Очень удобные, с чёрной рукояткой и чёрными ножнами. Их так и называли – «чёрные ножи».

Перешли переднюю линию на стыке частей. Там фронт прикрывался только опорными пунктами да патрулями. Если б не задание – только офицера, там уже могли взять одиночного мотоциклиста в засаде на дороге. Но ушли в глубину. К утру преодолели километров семнадцать. Подошли к деревеньке, где было активное движение. Как мы предположили, там располагался штаб какой-то резервной части. Самый ценный язык – штабной офицер. Ну, или разведчик, но на немецкую разведку нарваться – себе дороже.

На рассвете присмотрели тропу, по которой пешие срезали дорогу, заходя в деревню. Там и устроили засаду. Вдоль тропы – идеальные заросли. Здесь я снова разделил группу: двое разведчиков – в прикрытие, а мы с Миномётом – в захват. Все мы были в общем-то головорезами, ломом подпоясанными, а он – особенно. У него семья под бомбёжкой погибла. Говорил: «Я живу, пока немцев убиваю. А дальше мне хоть трава не расти». В разведке, наверное, по-другому нельзя. Ведь если не ты, то тебя. У нас вся война на короткой дистанции, поэтому раненых меньше, чем в пехоте. В основном – убитые.

Просидели в засаде весь день – идут немцы по одному, по два, но рядовые или унтера. Офицеры, видимо, умнее. На сомнительную тропу не суются даже днём. Я уж было затосковал, а тут из прикрытия маячат – идут двое. И один из них «наш»! Офицер. Мы голоса услышали, поняли, что идёт он с бабой. Она говорит по-русски, только изредка немецкие слова вставляет. Значит, не переводчица. Может, работает, а может, так офицерик бабёнку подцепил.

В это время из кустов мне Миномёт пальцами показывает: мол, немец с его стороны – он его брать будет, а мне бабу нужно нейтрализовать. Я, конечно, подтвердил. Тут уж не до сантиментов. Дело бы не сорвать. Убивать я её не собирался. Да и вообще ничего не думал, кроме главного. Если ей не заткнуть рот, она закричит. Женский голос слышно далеко, он резкий, визгливый, не то что глуховатый мужской. Кроме того, на женский крик обязательно обратят внимание, ведь мужские выкрики на войне не в диковину. В общем, думал я автоматически и действовал на рефлекс.

Выскочил бесшумно, как только она на метр прошла меня. Молодая, лет двадцать. Левой её захватил и рот зажал, как тисками, в правой – нож. А немец, майор, онемел, видно, от неожиданности. Он и не понял, кто на него напал. Пилотки-то на нас немецкие. Или неудобно ему при даме звать на помощь, молча кобуру царапает, пытается пистолет достать. А время так долго тянется! По тому, как он ствол дёргает, для себя фиксирую – офицер не боевой. Миномёт всё

мешкает. Вот майор уже свой парабеллум достаёт. Сейчас выстрелит, и вся группа погибла. Рефлексы разведчика работают иногда независимо от сознания. Нож на все двадцать сантиметров в грудь ей вогнал и атакую правую руку немца. И тут он мне в руки падает. Это Миномёт его вырубил ударом в спину, да так, что тот сознание потерял.

Упаковали его в секунды. Я приказал Минину тело девчонки убрать с тропы, чтобы было время у нас отойти подальше, пока хватится немчура своего офицера. Посмотрел я на неё: синее платье в горошек и волосы светлые. До сих пор запах её волос помню. Лет восемь мне этот поиск снился.

А потом уже и немца разглядели. Майор-то он майор, да интендантом оказался. Совсем настроение у нас испортилось. Ну, думаю, черт с ним, приказ был взят офицера – взяли офицера. С остальным дома разберёмся. Здесь не на базаре – выбирать не дают. Немец в себя пришёл. Я объяснил, что, если будет бежать быстро, останется живой, будет капризничать – зарежем. Он мне поверил сразу и даже не дёргался.

Ближе к рассвету вышли в точку возврата. Обстановка изменилась, но мы благополучно подошли к нашим окопам. Нас ждали, стали перекликаться. Уже к самым окопам подползли, и тут один из наших совершил ошибку. Когда осветительная ракета только погасла, нужно было немного выждать, а не кидаться сразу. Потому что когда ракета тухнет, то пулеметчик сразу даёт очередь в темноту. Но он сразу поднялся на бруствер и тут же словил две пули. В окопе перевязали, но в санчасти он умер.

Как я и ожидал, по языку-интенданту вопросы ко мне появились. Первым пришёл наш политрук-капитан. И стал меня учить, каких надо офицеров захватывать. Слушал я его бредни, слушал, а потом и говорю: «Товарищ капитан, вы хорошо разбираетесь в тонкостях нашей работы. Я завтра же пойду к начальнику разведотдела и попрошу, чтобы в следующий раз вас назначили командиром группы поиска». Он побледнел, и его как ветром сдуло. А потом, когда выяснилось, что наш интендант имел в приятелях много высокопоставленных офицеров и знал больше начальника штаба, к нам все вопросы отпали.

Так же, исподволь, в продолжительных беседах я узнал, за что Дядя заработал свой срок за несколько дней до окончания войны, – защищая своего друга Никиту-Миномёта, который добрым отношением к немецкому населению не отличался. Тогда уже действовал приказ о борьбе с насилием и мародёрством. И один старлей совсем уж было решил показательно расстрелять на месте разведчика Минина, который имел три ордена за поиск. Но карманный «вальтер» Дяди оказался быстрее, и поехал он в лагерь благодаря своим молниеносным «рефлексам разведчика».

Вот с таким неординарным человеком познакомили меня Серёга Хлебков и его товарищи. И в знак благодарности за это спустя четыре десятилетия я выполняю данное ему обещание и публикую записи Бори Брусникина, ничего не сокращая и не добавляя, лишь поправив стилистику и расставив запятые, потому что у студентов на лекциях вырабатывалась привычка писать быстро и на всякие там знаки препинания время не тратить.

Рисунки в тексте Германа Травникова.

ПОРТНЯГИН
Валерий Иванович

Родился 21 апреля 1946 года в городе Кургане. В 1962 году начал трудовую деятельность токарем на заводе «Химмаш». В 1966 году поступил на филологический факультет Курганского государственного педагогического института. На третьем курсе института перешёл на заочную форму обучения и работал в «Молодом ленинце», пройдя путь от младшего литературного сотрудника до заместителя редактора. Работал заведующим отделом культуры областной газеты «Советское Зауралье», в течение 4 лет (с 2007 по 2011 г.) был редактором литературно-художественного альманаха «Тобол». Создавал и возглавлял городскую газету «Курган и курганцы».

Печатался во многих московских газетах и журналах, сотрудничал с информационными агентствами, в том числе ИТАР-ТАСС.

Лауреат ряда журналистских премий. Награжден знаком «Золотая акула» как лучший журналист печатных СМИ Урала. Валерий Иванович Портнягин – член Союза журналистов России. Его биография представлена в энциклопедии «Журналисты России. XX-XXI». Автор двух книг стихов и прозы.

Член Союза писателей России с 2011 года.

NEVERMORE

*Как много ненаписанного мной,
как много я хотел сказать любимой,
как я хотел напиться синевой
высот небесных непреодолимых.*

И стало страшно:

*вдруг не хватает слов
на смерть друзей
и на рождение внуков,
и без стихов
крепчайшим из всех снов
так и засну, не проронив и звука.*

*И нет за мной следа, и нет удачи,
и бесконечно долг горький миг,
не радуются, не живут, не плачут
неизданных герои моих книг.*

А ведь могли бы

*жить других не хуже,
из-под обложек вышли бы гулять,
они, как в зеркало,
заглядывали б в лужи,
чтоб я об этом захотел писать.*

*Но нет удачи, нет за мной следа,
не напишу о главном никогда...*

ПОКОЛЕНИЕ

*Мы все остались там,
в послевоенном,
все – в детстве,
все – в нужде
и все – в Победе.
Сороковые
нам открыты сокровенно,
мы – дети
тех десятилетий
среди «этих».
Нам сверстника увидеть
стало в радость,
нас, видимо, немного и осталось.
И вот представьте, будет каково,
когда уж не увижу никого...*

МУЗЫКА

Если мы слушаем музыку,
значит, мы слышим себя,
если мы всё-таки русские,
значит, живём мы скорбя.
Как не скорбеть о России,
терявшей своих сыновей –
чистых, талантливых, сильных, –
лучших от русских кровей.
Встали за красных и белых,
гибли в страшных боях,
сколько же «правых» и «левых»
пали на русских полях.
Русские песни печальны,
в них Родина слышит себя,
как не скорбеть изначально,
если поём мы скорбя.

15 ЛЕТ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Пригород, загород, город...
Чем огорожены вы?
Тесен рубашки ворот
для городской пацанвы.
И в этом полоне детском –
предчувствие взрослой любви.
Я не помышляю о дерзком
побеге из рук твоих.
Мне сладко и больно, и стыдно,
что нами примята трава,
сообщнику-городу видно:
встречает любовь пацанва.

СЕМЬ ФУТОВ ПОД КИЛЁМ

Тянешь на веревочке
кораблик неустанно,
прозвенит звоночком
голос капитана.
Мартовские лужи –
тот же океан,
улицы родные –
очертания стран.
Знаю, взрослым будешь,
встретишь и шторма,
но ты не забудешь,
как грозна волна,

как обходят мели,
как солён прибой,
как и в понедельник
быть самим собой.
Лишь одно с тобою
мы не можем знать –
сколько нам отпущено
плавать и искать
счастья или горя,
семь футов под килём,
верить, что на море
мы вечно не умрём.

КЮХЛЯ

Когда приговоренного к ссылке Кюхельбекера перевозили из Шлиссельбурга в Динабургскую крепость, на одной из ямских станций близ Петербурга его случайно встретил Пушкин. Словно проводил...

Вот два поэта, две души
на перепутье судеб,
в безбрежии пространств, в глуши –
и больше встреч не будет.
Один – из казематов вдаль,
в Сибирь и в неизвестность,
другой – картёжную печаль
развеивал, и до столиц проездом.
Господь их свел.

Перекрестились взоры,
И обнялись, как будто нет цепей.
Минувшее воскресло хором –
Нева и корабли, лицей...
Но им не дали оглядеться даже
и вспомнить молодые грозы,
уж больно строги были стражи,
чтоб понимать чужие слёзы.
Их грубо силой растащили,
кудрявого – презрением отпугнув,
а длинного в телеге завалили,
напополам его согнув.
Истерика и судороги были
с нелепым долговязым арестантом.
Вернулся офицер, поправил аксельбанты,
покрыл по-русски
бар всех матом,
махнул рукой: «Давай, ребята!»,
и дроги дальше покатали
путём злодеев, горемык...
А местный люд к ним пообвык
(и не такие страсти были.
И что им, барам, не жилось?
Вот нам бы кабы довелось!)

И вот Сибирь, Курган бесцветный...
Клубком приляжет он в каморке,
куда луч света не дошёл.
Слезой судьбу омоет горько,
и «пира» дружеского корки
мышь догрызёт,
упавшие под стол.

Стихов разбросанных листы
затопчут дети,
а солнце утром вдруг избу осветит –
бывает и в Сибири светлым дол...

Но рок черту свою под жизнь его
уже подвёл.

ПО СПИРАЛИ

Как сотни лет назад тому,
в Отечестве пророка нет.
Уж это не один поэт
сказал народу своему.

Меж тем Господь наш молчаливо,
как сотни лет тому назад,
хранит и Родину, как сад,
и нас, упрямцев терпеливых.

Ан нет в Отечестве пророка!
Прогресс идёт, но по спирали –
нам так философы наврали, –
и это, видимо, без срока.

СНЫ

Скоро, скоро мне приснится,
что не снилось до сих пор,
Красно солнце и Жар-птица,
белокаменный собор.
Мне приснится кот учёный
(сказки будут до утра!),
купол, кренделем кручёный,
а на нём сидит заря.
Здесь же, около, поляна,
вся из шёлковой травы,
я лежу, от счастья пьяный,
не сносить мне головы.
Рядом ты, моя Жар-птаха,
от тебя я сны таю,
на колени, как на плаху,
кладёшь голову мою...
После плахи будет свадьба,
свадьба белая-бела,
только мать бы, только мать бы
плакать вдруг не начала.

РОДНАЯ КРОВЬ

Были пелёнки -
платьёца стали,
дедушка с бабушкой
счастья искали.
Вот оно счастье,
глаза – два оконца –
в любое ненастье
горят ярче солнца.
Вырастет девочка
очень красивою –
время несётся,
словно во сне.
Искорка звёздная
снежной России,
помни всегда
о родной стороне.

БЫВШАЯ ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ

Когда я бреду от Тобола устало,
смотрю не в витрины, смотрю я на крыши
и вижу, как ангел с Троицкой бывшей
летит над моею родиной малой.

Летит он в неведомый мною простор
и вдруг исчезает за старым домишком,
быть может, спустился туда, где мальчишкой
играть выходил я с друзьями во двор.

Ещё непременно встречусь я с ним,
с ангелом Троицким, с ликом небесным.
Хожу я по тем же тропинкам окрестным,
ангелом этим всечасно храним.

ДВИЖЕНИЕ

Я по жизни еду всё быстрее,
каждый день в моём распоряженье,
целая коробка скоростей
для такого способа движенья.

Начинаю с первой на вторую,
третья и четвёртая — вперёд!
Будто время у судьбы ворую,
проходя опасный поворот.

МАЛЬЧИШ-КИБАЛЬЧИШ

Снился отцу
снится и мне
Мальчиш-Кибальчиш
на красном коне.
Мальчиш-Кибальчиш,
в мальчишеском сне
куда ты летишь
на красном коне?

Мальчиш пролетел
мимо окон моих
и шашкой задел
то ли сон, то ли стих.
Я слышу, Мальчиш!
Не ждите меня,
мне с солнечных крыш
сводят коня.
Меня вы не ждите,
скачите вперед,
не ждите,
скачите за поворот.
Мой конь огневой
непокоен и рыж,
несёт меня в бой
за тобой, Кибальчиш!

Я вас догоню
у Каховки, в степи,
где в чёрном бою
моя смерть просвистит..
Убили меня,
но меня не унять,
такого коня
смертям не догнать.
На красном коне
непокоен и рыж
лечу, как во сне,
за тобой, Кибальчиш!
Вперёд и вперед,
пока хоть один
где-то сосёт
кровь Буржуин!..

Мой брат непокоен
в мальчишечьем сне,
наверно, он гонит
на красном коне.
На красном коне,
непокоен и рыж,
скачет во сне
мой Кибальчиш.

ВЕЧЕР СОМНЕНИЙ

Литературный вечер.
Мой.
Пора настала.
Но отмечаю я устало:
гордиться нечем...
О подвигах,
о доблести, о славе
не я писал,
героев не прославил,
и гамлетовское
«Быть или не быть...»
и надобно
как Родину любить.
Ни строчки вечной –

шелуха одна!
И кажется, беспечно
выпита до дна
вся чаша творчества.
Но, видно, где-то
бес меня попутал,
он вместо музыки
выступил адептом
моей души.
Толкает ночью,
иногда и утром
и шепчет смутно:
«Сомненья брось,
пиши, пиши!»

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

И сказано
в ветхозаветных книгах
и камлании шаманов:
«В Начале было Слово».
Оно – основа
всего, что знамо и незнамо,
чему внимаем,
чего мы жаждем
и что любим, а за что –
не понимаем.
В Начале было Слово,
и Слово было Бог.
А кто б ещё сказать
так смог?
Всё сущее назвать
своими именами?
Луну – Луной,
звезду – звездой
и чувства, вдруг возникшие
меж нами,
и женщину – любимой,
и морем – воду,
и страсть – неодолимой.
И рядом с горем счастье –
эта пара
ясна без перевода
любому сущему народу.
И так
с божественным участием

слов стало много,
как и людей, предметов и явлений,
и в Вавилонском столпотворении,
поссорившись,
мы обрели речения.
Все заимели языки.
На западе любовью стало Love,
а на востоке Love зовут любовью,
и стали мы
блудить в словах,
аки зверьё
в чужих лесах.
И появилось словоблудие –
слуга господ
и лжи орудие.
Нужда возникла в толмачах.
И понесли мы на плечах
свои молитвы к небу.

И я, где б ни бывал
и где бы не был,
молюсь незряче,
не вникая в суть,
чтоб Вседержитель
указал мне путь
в свои амбары лексиконов,
в словесных форм запасники,
когда в отсутствие законов
сонетов я вяжу венки.

ВОДОПАД

Я уеду, не надо прощания тянуть
серебром паутинки сквозь осень,
пусть же станет спокойной рекою твой путь,
пусть утраты тебя не подкосят.

Пусть единый твой волос не тронут ветра,
ожидание не клонит всё ниже,
голубое пусть солнце к тебе по утрам
потихоньку садится на крышу.

Пусть сердцам нашим будет в разлуке невмочь,
чтобы ты, на себя не похожа, –
водопадом ко мне в одинокую ночь,
на дыхание чтоб стала дорожке.

ДВОЕ

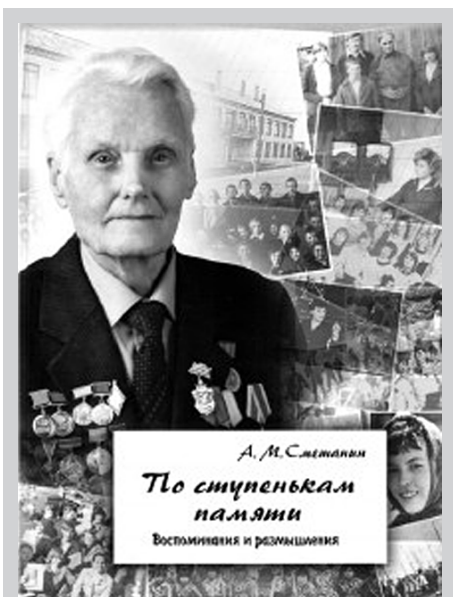
Ты за меня, я за тебя –
мы отвечаем перед Богом,
когда, любя и не любя,
судьбой сплетёмся и порогом,
порогом общим, общим домом,
где всё до досочки знакомо:
вот стол, кровать, твои привычки,
желаний всех моих отмычки,
домашний скарб, газеты, книги –
двойные тяжёлы вериги.
Но, став опорой друг другу,
мы сможем одолеть подъём,
и вырваться из круга вьюги
возможно тоже лишь вдвоём.
В стремнине жизненного рока –
ты за меня, я за тебя –
мы отвечаем перед Богом,
страдая, радуясь, любя...

ТЫ И Я

Тоне

Я, взглянув в объектив, принял беды твоей крест.
Я примерил гибель брэнного тела не раз.
Я, как Неизвестный Эрнст,
лишнее отсекал за пластом пласт.
Я в пальцах тёр пепел напрасных строк.
Я стучался в тяжёлые двери, зная, что там – никого.
Я и не думал запастись нежностью впрок.
Я часами ждал на вокзалах нескольких цифр на табло.
Я тот, кто смертельно устал и сел отдохнуть.
Я достал сигарету, но не успел прикурить.
Я решил, что продолжу трудный к тебе путь, –
Ты попробуй ради меня немного ещё пожить.

*21 апреля Валерию Ивановичу Портнягину исполнилось 75 лет!
Редколлегия альманаха «Тобол» горячо и сердечно поздравляет с юбилеем
и желает ему новых творческих успехов и литературных достижений!*

СМЕТАНИН
Александр Михайлович

Родился в 1928 году в деревне Груздево Ольховского, ныне Шадринского района. Окончил Шадринский учительский и Курганский педагогический институты и прошел все педагогические ступеньки: преподаватель, завуч, директор. В области Сметанина А.М. называли ольховским Макаренко.

Страстный общественник, всегда находится в гуще дел области. 40 лет возглавлял Курганское отделение Международного общественного фонда «Российский фонд мира», сейчас является его почетным председателем. Трудовой стаж свыше 70 лет. Автор ряда книг по педагогике и истории Зауралья.

Почетный гражданин города Шадринска. Почетный гражданин Курганской области. Заслуженный учитель РСФСР. Лауреат Мальцевской премии.

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ

Книга основана на реальных фактах и размышлениях автора, его коллег и воспитанников сельской школы-интерната с. Ольховка Шадринского района, где успешно решалась проблема воспитания детей и роль в этом учителя-воспитателя. Сегодня эта проблема – одна из важнейших в деятельности любой школы. Ольховская школа-интернат в период ее становления была базовой школой Министерства просвещения РСФСР. Педагогический коллектив стал (по выражению А.С. Макаренко) «безоткатным инструментом воспитания», коллективом единомышленников, энтузиастов, строивших работу с детьми на основе интереса, игры, романтики.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Край родной для нас – село Ольховка, Шадринский район, Курганская область...

Перед моими глазами всякий раз грустно встает трехэтажное здание спального корпуса нашей школы-интерната. В этом Доме-республике (по выражению воспитанников) дружно проживали 11 национальностей. Сейчас дома нет. Осталась только память.

Многое сказано о нашей Республике, но не по всем ступеням памяти мы еще прошли. А вот несказанное – наш неиссякаемый родник морали и нравственности, ох как нужной нам в сегодняшнее время.

История Ольховской сельской школы-интерната началась с сентября 1962 года. В его стенах жили, учились, развивались и выходили в огромный мир взрослых девочки и мальчики. Они входили в него с воспитанным чувством взаимопомощи, товарищества, уверенности в том, что опыт общения даст им возможность находить общий язык с любыми по характеру людьми.

В Ольховской школе-интернате сложился педагогический коллектив, главной целью деятельности которого было вос-

питание. Учителя знали и верили не только в то, чему и как обучать, в каком направлении и каким образом воспитывать, но и в то, носителем каких личностных качеств должен обладать сам учитель и воспитатель.

Не секрет: сегодня мы ощущаем дефицит добра. Но ведь известно, что любовь человек черпает только из чьей-то другой любви. Он должен получить толчок любить, сочувствовать, сострадать. Таким «толчком» в школе должен быть учитель-воспитатель. Именно в такой школе царит атмосфера добрых, теплых человеческих отношений. Такую школу воспитанники всегда помнят и ценят...

В июне 2017 года состоялась юбилейная встреча, посвященная 55-летию Ольховской школы-интерната, хотя с августа 1988 года ее реорганизовали в Ольховский детский дом № 2. Прошло практически свыше 30 лет со дня ее расформирования, а ностальгия по школе-интернату все возрастает. Именно здесь прозвучала обращенная ко мне просьба коллег и воспитанников – написать книгу воспоминаний об Ольховской школе-интернате. Просьба мной была принята, но с условием, что они будут ее соавторами. Эта книга перед вами.

Я и по сей день сторонник того, чтобы школу оценивали не по стенам и количеству компьютеров, лабораторий, предметных классов, а как место, в котором будет воспитан гражданин своей страны, который любит свою семью, малую и большую родину, у которого будут все возможности для максимальной самореализации. Мы прежде всего должны социализировать личность. Из школы воспитанник должен выходить не только с четким пониманием, куда ему идти дальше, но и, что важно, обладать навыком учиться, чтобы его образовательная траектория продолжалась всю жизнь.

Стремительно бежит время. Меняются люди, обычаи, у каждой эпохи свои приоритеты, свой идеал. Но несомненно одно: пока есть Человек, до тех пор в нем будет развита потребность в том, кто поведет за собой, открывая новые горизонты, кто поверит в тебя больше, чем ты сам в себя, в том, от кого зависит будущее человечества завтра. Согласитесь, что особая миссия в этом случае возложена на учителя! На учителя-воспитателя!

Невольно встает перед глазами тот масштабный пагубный эксперимент в стране, когда школа в течение 12–15 лет устранялась от воспитания. Воспитательная система была разрушена и не регламентировалась никакими документами. И какой же урок? Неопровержимо плачевный: потеряли целое поколение!

К счастью, произошло осознание, мы начали понимать всю пагубность такой ситуации с воспитанием. Школа сегодня вынуждена признать, что в современных условиях невозможно и недопустимо не заниматься воспитанием. Сама жизнь заставляет ставить в центр внимания педколлективов проблемы воспитания. За этим понятием – воспитание – психологическая и нравственная атмосфера в школе и обществе. Память о результативном опыте советской школы, направленной на воспитание «человека производящего», постепенно начинает давать всходы. Педагогическое сообщество поняло: никакое сколько угодно методологически проработанное содержание образования не обеспечивает эффективности воспитания школьников. Нужна четко продуманная педагогическая система в школе, где школа – разновозрастной коллектив единомышленников, где дети и взрослые живут одними идеями, где у них есть общая деятельность и общая мера ответственности. Для них школа – это дом.

Воспитывающая деятельность в Ольховской школе-интернате началась сразу же в начальном периоде ее становления, а затем стала нормой всей ее педагогической

деятельности. Возникла необходимость создания школы-коллектива, в которой ученик раскрывает свои способности в активном сотворчестве с учителями и воспитателями. И это удалось достаточно быстро.

Каковы основные направления воспитательной деятельности? **Важнейшим из них является воспитание трудом.** Если ребенок отключен от трудового процесса, он коренным образом меняет свое представление об окружающем мире. И не в лучшую сторону.

Важной составляющей воспитательной системы было **школьное самоуправление.** Оно было организовано так, что воспитанники действительно чувствовали себя хозяевами в интернате. Наша пионерская дружина – космодром. Всей работой на космодроме руководил штаб космодрома. У непосвященного человека это может вызвать сомнение. А для нас такая система самоуправления была просто естественной, потому действовала не на словах, а на деле.

Музыкальное воспитание детей. Мы считали, что гармоничная музыкальная среда, созданная в интернате, является важнейшим фактором воспитания души, формирования психического и физического здоровья детей.

Важная роль в системе воспитания была отведена **развитию физкультуры и спорта.** Педагоги были твердо убеждены, что спорт становится средством воспитания тогда, когда он – любимое занятие каждого. Для наших ребят это было действительно любимое занятие.

Отмечу еще одну из важнейших составляющих в системе воспитания: **туристическая деятельность.** По туристическим путевкам наши ребята побывали в разных уголках страны: Москве, Ленинграде, Куйбышеве, Волгограде, Бресте, Киеве и других городах. Это развитие сил духовных. Приучение к активному, деятельному отдыху с детства – одно из важнейших правил нашей системы воспитания.

Мы, педагоги, были уверены, что на одном послушании ребенка воспитывать нельзя. Он должен уйти из школы с памятью о тех коллективных делах, в которых участвовал, о тех традициях, в которых испытывал душевный подъем.

И только тогда из школьника получится Личность.

ВСЕГДА В ПОИСКЕ

Когда я принял должность директора школы-интерната, мне было 34 года. За плечами 13 лет педагогического стажа: учитель, завуч, директор, 4 года административной деятельности на посту зам. председателя Ольховского райисполкома.

Колонна воспитанников возле учебного корпуса. 1 мая 1963 года

Я понимал, что школа-интернат – учреждение особое, отличающееся от обычных учебных заведений. Контингент трудный. Чтобы овладеть им, нужен дружный педагогический коллектив, единый по своим подходам к обучению и воспитанию. Как мне кажется, с этой задачей мы справились успешно.

Как тут не вспомнить слова отца русской педагогики Константина Дмитриевича Ушинского: «Воспитание должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакие хитрости не могут заменить личности воспитателя».

В самом начале мы поставили перед собой вопрос: что должно быть главным в нашей работе? Дать прочные знания? Воспитать честных, порядочных людей? И убедились в одном: научить детей верить в себя, сделав все, чтобы им было интересно во всех интернатовских делах. Нет ничего зазорного для учителя даже в том, чтобы сказать ученику: «Знаешь, извини, я был неправ». Так появлялось доверие.

В условиях школы-интерната каждый учитель, воспитатель должен принадлежать всем воспитанникам, а педагогический коллектив – отвечать за каждого учащегося. В деле воспитания детей должна быть настоящая увлеченность как учительского, так и ученического коллектива. Надо бояться душевной пустоты, равнодушия, надо, чтобы в чуткое восприимчивое детское сердце вошел большой мир общественной жизни, чтобы, как говорил Сухомлинский, «детское сердце переболело и перестрадало болью и страданиями людей».

Мне хочется на одном примере нашей школы показать, как увлеченность ученического и педагогического коллективов помогает в деле воспитания.

В начале 60-х годов прошлого столетия страна жила космосом. Мир вздрогнул, мир зарукоплескал. Человек в космосе! Это наш советский человек Юрий Алексеевич Гагарин. Дух космонавтики тогда витал повсюду и покорял всех. И в открывшейся Ольховской школе-интернате родилась идея – заслужить присвоение имени Ю.А. Гагарина нашей пионерской дружине. Закипела работа педагогического и ученического коллективов.

В 1964–65 учебном году нашей пионерской дружине Шадринский райком комсомола присвоил имя Ю.А. Гагарина. В этот период нам казалось, что пионерская дружина работает неплохо, заняла призовое место по Шадринскому району, над школой ярко загорела красная звезда. Но, чтобы оживить интерес, надо было внести что-то новое. Мы уже тогда четко уяснили, что путь воспитания – это путь творческий. И нет ничего хуже для нашего дела, чем однообразие, скука. И мы решили внести разнообразие в деятельность пионерской дружины, взяв за основу принцип интереса, игры и романтики. Наша дружина носит имя космонавта Ю.А. Гагарина, поэтому назвали ее космодромом, а все ее отряды – экипажи, вместо звеньев – отделения. Совершенствуется и шлифуется самоуправление в школе-интернате. Всей работой на космодроме руководит штаб космодрома.

Работу по интересам организуют различные штабы и советы, которые строят всю работу на основе положения о Всесоюзном ленинском смотре пионерских дружин. На пионерском космодроме сложилась следующая система самоуправления:

ШТАБ КОСМОДРОМА: руководит всей проводимой работой на космодроме. Во главе штаба – начальник и заместитель.

СОВЕТ КОМАНДИРОВ: решает вопросы организации интересной работы в экипажах.

СОВЕТ СПОРТКЛУБА «Олимпия»: организует работу по «Малой Олимпиаде пяти колец».

СОВЕТ ПО РАБОТЕ С ОКТЯБРЯТАМИ: организует всю шефскую работу.

ШТАБ ЛЕНИНСКОЙ ВАХТЫ ТРУДА: организует все трудовые дела в зоне пионерского действия, в зоне пионерской работы и непосредственно на территории (учёба – наш главный труд).

САНПОСТ: следит за санитарным состоянием и порядком в школе, в общежитии.

БИБЛИОТЕЧНЫЙ СОВЕТ: организует громкие читки, проводит беседы, читательские конференции, организует работу библиотеки по ремонту книг и их сохранности.

ПРЕСС-ЦЕНТР: оперативный орган печати и самодеятельного кино, выпускает сатирическую фотогазету «Баня», которая пользуется большим успехом.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА: объединяет, возглавляет всю работу художественной самодеятельности.

СОВЕТ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ: возглавляет работу по туризму и краеведению. Ребята с большим удовольствием работают в штабах и советах, на космодроме чувствуют себя настоящими хозяевами.

Об этом говорят и заповеди, принятые на штабе:

«Интернат – твой дом, и ты в нем хозяин»;

«Добрый делом день начинай, если товарищ в беде – выручай!»;

«Не кричи о себе, пусть другие о тебе хоть тихо скажут»;

«Не умеешь – научим, не хочешь – заставим»;

«Своими руками, своей головой дряни любой давай бой»;

«Когда ты уедешь, о тебе будут говорить не только люди, но и дела и вещи».

Вся деятельность проникнута стремлением дать ребятам главный навык – навык общественника. Причем общественника инициативного, убежденного, страстного, такого, чтобы он умел активно вмешиваться в окружающую жизнь, постоянно улучшать ее, хорошо понимать свой долг перед Родиной и народом. Главный закон пионерской жизни – всегда идти в ногу с большими событиями, общественными и политическими, происходящими в стране.

В конце марта и начале апреля 1966 года состоялся XXIII съезд КПСС. Как откликнуться на это событие?

Пионеры решили к открытию съезда партии послать Юрию Алексевичу Гагарину дневник, в котором рассказать о своей жизни и работе. Все интересные дела фиксировались на фото- и киноплёнку. Работа пионерской организации приняла новую окраску, ребята подтянулись, стали требовательнее относиться к себе и друг к другу. В дни работы съезда провели торжественную линейку, где приняли текст письма делегату 23-го съезда партии от Курганской области Г.Ф. Сизову. Текст письма и альбом о жизни воспитанников в школе-интернате направили по адресу: Москва. Кремль. Делегату 23-го съезда КПСС от Курганской области Г.Ф. Сизову. Привожу отрывок из него:

«Уважаемый Геннадий Федорович, мы, пионеры и комсомольцы Ольховской школы-интерната, просим Вас выполнить нашу просьбу. Нами подготовлен скромный альбом о делах наших. Этот альбом предназначен человеку, имя которого носит наша пионерская дружина, – Ю.А. Гагарину. Мы можем рапортовать от всей души, что не опозорим пионера освоения космоса, поэтому просим Вас, Геннадий

**Делегаты XXIII съезда КПСС от Курганской области.
Встреча с космонавтами. 1966 год.**

Федорович, вручить альбом Юрию Алексеевичу Гагарину и, если это возможно, сфотографироваться с ним всей делегацией Курганской области. Эта фотография будет самым дорогим и памятным подарком.

С пионерским приветом воспитанники Ольховской школы-интерната. По поручению воспитанников начальник штаба космодрома Оля Петухова».

С каким нетерпением мы ждали ответа из Москвы. Наконец мы получили теплое письмо от Г.Ф. Сизова из Москвы с фотографиями. Геннадий Федорович пишет: «Дорогие ребята! Сообщаю Вам, что альбом о делах учёбы и работы вашей пионерской дружины имени Ю.А. Гагарина получен нами в дни работы 23-го съезда КПСС. Мы, делегаты съезда, жили в комсомольской гостинице «Юность», где находились первый, всеми любимый космонавт Ю.А. Гагарин и В.Ф. Быковский. Товарищи имели полную возможность встретиться с космонавтами и беседовать с ними. В один из дней делегаты съезда, кто проживал в этой гостинице, присутствовали на вечере встречи с космонавтами т.т. Ю.А. Гагариным, В.В. Николаевой-Терешковой, А.Г. Николаевым. В это время по вашей просьбе и был вручен альбом Ю.А. Гагарину. Он велел передать вам сердечное спасибо». Не нужно доказывать, как все это всколыхнуло ребят, даже самых, казалось бы, трудных.

В ноябре 1966 года состоялось заседание педсовета. На педсовете меня удивило то, что слишком учителя и воспитатели чувствовали себя самоуверенными: все есть, дела идут нормально. Но такая самоуверенность педагогов – явление опасное. А как думают сами воспитанники? Решили провести анкету с учащимися старших классов. Анкета анонимная. Надо указать только класс. Им были заданы такие вопросы:

1. Что вам нравится и не нравится в школе-интернате?
2. В своей работе педколлектив придерживается правила: не допускать, чтобы даже один день школьного учения оставался без успеха, без результата. Ваши предложения?
3. Ваши предложения по организации разумного отдыха.

4. Какие встречи с известными людьми района, области и даже страны вы хотели бы организовать в нашем интернате?

5. Ваши предложения по бережному отношению к имуществу.

Когда ответы были собраны, во время чтения я был просто поражен. Здесь была такая деловая критика, такое количество предложений, что вряд ли иногда услышишь от своих коллег. Причем после критических слов идут конкретные предложения. Урок для нас хороший. Мы даже изменили подход к планированию: планируем только то, что реально можем сделать. Рабочий план стал конкретным, без благих пожеланий.

Я с удовлетворением отмечаю, что в нашей школе-интернате на протяжении всего периода ее существования была создана обстановка неразрывной связи ученического коллектива с жизнью в самом широком понимании этого слова. Можно привести много примеров, подтверждающих, что коллектив Ольховской школы-интерната был всегда в поиске. Остановлюсь на факте.

При обсуждении кинофильма «Щит и меч» у детей родилась идея оформить стенд «С чего начинается Родина?» в пионерской комнате. Были написаны письма во все союзные, автономные республики, национальные округа с просьбой прислать национальные буквари. Пришло 26 букварей. Оформили стенд. Стенд способствовал развитию самостоятельности, ответственности, познавательному обогащению и, что особенно важно, укреплению дружбы между народами нашей страны. И таких инициатив и добрых дел было очень много.

Педагогический коллектив не просто поддерживал, а всячески развивал инициативу детей во внеурочное время.

А теперь зададим вопрос: «Почему дети учились и охотно, и с желанием?» Потому что в школе-интернате были созданы условия для организации интересной и разнообразной деятельности после уроков и самоподготовки, где создавалась возможность каждому ученику проявить свои наклонности, данные ему от природы.

А условия для этого были созданы отменные. Только простой их перечень говорит о многом: обширная туристско-краеведческая деятельность, «Клуб интересных встреч», «Клуб интернациональной дружбы «Факел», школьный музей, кино клуб «Космос», 30 предметных и других кружков, спортивных секций. Такие возможности создались прежде всего благодаря обстановке творческого труда педагогического коллектива и воспитанников.

Но секрет интереса вовсе не в занимательности уроков, а в успехах детей. В их ощущении роста, движения, достижения трудного. Вчера не понимал – сегодня понял. Вот где радость! Вчера не умел – сегодня научился. Вот в чем счастье! «Если человек становится только школьником, он во многих отношениях перестает быть человеком», – писал Сухомлинский. Видеть перед собой не школьника, а человека – вот суть педагогики Сухомлинского.

В XIX веке проблемы – как надо воспитывать в школе человека и каким быть учителю – решались остро и не менее, а может быть, даже более остро – в конце XX века и начале XXI. К моим размышлениям по данной проблеме могут появиться немало оппонентов от образования. Если мы оглянемся в прошлое, перелистаем труды великих педагогов прошлых времен, то легко заметим, что история дала нам счастливую возможность увидеть и понять все трудности воспитания и обучения детей. Педагогика, особенно в той ее части, которая занимается проблемами воспитания, – самая сложная из всех наук, известных человечеству.

Отечественная педагогическая классика, XIX и XX веков особенно, как никогда востребована, она не устарела. Это мы стали другими.

Обучение и воспитание в школе – вопрос вопросов в педагогике, в нашей жизни. Пора, наверное, ответить на вопрос: на кого и для чего работает школа? Если для овладения определенной суммой знаний и для поступления в вуз – один ответ. Если для активного участия в современной жизни, для готовности быть и чувствовать себя гражданином, носителем нравственных и конституционных ценностей общества – другой. Принципиально другой! Известно, к чему привело более чем 10-летие отсутствия воспитания в школе. Итог неопровержимо плачевный. Так надо ли продолжать дискуссию о том, что главнее, что впереди – обучение или воспитание? Надо ли противопоставлять «два крыла» школы?

Государство, школа вынуждены сегодня признать, что в современных условиях невозможно и недопустимо не заниматься воспитанием. Качественное обучение без воспитания невозможно. Естественно, и перед педагогической наукой столь же значимо и остро встают эти проблемы.

ПОСТСКРИПТУМ

История деятельности Ольховской школы-интерната очень коротка. Но она выпала на период, когда успешно решалась образовательная система в стране. Это период 60–80-е годы прошлого столетия.

Именно в эти годы советская система народного образования осталась в памяти поколения чудесными кинофильмами о школе, созданными в те годы, такими как «Доживем до понедельника», «Дневник директора школы», «Переступая порог». Советский Союз был самой читающей страной в мире, с развитой образовательной инфраструктурой – оказался прекрасным полем деятельности для образовательной системы.

В нашей книге мы попытались показать, как решалась проблема образования в стране на примере сельской школы вдали от всяких цивилизаций.

Это было, наверное, самое трудное, но, как позднее я понял, самое счастливое время в моей жизни. Я отработал в школе-интернате девять лет, причем мой рабочий день начинался в шесть утра и продолжался до самого отбоя. Никогда я не страдал так душой, как там, никогда не получал большего удовлетворения, большего счастья, чем радость за детей и от детей. Кстати, радость эта и теперь навещает меня письмами, звонками, посещениями, просьбами.

В январе 1971 года меня избирают секретарем Шадринского районного комитета КПСС по идеологии. И дела в интернате с моим уходом не ухудшились. Коллектив работал с полной отдачей, как и раньше. Особенно успешен был период директорства Осминина Владимира Ивановича, который не просто продолжал традиции, а успешно развивал их, вводил новые.

Вся моя трудовая деятельность (трудовой стаж 73 года) была связана в той или иной форме с воспитанием молодёжи. А началась она с 1946 года. Поэтому я живой свидетель с этого времени всех преобразований в образовании.

Мы живём сегодня в другой стране. При ином экономическом укладе. При другом государственном строе. А главное для нас – с иными учениками, иными ориентирами в жизни. В эпоху, культуру которой определяет не книга, а телевизор. Во времена стремительно наступающего Интернета. И многие старые вопросы надо решать по-новому.

Но истины, открытые замечательными педагогами прошлых лет, не устаревают, они остаются востребованными спустя века. Может поменяться форма их деятельности, функции, но сущность, смысл учительской профессии не изменится. Здесь важно понять, как добиться равновесия между традициями и нововведениями. Что и как делать, чтобы, преобразяя и развивая наше образование, не растерять его национальных корней, традиций, ценностей, имеющихся в фундаменте российской культуры?

Много ядовитых стрел в адрес школы было направлено в конце 80-х и особенно лихих 90-х прошлого века. Но ведь известно, что в советский период российское образование регулярно входило в тройку лучших в мире. Многие эксперты полагали даже, что оно было лучшим.

Школа живёт, меняется её возраст, меняются требования к ней. То, что завоёвано ею, – то завоёвано, этого не отнимешь, но впереди опять трудности, и в каком-то смысле опять приходится начинать «всё сначала».

29 декабря 2012 года принят Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». В нём определено, что неотъемлемой составляющей образования является воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения. Четкий ответ на пагубный эксперимент. А что происходит в жизни?

В феврале 2014 года в обычной столичной школе погиб учитель Андрей Кириллов. Типичный отличник выстрелил в своего преподавателя из винтовки. Через несколько дней – кровавая драма с ножом и топором в школе Улан-Удэ. Пострадало много школьников от своего одноклассника. Вспомним группу «детिशек», которые избили 71-летнюю учительницу. Интернет полон сообщений о том, что где-то школьник пырнул своего учителя ножом. Отношение к учителям – один из главных показателей нравственно-психологического состояния общества. В этой ситуации налицо и явные признаки социальной патологии, болезни не отдельной личности, а нашего общества.

В мае 2015 года в стране принята «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». Цитирую: «...Одна из приоритетных задач «стратегии» – повышение эффективности воспитательной деятельности в системе образования, физической культуры и спорта, культуры и психолого-педагогической поддержки социализации детей, поэтому воспитание сегодня становится как никогда социально востребованной и актуальной проблемой развития гражданского общества России...»

Такое его понимание закреплено в Федеральном Законе «Об образовании в РФ» и «Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 года». Эти два документа подтвердили только то, что пагубный эксперимент закончился.

31 июля 2020 года вновь принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в РФ» по вопросам воспитания обучающихся», который вступил в силу с **1 сентября 2020 года**. Министр просвещения Сергей Кравцов на онлайн-уроке дал закону такую оценку: «Это важнейший законопроект. Он выводит на государственный уровень такие понятия, как формирование чувства патриотизма, гражданственности подрастающего поколения, закрепляет необходимость воспитательных программ в школах. **Фактически он возвращает воспитательную функцию в школы, нормативно закрепляет её.** Не только за семьёй, но и за системой образования».

В России издаётся много строгих законов, но эта строгость зачастую компенсируется необязательностью их исполнения. Так может произойти и с этим законом. Если не принять подзаконных документов всеми подразделениями, занимающимися проблемой воспитания, то эту инициативу президента чиновники просто сольют в песок и к исполнению всех намеченных программ подойдут формально.

Первый результативный шаг сделал сам президент. По его поручению уже с 1 сентября все классные руководители в стране начнут получать федеральную выплату в пять тысяч рублей. Причём неважно, сколько детей в классе – двадцать пять или всего лишь пять. Кроме того, регионы должны соблюдать правило: все региональные выплаты за классное руководство должны быть сохранены.

Не будь таких четких рекомендаций, чиновники на местах найдут десятки оправдательных причин невыполнения поручения даже самого президента. Система образования, по выражению министра Сергея Кравцова, ждала этот закон. Да, действительно, ждала, и не только система образования. Но многие обсуждаемые проблемы, на мой взгляд, остались вновь в тени. Например, школа по-прежнему является организацией (а не учреждением, как было раньше), оказывающей услуги. Образование – услуга! А ведь мы помним, сколько дебатов было по этой проблеме. И даже министр образования и науки, в тот период Ольга Васильева, выступая в Военной академии Генштаба Вооруженных Сил РФ, чётко выразила своё мнение: «Так получилось, что в Законе об образовании появилась статья, которая определяет образование как услугу. Понятно, что ни образование, ни медицина услугой быть не могут. Поэтому для человека, который работает с детьми и отдаёт им лучшее, что у него есть в душе, конечно, это было очень обидно. Мы делаем всё возможное, чтобы убрать слово «услуга».

О том, что статус учителя в обществе падает, говорится сейчас очень много. Да и сами педагоги не могут этого не замечать. На мой взгляд, этот процесс стал особенно ощутим после того, как школы на законодательном уровне отнесли к учреждениям сферы услуг. И прописали, что родители являются заказчиками на образовательную услугу для их детей, а учителя, соответственно, исполнителями.

Или... в Законе об образовании отсутствует понятие о трудовом воспитании. Оно заменено словом «Профориентация». Но ведь это не одно и то же.

Поэтому мне, как человеку, связанному в трудовой деятельности практически три четверти века с воспитанием, хочется поделиться своими мыслями и поразмышлять вместе с читателями по некоторым проблемам образования.

Современная школа переживает не самое легкое время. И в первую очередь трудность нашей школы – в отсутствии образа, по которому осуществляется образование молодого человека. А ведь для выполнения задачи школы важен именно образ: входящий – что имеем на входе – и завершающий – что мы хотели бы иметь на выходе. Не может быть образования без ориентации на образ. Школа упустила приоритет в формировании ценностей, а те, кто перехватил этот приоритет, задумываются о формировании не человека, а большого потребителя. В своё время, выступая на Селигере, министр образования РФ Андрей Фурсенко заявил: «Недостатком советской системы образования была попытка формирования Человека-творца, а сейчас наша задача заключается в том, чтобы вырастить квалифицированного потребителя». Естественно, все здравомыслящие задались вопросом: кто же будет создавать, если все станут потреблять? Тем более когда речь идет о технологиях XXI века. Когда мы говорим об идеале, примере, образце для подражания, немало людей

просто усмехается. Их представление о смысле жизни – идти напролом к личному обогащению любыми путями. Конечно, здесь нет места духовно-нравственному герою. Увы, такова реальность.

Но ведь идеал, пример, образец для подражания людям был нужен всегда. Чтобы тянуться вверх к небу, а не опускаться в болото и не барахтаться в грязи.

Трудовое воспитание... Об этом не говорит только самый ленивый. А в законах о школе слова «труд» вообще нет, не упоминается. Даже самообслуживание фактически противопоказано. Ученика можно привлечь вымыть парты или подмести пол в кабинете только с письменного разрешения родителей. То есть труд, по существу, изгнан из школы. На уровне федеральном в учебных планах труда нет. Его можно вводить на уровне регионов.

В Министерстве образования нет ни одного структурного подразделения, которое занималось бы трудовым воспитанием. А в советском Министерстве просвещения был отдел трудового воспитания, сектор трудового воспитания. В академии педнаук существовал институт трудового обучения и воспитания – его тоже больше нет. Журнал «Школа и производство» сохранил только название, но не существо и содержание. Труд в рамках обучения и воспитания детей – очень большая и острая тема.

Если вы, уважаемый читатель, помните, когда пришла новый министр образования Ольга Юрьевна Васильева, она заявила о том, что нужно вернуть в школу трудовое воспитание и производственный труд. В Государственной Думе был подготовлен законопроект о трудовом воспитании, но почему-то получил отрицательное заключение Министерства образования и науки. Слова – есть! А дела?

В Федеральном законе «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в РФ» по вопросам воспитания обучающихся появилось слово «труд». И в каком контексте?! (повторим ещё раз) ...«формирование у обучающихся чувства патриотизма, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, **человеку труда** и старшему поколению...».

Долгожданное слово в федеральном законе!

А теперь, пожалуй, о самом главном. Для того чтобы школа полноценно выполняла свою функцию обучения и воспитания, необходимо, чтобы все социальные институты, работали на эти цели вместе со школой: литература, искусство, театры, кино, телевидение и др. Можно смело сказать, что, до тех пор пока у нас существует телевидение в таком виде, как сейчас, никаких разговоров о воспитании быть не может. Включите любой канал, и вы увидите пошлость, насилие, мордобой, секс, ловеласов с пистолетами в руках, бесконечную стрельбу, взрывы и т.д.

О реформировании школ... Реформы сыплются на российские школы каждый год. Учительница из Санкт-Петербурга Марина Балуева, выражая мнение учителей на страницах «Учительской газеты», с возмущением пишет: «Мы уже устали выслушивать всевозможные предложения депутатов и чиновников. Почему-то все, кто хочет что-то улучшить, предлагают очередной новый предмет в школе вводить».

«Российская газета» за январь 2001 года публикует статью своего корреспондента В. Молодцовой под броским названием «Аплодисментов не будет». В подзаголовке чётко и недвусмысленно даётся оценка поставленной в статье проблемы: «Разве образование – мода, чтобы меняться каждый сезон или с приходом следующего министра?!» Выступают учёные, учителя, деятели культуры, писатели, журналисты и многие-многие другие, неравнодушные к этой важнейшей проблеме.

2 октября 2013 года на страницах газеты «АиФ» по проблемам реформирования в культуре и образовании дал интервью Юрий Мефодьевич Соломин, актёр, режиссёр, главный режиссёр Государственного академического Малого театра России, народный артист СССР, министр культуры РСФСР (1990–1991 гг.). Прочитую только одно его высказывание, касающееся реформы образования: «Как можно было убрать из школьной программы часы литературы и русского языка? Сейчас спохватились! Вернули сочинение и экзамены. И вдруг выяснилось, что за эти годы, пока детей натаскивали на ЕГЭ, они разучились письменно формулировать мысли. То есть разучились анализировать, размышлять! Теперь опять что-то пытаются подкорректировать, там добавить, тут убавить. Так нельзя! Нужно один раз, не стесняясь, сказать: «Извините нас! Мы хотели как лучше, а получилось как всегда!» Убрать ЕГЭ. Вернуть экзамены в том виде, в каком они испокон веков существовали в нашей школе. У современных детей спросите: «Вы знаете, где Байкал?» Тебя пошлют... куда подальше. И что возле Красной площади памятник стоит маршалу Жукову, они тоже не знают. Гадают, что это за генерал такой может быть... Когда свою собственную историю мы начинаем забывать, получаем то, что имеем сегодня».

В принятый Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года ежегодно вносились дополнения и изменения. Поскольку сегодня образование становится объектом политических игр, в которые вступают различные силы в стране, то нас подстерегает опасность спешного принятия поправок в существующее законодательство.

В закон от 31 июля 2020 года внесены долгожданные изменения по вопросам воспитания обучающихся. Думается, сейчас как никогда нужно восстановление доверия общества к дальнейшим реформам образования.

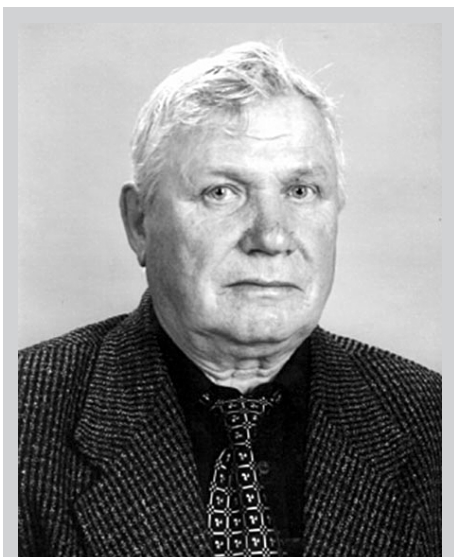
Что не приемлют многие? То, что реформы образования не обсуждаются всенародно (делается вид обсуждения), а ведь это дело общегосударственное, общенародное. Мы все вместе должны решать, какие реформы нам нужны и зачем. Очень чётко выразил эту мысль ректор МГУ, академик Виктор Садовничий: «Реформу делают профессора, учителя и учащиеся, а вовсе не чиновники. Давно пора понять и принять формулу: не образование для государства, а государство для образования».

В стране за внешней простотой названия произошли, на мой взгляд, знаковые события. С 31 октября по 5 ноября 2020 года прошел Всероссийский конкурс «Большая перемена», в котором приняли участие более миллиона школьников.

Глава государства высоко оценил проведение такого конкурса. «Большая перемена» – уникальный шанс показать самую яркую сторону своих способностей. Она стала не просто конкурсом, а настоящим пространством для развития», – отметил президент. «Мы будем и дальше создавать все необходимые условия, чтобы дети, подростки состоялись в жизни, **были талантливы**. Это, без всякого преувеличения, наша общенациональная цель. И убежден, она объединяет всех граждан нашей страны», – подчеркнул глава государства.

И уже решено – конкурс стал ежегодным с 28 марта 2021 года.

Оценивая значение для страны проведения конкурса «Большая перемена», президент четко выразил мысль о том, что для решения грандиозных общественных и технологических изменений в мире в бурном и сложном XXI веке необходимо формировать Человека-творца. И этот конкурс – одно из важнейших направлений решения данной проблемы.

АКСЁНОВ
Николай Алексеевич

Родился в селе Митино Кетовского района 18 декабря 1938 года в семье колхозников. Мать, Ефросинья Архиповна, работала в колхозе, отец, Алексей Иванович, в 1941 году был призван в армию и в 1943 году пропал без вести в боях подо Ржевом.

Большую часть жизни, 36 лет, проработал заведующим клубом и директором Митинского Дома культуры.

Писать стихи начал в третьем классе. Долгое время сотрудничал с газетами Глядянского и Кетовского районов и в 1972 году был принят в Союз журналистов СССР. Был участником семинара молодых писателей Урала и Сибири в Перми в 1976 году, после которого в журнале «Урал» была опубликована повесть «Осенние радости».

По разным причинам очень долго не писал, и только в 2000 году вышла первая книга стихов «Гармония души». После неё в разные годы были изданы еще восемь книг стихов и рассказов.

В 2005 году был принят в Союз писателей России.

Сегодня мы публикуем два рассказа из новой книги Николая Аксенова, в которую вошли несколько рассказов и две маленькие повести.

ИЗ ВСТУПИТЕЛЬНОГО СЛОВА:

«Закрыв последнюю страницу и сказал себе – у этой книги большая судьба, ведь писатель прикоснулся своим пером к многим и многим проблемам. И одна из них – сохранение нашей русской, неповторимой природы. Поражаешься умению автора вылепить человеческий характер, в котором все живо, чувственно, осязаемо и достоверно. Сразу же начинаешь вспоминать лучшие книги Виктора Астафьева, Владимира Солоухина и Василия Белова. И, вспоминая, убеждаешь себя: а ведь у нашего Николая Аксенова такая же сила в языке, в стиле...

Виктор Потанин».

ДОБРОТА

Старый дом с обомшелой, позеленевшей с северной стороны крышей, заметно осевший, обветренный, словно обтянутый серой облезшей замшей, одиноко ютился на краю села и почти до карниза тонул в сирени. Когда-то, ещё в недавние времена, около него находились другие дома, а теперь их снесли, и лишь он, без того невысокий, в сплошных зарослях, казался ещё ниже, как будто прятался от расположенного метрах в ста прямого порядка улицы, припадая к земле, чтобы скрыть за стеною кустарника свою дряхлость. Развалились вокруг него постройки для скота, покосились подгнившие столбики прясла, все заросло высокой крапивой и жирной лебедой, пришло в запустение. Видимо, хозяйева дома уехали из деревни и возвращаться не собирались. Но сам дом в то время, о котором идет рассказ, был обитаем: сирень вольно и густо росла в огороженном тальниковым тыном палисаднике, пробивалась даже за изгородь, а вот под окнами застекленной с двух сторон веранды её кто-то недавно неумело вырубил. И не просто вырубил, а безжалостно уничтожил – торчали, как зубья перевернутой бороны, косо заостренные окомелья,

переплетенные молодыми измочаленными побегами, а на них ещё не успели завянуть листья.

Это можно было назвать бездушием или даже другим, более подходящим словом, если бы на веранде не было алюминиевой раскладушки, на которой полулежала маленькая девочка под белой с голубыми каемками простыней. Рядом с раскладушкой стоял старинный массивный стул, около него тумбочка, а на ней – литровая банка с водой, закрытая капроновой крышкой, игрушечная машина без колес, несколько детских потертых книжек и кукла-голышка в неумело сшитом цветастом платье без рукавов. На стуле – ножницы, тряпочки и юрок ниток с воткнутой в него иглой. Под раскладушкой на выцветшей дерюжке дремал котёнок, тощий и ершистый, но такой рыжий, что от него вроде бы исходило сияние.

А может, так казалось оттого, что мимо раздвинутых ситцевых занавесок на колени девочке лилось лучами солнце, и она подставляла под теплый свет худенькие ручонки, то пронося их перед собою, то уводя вбок хрупкие, как соломка, пальцы.

По-видимому, девочка воображала себя на сцене, играла в балерину, и когда поднимала ручонки вверх, то ее освещенные с тыльной стороны ладошки становились розовыми-розовыми, почти прозрачными, словно изваянными из розового фарфора. Это очень забавляло девочку, она повторяла движение вновь и вновь, и по складкам ярко освещенной простыни тоже скользили извивающиеся тени. По бледному, но красивому лицу, обрамленному вьющимися белокурыми волосами, блуждала странная, задумчивая улыбка, словно девочка отрешилась от всего земного, поднялась в небо, парила в нем вольной птицей, взмахивая хрупкими крылышками и замирая от страха и несказанного счастья. Такая улыбка бывает только на лице совершенно погруженного в себя ребенка, когда ему никто не мешает, когда он целиком занят своими мыслями, своей игрой, важной для него, занимательной, полностью увлекающей маленького человека. «Ля-ля-ля!» – тихонько импровизировала простенькую мелодию девочка, и от её движений так же тихонько поскрипывала пружинами раскладушка.

Но вскоре девочка перестала петь, подперла подбородок ладошками и стала грустно смотреть в окно, за полуразрушенную ограду, где щипали траву неуклюжие гусенята. Беспokoйный напыщенный их папаша горделиво похаживал около своего многочисленного семейства, клонил голову к земле, тянул длинную шею, топтался, переваливаясь с боку на бок, и гоготал сердито, недовольно, когда еще не оперившиеся птенцы перебегали с места на место, норовили выбраться на дорогу, чтобы поклевать камешков. Гусыня ласково скликала их и вела дальше по зеленой поляне, а гусак бдительно вышагивал позади, эдакий смешной толстяк с оранжевыми ногами.

Девочка покачалась на раскладушке, подражая гусю, даже вытянула шею и повертела головой, но гуси скрылись из виду, и она, привалившись плечом к окну, сидела так, навивая кудряшки волос на палец.

Сразу же за поляной чернело вспаханное паровое поле. А за ним темнел высокий сосновый бор, из которого узкой серой лентой выползала укатанная дорога. Она пересекала поле, подступающее к самым ее обочинам, постепенно ширилась, протягиваясь к селу. А от леса по этой извилистой серой ленте, казалось, ползла светло-желтая, взблескивающая гладкой спинкой букашка. Девочка заинтересованно приподнялась, сцепила пальчики на затылке. Её чистые синие глаза широко раскрылись: в них вспыхнули две яркие искорки. А букашка подвигалась все ближе и ближе к селу, пока не превратилась в легковушку, оставляющую за собой длинный хвост пыли. Тогда девочка разочарованно вздохнула, искорки в ее глазах погасли, она опустила руки и смотрела на легковушку уже без прежнего интереса, хотя и с любопытством.

Машина приближалась, минуя пашню, покачивалась на выбоинах. Вот она выехала на край поляны. Гусак, низко опустив голову и шипя, выбежал навстречу, но легковушка поравнялась с домом и вдруг, подвернув к самому палисаднику, остановилась. Вышел незнакомый толстенький и усатый дяденька, обошел вокруг машины, зачем-то попинал носком туфли запыленное колесо, осмотрелся и направился к дощатой, потрескавшейся от времени калитке. Он долго не мог нащупать изнутри вертушку, даже приподнялся на цыпочки, чтобы её увидеть. Наконец открыл и застучал каблуками по выложенной половинками кирпича дорожке. В окне он увидел девочку. Улыбнулся ей. Она торопливо поправила простыню, подтянула её повыше.

– Здравствуй, хозяйюшка! – войдя, ласково сказал незнакомец приятным, даже певучим голосом и опять весело улыбнулся девочке, и она тоже невольно заулыбалась. И смутилась от этого, опустила ресницы.

– Здравствуйте! – тихо, почти неслышно произнесла девочка, быстро взглянула на незнакомца и повторила чуть громче: – Здравствуйте!

– Что же ты спишь так долго, милая? Солнышко-то вон уж как высоко. Встань-ка, пожалуйста, да напои меня холодной водичкой, – добродушно укорив, попросил незнакомец и смешно дернул усом. – Страсть пить хочю, кажется, целое ведро выпью. Так напоишь, хозяйюшка, или кроме тебя ещё кто-то в доме есть?

– Нет, я одна, – по-прежнему несмело, но уже без улыбки ответила девочка. – Мама на ферме. А вода у нас на кухне в зеленом бачке. Там и ковшик. Проходите да пейте на здоровье. У меня в банке есть, – девочка указала на тумбочку, – да она степлилась, невкусная.

– Ага, – задумчиво проговорил дяденька, внимательно посмотрел на девочку, и с его полного лица тоже сошла заразительная улыбка. – Ага. Спасибо. Конечно же, я пойду на кухню и напьюсь сам. Кухня – это сюда?

Мужчина осторожно ступал по крашенным суриком половицам, словно боялся, что половицы не выдержат его тяжести. Девочка проводила его через веранду взглядом, а некоторое время спустя он довольно крякнул и похвалил из кухни:

– Ох и замечательная же у вас вода! Лучше газировки. И холодная, даже зубы ломит.

– Мама её недавно из родника принесла, вот она и холодная, – отозвалась девочка, поглядывая на распахнутую кухонную дверь. – И в комнатах у нас прохладно.

– Прохладно, – утолив жажду, подтвердил появившийся из кухни гость. – Большое тебе спасибо, хозяйюшка! От верной смерти спасла, – опять рассмеялся он.

Девочка, глядя на его залучившееся морщинками лицо, тоже прыснула в кулачок, при этом её матовые щечки приподнялись, наполнились едва заметным румянцем,

а пушистые волосы осыпались на них, оставив на виду лишь острый носик, открытые зубки да подбородок. Она посматривала на веселого дяденьку сквозь эту узкую щелку одним глазом.

– Так отчего ты до такой поры прохлаждаешься в постели, милая? Не пора ли тебе встать, почистить зубки, умыться да бежать на улицу к подружкам? А? – сказал незнакомец, подходя к ней.

Девочка прервала смех, как будто всхлипнула, выпрямилась, отбросила за плечи кольца волос и сказала:

– Я не хожу, дяденька. У меня ножки болят.

Видимо, эти слова она говорила уже много раз, прозвучали они по-детски откровенно, так обыденно и привычно для неё, что незнакомец вздрогнул: его лицо стало растерянным и огорченным. Но тотчас же он оправился от минутного замешательства и неожиданно для девочки попросил:

– А можно я немного посижу с тобой?

– Посидите! – обрадовалась девочка и ловко убрала со стула на тумбочку свои немногочисленные игрушки. Но куклу-голышку взяла к себе, положила бережно рядышком на подушку, словно боялась, что её отнимут. А дяденька немного отставил от раскладушки стул, присел на него, уперся сильными руками в колени и некоторое время молчал, смотрел на девочку, которая укладывала неуклюжую длинноносую куклу, сползавшую с покатою подушки.

– Ты любишь свою куклу? – спросил он.

– Да, – ответила девочка. – Мы с нею играем. Я ей, когда мамы нет, книжки читаю, а она слушает. Правда, Оля? – обратилась девочка к кукле. – Она у меня разумница. И спим мы вместе.

– Да, верная у тебя подружка, – печально согласился дяденька.

– Мне мама скоро новую купит, – похвастала девочка, – балерину. Высокую, стройную, в кружевной юбочке. Барби называется. Она для меня танцевать будет.

– А-а, ты сама очень любишь танцы! – догадался дяденька.

– Люблю. Когда по телевизору танцы показывают, я все смотрю-смотрю, до полночи, мама даже заругается. Поздно, скажет, уже. Спать пора. Да и чего ты, скажет, понимаешь в балете? А я маму поцелую, уговорю и смотрю. Я все-все понимаю. И когда веселое танцуют, и когда грустное. Даже маме иногда объясняю. И куклу у неё прошу.

– Почему же до сих пор мама тебе её не купила? – расстроено и вроде бы недовольно перебил дяденька.

– У нас денег не хватает, – просто пояснила девочка. – Мама меня все по больницам возила, не работала, а папе одному на нас не наработаться. Да еще недавно мы с мамой сюда переехали...

– А до этого вы где жили?

– У-у, – махнула рукой на окно девочка. – Далеко-далеко. У нас в городе хорошо: дома каменные, высокие. Под горой река Кама, пароходы плавают. Белые, а на них музыка играет. Папа мою кровать поставит у окошка, я и смотрю на Каму, на пароходы. А здесь скучно, только дорога да поле. Сначала и совсем ничего не видно было, кругом сирень. Мама её позавчера вырубил...

Слушая её рассказ, незнакомец стал очень серьезным, покусывал губу и передвинулся со стулом поближе. Его немного выпуклые влажные глаза смотрели на девочку с добротой и нескрываемым состраданием. Он убрал руки с колен, скрестил

их на груди, но тотчас же опустил, положил одну на другую и нервно пожимал кисти, собирая складками загорелую кожу.

– А зачем вы сюда переехали? – снова спросил он, потому что девочка замолчала и теребила простыню, не зная, что ещё сказать.

– Здесь доктор очень хороший живет. Он меня вылечит, чтобы ножки ходили, только подождать нужно. Больных у него много, а места в больнице нет. Меня там осматривали, сказали, что вылечат. Когда место освободится, меня туда сразу же вызовут. Вот мы с мамой и переехали сюда, в деревню. В городе-то квартир не найти, потому что нам платить нечем, а здесь нам вот этот домик дали. За то, чтобы мама на ферме работала. Ох, она устает как! – покачала головой девочка, жалея мать. – Только придет с фермы, сразу руки в горячей воде мочит. Ломит их у неё. Она у меня непривычная к такой работе. А как отойдут руки, опять со мной занимается. Писать и считать учит. Вот вылечат мне ножки, я в школу пойду, – раз мечталась девочка. – И в лагерь поеду. А потом на балерину стану учиться. У нас в городе такой кружок есть, где ребята учатся танцевать. А мама говорит, что я талантливая. Буквы разбирать сразу научилась и предложения пишу.

– А какие книги ты читать любишь?

– Я сама-то еще плохо читаю, – призналась с сожалением девочка. – По складам. Мама мне приносит из библиотеки «Веселые картинки». Старые, правда. Новые-то сейчас не выписывают. Там про все написано: и про кота Леопольда, и про Петю-космонавта, и про Дюймовочку. А я больше люблю, когда мама читает про волшебников. Только про добрых. Которые злые – я не люблю. А добрые – они все доброе делают, они такие старенькие и всем помогают. Правда ведь?

– Правда. Добрые волшебники помогают всем, но тоже только добрым и хорошим людям. Они приходят ночью...

– Разве они по-настоящему есть? Разве не только в сказках? – нетерпеливо прервала его речь девочка и вся подалась к нему, ожидая от него чуда.

– А как же! – наморщив переносицу, серьезно удивился ее вопросу приезжий. – Они приходят ночью, когда все добрые люди спят, когда спят и такие хорошие девочки, как ты. Они появляются незаметно, тихо, чтобы никого не встревожить. Добрые волшебники всегда знают, кто чего от них ждет, кому чем помочь, и помогают. А ты, наверное, тоже хочешь, чтобы к тебе пришел добрый волшебник?

Девочка ответила не сразу, подумала: не подшучивает ли гость над нею? Но тот смотрел с улыбкой, с хитринкой все понимающего человека, и она застыдилась, отвернулась, скрывая свое признание, может быть, самое сокровенное, тайное и, конечно же, по её разумению, непонятное другим. А дяденька, глядя на неё, спрятал едва заметную усмешку в свои коротко подстриженные усы, осторожно прикоснулся к её острому плечу.

– Ну, что ты, – тихо успокоил он. – Не стыдись своего желания. Даже мне, взрослому человеку, и то часто хочется, чтобы пришел добрый волшебник и помог в трудную минуту.

– Так почему же он не приходит? – с дрожью в голосе спросила девочка, все так же не поворачивая к нему лица.

– Почему? Да потому, что людей на земле много, а добрых волшебников мало. Вот они ко всем и не успевают. К тому же они старенькие. Быстро ходить не могут. Но ты не отчаивайся, и я не буду: они и к нам с тобой придут.

– Даже, может, сегодня ночью? – Снова осмелела и повернулась к собеседнику девочка.

– Да, может, и сегодня ночью исполнятся наши с тобой желания.

– А вы разве тоже болеете? – подняла глаза девочка и осмотрела его с головы до ног.

– Я? Нет, – смешался он от её неожиданного вопроса. – Да я и не тороплю, пусть волшебники придут ко мне в другую, самую последнюю очередь.

– А у меня завтра день рождения, – со вздохом сообщила девочка. – Жалко только, что мама в город не может съездить, куклу мне купить.

– Очень жаль, – опять погрустнел от её слов дяденька. – Как же так?

– Ничего, – успокоила его и себя девочка. – Она в город и другой раз съездит. И куклу мне купит, и платье новое, когда деньги начнут выдавать.

Дяденька посмотрел в окно, потом на свои часы, поднялся и погладил девочку по волосам.

– Ну, прощай, милая. Спасибо тебе за воду, за беседу. Хотел было кого-нибудь расспросить о прямой дороге на Дубровное, а ты, как я понимаю, про неё не знаешь. Конечно же, наш городской доктор вылечит тебя, ты будешь учиться в школе, танцевать на сцене, и тебя будут показывать по телевидению. Прощай, не отчаивайся и всегда верь в добрых волшебников. Они скорее приходят к тем, кто в них очень и очень верит.

У дяденьки странно сузились глаза, дрогнул голос, поэтому он больше ничего не сказал, а быстро повернулся, вынимая из кармана носовой платок, и вышел. Прошагал по двору, помахал рукой из-за калитки, потом сел в машину, и она скрылась за кустами густой сирени.

Некоторое время доносился звук мотора, но и он стих. Девочка устало откинулась на scomканную подушку, глубоко вздохнула и долго лежала без движения, приопустив веки. Из-под раскладушки вылез рыжий котенок, потянулся, царапнул когтями пол, запрыгнул на раскладушку, взобрался девочке на живот, улегся, подвернув под себя лапы, тоже прижмурился и едва слышно замурлыкал, покачиваясь при каждом вздохе своей маленькой хозяйки.

А на следующее утро девочка проснулась перед самым восходом солнца, полежала с закрытыми глазами, но так было неинтересно. Она открыла глаза, повернулась на спину и в неустойчивом, мерцающем свете приходящего дня увидела уже ставшую ей привычной деревенскую горницу с низким, разрисованным диковинными цветами потолком, чистыми, но пустыми стенами, телевизор на ножках в переднем углу, деревянный стол без скатерти и ещё одну раскладушку, на которой спала её мама. Она спала на боку, а её левая рука свесилась с постели и едва не касалась пола, застланного двумя серыми в черную крапинку дорожками.

Сначала девочка ничего не слышала: в ушах её серебряными колокольчиками звенела предутренняя хрупкая тишина, но через минуту колокольчики отдалились, и стало слышно, как глубоко и мерно дышит мать, как четко отсчитывает секунды будильник и как чирикают на улице продрогшие от ночной сырости воробьи. Где-то далеко загремел трактор, потом мимо проехала грузовая машина, и от ее тяжести задребезжали оконные стекла.

Девочка знала, что матери вставать ещё рано, и старалась не разбудить её, не шевелилась, а внимательно следила, как светлеет в комнате, как сумрак заползает за телевизор, под раскладушки, под стол, как яснее обозначаются оттенки цветов

на потолке и трещинки на известковой побелке. За окнами всходило солнышко: на белом фоне появились два розовых пятна, они становились все ярче и ярче, обрисовывая на стене сеткой тюлевую занавеску и верхушки замершей в безветрии сирени. Обычно на ночь мама открывала створку, так было прохладнее, поэтому девочка приподнялась, отпахнула штору, чтобы посмотреть на восходящее красное солнце, и вдруг вскрикнула так громко, что сразу же разбудила мать.

Та в тот же миг села на раскладушке, руками убрала с лица волосы, а ногами никак не могла попасть в шлепанцы, и вид у нее был испуганный и жалкий.

– Ты чего, доченька, ты чего? – спрашивала мать и облизывала обметанные жаром губы.

– Мама, мамочка! – закричала, услышав её голос, девочка. – Мамочка, иди сюда. Посмотри!

Женщина, так и не нашарив шлепанцев, вскочила в страшном волнении, подбежала к дочери и замерла около неё, обессиленная пережитым в эти минуты страхом, пораженная увиденным, прижав к левой стороне груди обе руки. На подоконнике лежали два целлофановых пакета, перевязанные алыми, голубыми, зелеными лентами, и капельки росы сверкали на них, словно сказочные бриллианты. Девочка возбужденно вцепилась в подоконник, не смела взять пакеты, лишь смотрела на них да повторяла одно и то же:

– Мамочка! Мамочка! Это они! Это они! Это они!

– Кто они? – наконец-то опомнилась мать. – Кто они, доченька?

– Мамочка! – повернулась к ней дочка, и глаза ее, наполненные прозрачной влагой, цвели, как летние незабудки. – Это они приходили! Это добрые волшебники, мама!

Мать какое-то время молчала, стояла неподвижно, затем под пристальным ожидающим взглядом дочери взяла один из пакетов, развязала ленты – их сразу же схватила девочка, сняла со свертка целлофан, развернула хрустящую оберточную бумагу, и в руках у нее оказалась тоненькая стройная кукла в коротеньком платьице из прозрачного капрона. Девочка так и просияла, осторожно взяла куклу у матери и, захлебнувшись радостью, ничего не могла сказать, только всхлипывала, не то плача, не то смеясь, да прижимала к себе игрушку. Мать вскрыла второй пакет и вынула оттуда нарядное платье с двумя кармашками, по которым навстречу друг другу шли цветные вышитые котята. А к платью булавкой была приколота открытка с розами. Девочка увидела и котят, и розы и почему-то шепотом попросила:

– Мамочка, прочитай!

– «Дорогая маленькая девочка, – читала ей мать. – Поздравляю тебя с днем рождения. Желаю тебе в этот радостный летний день большого-большого счастья. Пусть сбудутся все твои мечты, пусть исполнятся все твои желания. Через несколько дней тебя вызовут в больницу, и наш чудесный доктор вылечит твои ножки. Ты будешь бегать, как и другие девочки, будешь танцевать, как настоящая балерина. Я приходил, чтобы сказать тебе об этом, но ты уже спала, а я не решился тебя разбудить. Оставляю подарки к твоему дню рождения и ухожу. Всего самого прекрасного тебе и твоей замечательной маме. До следующей встречи! Твой добрый волшебник».

Девочка с приоткрытым ртом слушала маму, положив на колени подаренные платье и куклу. А у её матери вдруг задрожали губы, она закрыла ладонями лицо и заплакала. Девочка потянула мать за локоть, чтобы успокоить, но и у самой по щекам тоже потекли крупные слезы.

– Мама, милая! Ну, что же ты плачешь? – спрашивала сквозь всхлипывания дочка.

– Не знаю, доченька. Не хочу плакать, а слезы сами текут. От радости, солнышко ты мое.

– И я ... от радости, я же тебе говорила. Вот и... пришел к нам добрый волшебник.

– Да, доченька, да, хорошая ты моя. Это приходил очень добрый волшебник. Жаль только, что мы с тобой в то время спали, – говорила, глядя её по головке, мать, а сама думала о незнакомом дяденьке, о котором вчера ей рассказывала дочь, и обе не могли сдержать слез, невольно катившихся из глаз в это солнечное и счастливое раннее утро.

ДЕТИ ЖДАЛИ МАМУ

Солнце круто скатывалось за далекий гребнистый лес и двумя снопами лучей, густо перевитых мерцающими пылинками, освещало давно не беленные стены квадратной комнаты. На кровати скомканные подушки и ватное одеяло без пододеяльника, стол с невытой после еды посудой и бутылкой из-под дешевого плодово-ягодного вина. Внутри бутылки взбиралась вверх одуревшая от алкоголя муха, влезала почти до половины пути, но падала на дно, шевеля лапками, и после ее попыток на стенках бутылки оставались прерывистые дорожки, с которыми многократно увеличенная тень посуды паутинисто отпечатывалась во всю дверь, расположенную против окон. Около двери в простенке стоял настезь распахнутый шифоньер с немудреной одеждой, рядом находился вытертый диван, а в переднем углу покрытая вылинявшей салфеткой тумбочка, на которой что-то непонятное хрипел динамик.

С трудом можно было поверить, что в этой неказистой, неудобной да и совсем вроде бы заброшенной комнате с её убогой обстановкой могут обитать люди, если бы не двое ребятшек, играющих на выкрашенном темно-коричневой краской полу.

Лет шести девочка, у которой распушились тоненькие косички и до трусиков заголились худые ноги, шустро ползала на четвереньках вокруг неприбранного стола, а на ее спине сидел плотно сбитый карапуз и помахивал, словно саблей, обломком палки. Мальчик то и дело сползал со спины и поэтому цепко хватался за платье своей сестренки, отчего та останавливалась, поворачивала к нему своё веснушчатое лицо и косила синими глазенками.

– Да не тяни ты меня за ворот-то! Тянешь-тянешь, лихотит даже.

– Севелись! – покрикивал на строптивую «лошадку» трехлетний конник и рубил саблей воздух, завихривая пылинки.

Девочка встряхивала головой, взбрыкивала, будто хотела сбросить седока, и опять начинала стучать коленками от стола до порога, потом обратно.

На крутом повороте лихой наездник не удержался, упал, но поднялся, догнал девочку и лёг ей на спину животом. Его ноги в грязных колготках тащились по полу, колготки вытягивались, соскальзывали с ног и тянулись по доскам, неестественно удлиняя его тело.

Наконец «лошадка» уморилась и растянулась на полу, загнанно дыша.

– Фу! Тяжелый же ты, Андрюшка! Прямо центнер какой-то, – сказала девочка, вытирая о платье испачканные ладошки.

– Давай иссо! – попросил мальчик, так и лёжа поперек девочки.

– Слезь, – начала подниматься та. – Видишь, я вся вспотетая. Даже нос мокрый. Давай лучше в машину играть.

– А в лошадку?

– В лошадку я наигралась. И на лошадках сейчас не ездют. Только дед Пахом воду возит. А ездют на машинах. Давай в машину. У нас будут «жигули». Ну, будто мы их купили понарошку.

– «Жигули»? – переспросил мальчик.

– Ага. Как у дяди Пети. Красная-красная. Он меня один раз катал, – тараторила девочка, составляя друг за другом зеленые, видимо недавно покрашенные, стулья. – Быстро-быстро. Знаешь, так всё мелькает: столбы мелькают, дома. Даже голова кружится. Ну, вот, – посадила она мальчика на «сиденье». – Поехали!

Девочка уселась сзади, а мальчик обеими руками выставил вперед палку, надулся и зафырчал, подражая работающему мотору.

– Фр-фр! – разносилось по комнате. – Би-бип! Я тебя в голод повезу, Кать.

– Вези, – согласилась девочка. – В городе дома большие-большие. И мороженки продают. Стой, стой! – закричала она. – Огурцы-то да редиску забыла. Я, как тетка Дарья, на базар поеду. Городских облапошивать. Денег наторгую целый гомоник. Мороженку тебе за подвоз куплю.

– Две.

– И две можно. Деньги-то куда нам девать?

Девочка спрыгнула со стула и начала поводить руками, будто она и впрямь собирала выдуманные овощи в невидимые корзины.

– Быстлей! – поторопил мальчик. – Голючего мало.

– Подожди-и, – нараспев проговорила девочка, даже голосом подражая тетке Дарье. – Погодь, касатик! Я сейчас управлюсь.

– Би-бип! – прозвучал предупреждающий сигнал. – Би-бип!

– Бегу, бегу, сокол ясный, – отозвалась девочка, взбираясь на стул. – Вот и, слава Богу, успела я. Упарилась, как торопилась.

– Фр-фр! – покатила в город машина.

Девочка обмахивалась рукой, а мальчик рулил палкой, двигал ногой, нажимая воображаемые педали, и его щеки от натуги наливались морковным соком.

– Тормози! – вдруг приказала девочка. – А то и базар проскочишь. Или в аварию попадешь. Ишь, лихач нашелся.

Мальчик обернулся к ней, перестал фырчать, но палки не опустил. Девочка протягивала руки в обе стороны – это она продавала огурцы и редиску. Потом отошла к шифоньеру и попросила:

– Дай-ка нам, красавица, пять мороженок. Да самых сладких. Только в стаканчиках, а то Андрюшка у нас неряшливый, живо всю рубаху обкапает. Вот, – вернулась она к мальчику и протянула пустую руку, – тебе две мороженки, а мне три...

– Я тоже хочу тли, – набычился мальчик.

– Я постарше тебя, – сказала назидательно девочка. – Ты сам просил две мороженки, а теперь жадничаешь. Мал ещё указывать старшим.

– Я тогда иглать не буду, – раскапризничался Андрюшка, ушел к тумбочке и стал крутить у динамика ручку.

– «... посеяно два миллиона гектаров яровых!» – неожиданно, испугав детей, прокричал динамик. Андрюшка вздрогнул, отдернул руку, но диктор уже смолк, и динамик снова наполнился невнятным шумом.

– Не балуй! – заругалась на брата девочка. – То капризишься, то лезешь в каждую дырку. Вот нахлопаю.

– Я тебе нахлопаю, – посмотрел на неё исподлобья мальчик.

– А я буду играть в магазин, – поддразнила сестренка. – Счас газеток нарву. Это у меня будут деньги. – Она ловко свернула в трубочку обрывок газеты, разгладила его и разорвала на полоски.

Мальчик хмуро следил за нею и ковырял в носу.

– Так, – стала считать девочка и складывать на стул бумажки, – раз, два, три, восемь, двенадцать. О, сколько у меня денег! Даже больше, чем наша мамка получит. Миллион сто. Магазин, магазин, – запела она тоненько, нет-нет да и поглядывая на брата.

А он всё ближе да ближе подвигался к ней, но молчал, хоть и не сводил глаз с бумажных полосок.

– Лентов себе куплю, – заманивала его сестренка. – Игрушек. Много-много.

– А сахалу? – спросил мальчик.

– И сахару, и конфет шоколадных, и вафель, – пообещала девочка. – Полную сумку насыплю.

– А мне дас?

– Чего давать-то? Бери деньги да сам покупай, а я торговать буду.

Девочка подала мальчику нарванные бумажки, сама отбежала в угол и загордилась стулом, а братишка подошел к ней развальчиво, неторопливо.

– Чево вам продать, молодой человек? – кокетливо подбоченилась продавщица.

– Сахалу, – сказал мальчик. – И вина.

– Это ты чего ещё выдумал? – возмутилась девочка. – Тебе вино пить нельзя, ты не взрослый, как наша мамка. Вино пить будешь – заболеешь и умрешь. Ишь чего ему захотелось! На вот сахару да иди домой, пьяница несчастный. Я всё с мамкой пьяной вожусь да ещё с тобой возиться буду! От сахару-то польза, а от вина только голова болит.

– А валенья?

– Покупай и варенья. Мне, что ли, жалко? Плати денежки, и варенья дам.

Несмышленный покупатель послюнил палец и, выпитив губу, стал вытаскивать ещё одну бумажку, но так крепко зажал их в кулачке, что не смог вытащить, только оторвал половину.

– Ну, какой ты транжира! – воскликнула девочка. – Деньги рвешь. Верно, калымщик какой-нибудь? На заработки к нам приехал, касатик?

– На залаботки, – согласился мальчик и уронил бумажки. Они покружились и упятали пол.

– Увалень ты, Андрюшка! – укорила его девочка. – Всё-то у тебя из рук валится: то стакан раскокаешь, то деньги рассыплешь. Правда мамка говорит – пахорукий ты у нас.

– Сама ты пахолукая, – буркнул мальчик, опустился на корточки и принялся подбирать бумажки, широко и неуклюже переставляя ноги.

– Я-то ловкая, – похвалилась девочка, помогая брату. – Меня даже Алла Федорова, заведующая детсадиком, хвалила. Я и по лесенке лучше всех лазию и бегаю, прямо как вылитая спортсменка. Всех девчонок обгоняю.

– А я сильный, – не уступал ей мальчик. – Я Кольку сболол.

– Какого Кольку?

– Кольку... в яслях...

– А-а, это Иванова-то? Они, Ивановы-то, все кусачие. Меня ихняя Нинка за палец укусила. А я ей как дала, как дала! Меня Вера Ивановна сразу в угол поставила. Хулиганка ты, говорит, вся в мать. Пусть и хулиганка, а Нинке Ивановой никогда не поддамся. Я мамке про это рассказала, а она говорит – правильно, бей их, толстомордых. Теперь, если ещё Нинка подойдет, я ей как поддам, чтобы никто не видел. Сразу заревет. На вот да не роняй, – протянула она брату подобранные бумажки.

– Не улоню, – пообещал тот, подтягивая сползшие колготки.

А пока дети так разговаривали, закатилось солнце. Сначала перекрещенные четырехугольники, высвеченные сквозь рамы солнцем, передвинулись к потолку, потом из белых превратились в желтые. Они постепенно бледнели, как бы впитывались в известку, но желтого цвета не меняли, хотя желтизна зари постепенно сменилась розовой краской. А розовая краска загустела, стала малиновой с фиолетовым отливом. Этот малиновый отсвет попал на свисавшую с потолка лампочку, и она вспыхнула маленьким игрушечным солнцем. Его первой увидела девочка – её глазенки расширились от удивления, она заулыбалась, так обрадовалась удивительному превращению лампочки. Перестал вертеться и мальчик, тоже поднял лицо, потянулся ручонками и требовательно попросил:

– Дай!

Но сестра его не услышала, она смотрела, набок наклонив голову, наморщив лоб, стояла задумчивая, сосредоточенная по-взрослому. Поэтому мальчик дернул её за платье и потребовал:

– Дай! Дай иглушку.

– Это не игрушка, – едва вырвалась из сказочного оцепенения Катя. – Это лампочка. Она у нас перегоретая. Вчера вечером перегорела, когда мамка ужинала и вино пила. Ты спал уже. А я видела. Лампочка как пыхнула, даже глазам больно стало. И погасла. Мамка ругалась, ух, была какая сердитая. Я под руку попала, так меня шлепнула. А потом говорит: «Да черт с ней! Я, говорит, завтра деньги получу, новую куплю».

– А где мамка?

– Мамка-то? Мамка-то на работе. А может, деньги получать ушла.

– Сколо она придет?

– Конечно, скоро. Может, она в магазине уже. Мне куклу купит. Такую всю кудрявую, – показала около своих волос девочка. – У неё щечки красные, платьице в горошках, а на ногах туфельки с бантиками. Мамка мне обещала, когда её в совет вызывали и она зареванная домой пришла. Говорит, ну его, это вино, к чертям собачьим! Я, говорит, тоже человек. Вот получу деньги, одену вас с Андрюшкой с иголки, тебе куклу самую лучшую куплю, Андрюшке машину. Сама оденусь...

– А сахалу? – перебил ее мальчик.

– Да что ты все сахару да сахару? Дался тебе сахар. Давай лучше в магазин играть.

– Я хочу сахалу, – снова заупрямился мальчик. – Пусть мамка сахалу купит.

– Да купит-купит! – успокоила его девочка. – Мамка нам всего накупит вкусно-вкусного-превкусного.

– Я исть хочу! – вдруг заявил мальчик, натолкнутый её словами на эту мысль.

– Ну вот, – растерянно и плаксиво протянула девочка, – ещё не чище! То сахару ему понадобилось, то исть. Чем я тебя кормить-то буду, когда мамки нет?

– Дай хлебца.

– Прямо привереда ты у нас, Андрюшка! – в сердцах прикрикнула девочка, но все же пошла на кухню и принесла оттуда верхнюю корку, отрезанную от магазинной булки. На корке виднелись следы зубов, видимо, сестренка и сама не утерпела, откусила разок-другой. А Андрюшка жадно схватил его и тоже вцепился в подгоревший кусок своими слитыми в плотный ряд зубами.

– Играть-то не будешь, что ли? – спросила с надеждой девочка.

– Не-а, – ответил мальчик с набитым ртом и присел, привалился спиной к круглой печке.

– Никогда-то с тобой путем не поиграешь, – рассердилась она, забралась на диван и стала молча смотреть в окно, за которым сгущался вечер.

В комнате становилось все сумрачнее и сумрачнее: сперва перестали различаться щели между половых досок, потом ножки стола и стульев, через некоторое время поблекли цветочки на ситцевом платье девочки, и, наконец, в комнату вползли сумерки, размазав очертания находившихся в ней предметов.

Мальчик у печки дожевал хлеб и полез на кровать, отчего та уныло скрипнула продавленной сеткой. Девочка обернулась на этот скрип и строго сказала:

– Сними колготки-то, а то все одеяло перевозишь.

Она подошла к мальчику, помогла ему снять одежду, потом разделась сама, и они улеглись рядышком под ватное одеяло.

– Вот горел бы свет, – мечтательно произнесла девочка, – мы бы с тобой в клетку поиграли.

Мальчик ей не ответил, зато динамик опять ожил и запел громко, тоскливо:

*– Поговори со мною, ма-а-ма,
О чем-нибудь поговори. До звезд...*

– и смолк, заставив тяжело и горько вздохнуть уже невидимую в темноте девочку.

– И радиво не поет, и мамки чего-то долго нету, – печально прошептала она.

– А где мамка? – зашевелился под одеялом Андрюшка.

– Да не дрягайся ты! – тоже зашевелилась девочка. – Я что ли знаю, где твоя мамка! Сказывала: «Деньги получу, куклу куплю и приду пораньше». А самой нет и нет.

– А сахалу купит?

– Ну чё ты ко мне привязался со своим сахаром? – почти собралась плакать девочка. – И так брюхо, как барабан, и всё-то ты голодный, всё голодный. Спи уж лучше, не выводи меня из терпения.

Дети долго молчали, ворочались на скрипучей кровати. Мальчик шумно зевнул и ногтями поскреб голову, почесалась и девочка, поправила подушку, притихла, но ненадолго, опять завозилась, потом спросила, не утерпев:

– Андрюш, ты спишь?

– Не-а, – ответил мальчик сонным голосом. – Я мамку зду.

– И я жду, – примирилась девочка. – Мамка-то у нас хорошая. Только денег ей редко дают на работе. Все-то на нас не хватает, все не хватает. А то бы она нам всего-превсего накупила. Игрушек всяких, кукол хорошеньких, ещё койку игрушечную купила бы да посуды игрушечной.

– А сахалу?

– И сахару бы тебе купила целый миллион килограмм. А со мной сёдня тетя одна разговаривала, – похвасталась девочка. – Красивая-красивая, с погонами, и значок

у неё красивый-красивый. Она меня все про мамку спрашивала да в детский дом звала. Это такой дом большущий, как в городе. Там ребятишки маленькие живут. А игрушек там сколько! Прямо везде игрушки: на полу, на столах, на стульях. Все игрушками завалено, даже больше, чем в садике. А кукулов, кукулов сколько-о! – радостно протянула она. – Прямо не знаю, сколько много. Все там есть. Это для таких ребятишек, у которых пап и мам нету. Только я с тётей не поехала. Я с мамкой хочу. Как она без меня-то будет? А игрушек нам и мамка купит. Вот придет да и принесёт мне куклу. А я с ней спать на диване лягу. Обниму её крепко-крепко. И завтра в садик со своей куклой пойду... Андрюш, а ты спишь уже? – тревожно приподнялась она.

Но Андрюшка не ответил: он и впрямь спал, дышал мерно, и в носу его что-то тихонько-тихонько булькало. Девочка разочарованно вздохнула, перевернулась на бок и тоже затихла... Разоспавшись, она неожиданно засмеялась, ее дыхание прервалось: наверное, она видела во сне столь желанную и недоступную ей куклу. Девочка засмеялась ещё раз, распрямила руку и коснулась ею мальчика. Он шевельнулся, раскинулся от тепла и сладко почмокал, так сладко, словно ел тающий во рту сахар.

...И далеко за полночь пришла неизвестно откуда их мать. Она слепо и долго шарашилась на крыльце, шарила по двери, не находя ручки. Нашла, рванула дверь на себя и чуть не опрокинулась от этого резкого движения. Выпрямилась, оперлась о косяк нетвердой рукой и несколько минут стояла, то подаваясь вперед, то откидываясь обратно, долго качала головой, как будто силилась вспомнить что-то очень важное и не могла преодолеть навязчивого дурмана.

Потом перешагнула через порог, притворила дверь и едва слышно сиплым, потерянным голосом позвала:

– Кать!

Её зов прошелестел в пустой кухне, словно лист сминаемой бумаги, прошелестел и замер без ответа в пустых стенах. Тогда мать обреченно шагнула вперед, но её обессиленные ноги подкосились, и она медленно, безвольно рухнула на пол. Она попыталась встать, но ей это не удалось, слабо приподняла голову, непонятно что пробормотала и успокоилась.

А за тонкой перегородкой спали её дети. Дочь свернулась калачиком, подтянув к подбородку испачканные коленки, а сын разметался поперек кровати. Они спали, и, может быть, им продолжали сниться игрушки и сладости, всегда такие желанные в детстве.

Кто знает!?

**К 80-ЛЕТИЮ
НАЧАЛА
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

СУХАНОВ
Сергей Петрович

Родился 27 октября 1955 года в городе Шадринске. После окончания средней школы № 10 в 1973 году поступил в Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. С 1977 по 2006 год проходил службу в Вооруженных силах. В 2006 году уволен в запас. Награжден 12 медалями и нагрудным знаком отличия командующего УрВО «За заслуги».

С 2006 и по настоящее время последовательно работал в Курганском ОС РОСТО (ДОСААФ), Куртамышском авиационно-техническом спортивном клубе, в Курганском городском совете ветеранов.

Член Союза журналистов России с 2009 года. Соавтор двух социально значимых проектов – «Увечковечим имена защитников Родины» и «Аллея Героев в Кургане быть!» – победителей конкурсов Фонда президентских грантов по развитию гражданского общества в 2018 и 2019 годах.

Автор и координатор работы по созданию в Курганской гимназии № 32 музея боевой славы, посвященного Мемориальному ансамблю воинов-курганцев, погибших в годы Великой Отечественной войны. Редактор и составитель буклета «Герои ратного подвига». По его сценарию создан документальный фильм «В наших сердцах они бессмертны». Приказом министра обороны РФ № 796 от 15.10.2020 г. «За высокие достижения в области развития военной истории, гуманитарного знания и реализацию важных общественных проектов историко-патриотической направленности» награжден медалью «Памяти Героев Отечества».

«МЫ РВАЛИСЬ НА ФРОНТ!... МЫ БЫЛИ РОМАНТИКАМИ...»

(о героях – выпускниках
Сталинградского
военного танкового училища)

Где бы мы, русские люди, ни жили, в каком бы положении мы ни находились, нас никогда и нигде не покидают мысли о нашей Родине, о России. Это естественно и неизбежно. Думы о родной земле, о ее прошлом, настоящем и будущем не могут и не должны нас покидать. Они есть проявление нашей живой любви к Родине и нашей веры в нее.

Эта любовь и вера не раз спасали Россию во все ее исторические времена. Так было и в XX веке, в годы самой страшной и кровопролитной войны – Великой Отечественной. Победу в ней над фашистской Германией и ее сателлитами одержал советский народ, а Красная Армия героически разгромила врага и водрузила Знамя Победы над поверженным рейхстагом в Берлине. Феномен войны заключался в общенародном подвиге. Поэтому и победили.

Наша зауральская земля в годы войны отправила на борьбу с врагом своих лучших сыновей и дочерей. Из более 220 тысяч мобилизованных граждан и добровольцев на фронтах войны погиб каждый второй. Наши земляки воевали на всех фронтах, во всех родах войск. Защищали родную землю, изгнали врагов с ее западной стороны, освободили Европу от фашистского ига. В борьбе с немецко-фашистскими войсками они показали образцы мужества и отваги, стойкости и героизма. В тылу – на заводах и фабриках, в полях, совхозах и колхозах – старики, женщины и дети самоотверженно трудились на производстве, отправляя на передовую вооружение и боеприпасы, продовольствие и необходимое имущество. «Всё для фронта! Всё для Победы!» Так работали тогда! Трудились – ударно!

В истории о вкладе Курганской области в общую Победу 45-го есть много интересных

фактов. Среди них – подготовка военных кадров для действующей армии. Она проводилась в Зауралье в годы военного лихолетья, в том числе и в эвакуированном в Курган Сталинградском военном танковом училище.

Большая убыль командного состава на фронте на начальном этапе Великой Отечественной войны, формирование новых частей и подразделений потребовали увеличить выпуск командных кадров в учебных заведениях автобронетанковых войск для Рабоче-крестьянской Красной армии. Поэтому дополнительно к уже имевшимся в июле 1941 года началось формирование ещё пяти военных училищ: Куйбышевского, Сталинградского, 2-го Харьковского и Челябинского танковых, 2-го Горьковского автомобильно-мотоциклетного.

Сталинградское военное танковое училище сформировалось 12 августа 1941 года. В июле 1942 года, расколов танковым тараном Юго-Западный фронт, 6-я армия фон Паулюса и 4-я танковая армия фон Готта заняли Миллерово, Кантемировку, Боковскую, Морозовский. Началась оборона Сталинграда, которая стала символом мужества и несокрушимости советских людей.

В дальнейшем военная обстановка потребовала переместить училище подальше от города. В одну из ночей училище, погрузившись в эшелоны, переправилось через Волгу. Огромные паромы приняли на специально проложенные рельсы тяжелые «пультманы» с курсантами, танками, оборудованием училища. В небе металась лучи прожекторов. Это был один из первых налетов противника на Сталинград. Выгрузившись на маленькой станции, проехав более десятка километров по жарко дышащей степи, курсанты установили брезентовые палатки, поставили «гриб» для часового. Это место было у озера Эльтон. Учебные батальоны располагались возле небольшой речки, а рядышком была деревушка Харьковка. В начале сентября две роты, готовые к выпуску, уехали на сталинградский завод, на практику. Там же, на заводе, получив приказ о присвоении званий, они остались защищать город Сталина. Вскоре, в том же сентябре, было принято решение передислоцировать училище в глубокий тыл, за Урал. Эшелоны шли больше двух недель. И вот конечная остановка – Курган.

Вот что писала в своих воспоминаниях единственная девушка-танкист Ирина Левченко, которая прошла обучение в училище и на фронте воевала в танковой части. *«Наконец прибыли на место. Небольшой уральский городок, которому в будущем суждено было стать и областным и красивым, осе-*

Герой Советского Союза
подполковник
ЛЕВЧЕНКО Ирина Николаевна

**Бывший
Троицкий собор,
где была столовая
танкового училища**

ню сорок второго года показался нам унылым, невзрачным и грязноватым. Покосившиеся дома, немощные улочки, кроме двух центральных с разбитой булыжной мостовой, скользкой от расплывающейся грязи, хмурая река под обрывом и дощатый кинотеатр с громким названием «Прогресс» – это все, что составило наши первые впечатления о городе, где нам предстояло несколько месяцев жить и учиться. Не способствовал подъему настроения и встретивший нас хлесткий холодный осенний дождь. Промокнув, что называется, до нитки, мы немного приуныли, но, добравшись до училища, сразу повеселели». Ей, как девушке, командование сделало исключение, разрешило жить вне казармы. Известно, что все месяцы учебы она прожила на квартире у Татьяны Иннокентьевны Шамаковой, сторожа городской детской библиотеки.

Личный состав училища разместили в нескольких деревянных бараках, переоборудованных местными комсомольцами под казармы. Учебные классы со стендами, двигателями и пушками были оборудованы в старых каменных амбарах. А столовая находилась в помещениях бывшего Троицкого собора на улице Куйбышева. Начальником училища приказом НКО был назначен опытный танкист полковник Сериков Михаил Георгиевич.

**Начальник училища
полковник
СЕРИКОВ Михаил Георгиевич
(19.06.1942 – ноябрь 1946)**

Он был профессиональным военным с давних лет. Прапорщик Русской императорской армии, участник I-й Мировой войны, Гражданской войны, с 1918 года на службе комсостава в Красной Армии. На Великой Отечественной войне полковник Сериков с сентября 1941 года в должности заместителя командира 24-й танковой бригады 43-й армии Западного фронта. В конце октября был ранен осколками мины в руку и ногу и эвакуирован в госпиталь в Новосибирск. Имея богатый опыт организации учебного процесса, а он в предвоенные годы был преподавателем тактики в Ленинградской школе танковых техников, Московской школе танковых техников и Киевском танко-техническом училище, он быстро наладил в Кургане работу перебазируемого Сталинградского военного танкового училища. В ноябре 1943 года ему было присвоено высокое воинское звание генерал-майора танковых войск.

Программа подготовки военных кадров в училище была рассчитана на разные сроки, в зависимости от обстановки на фронте. По приказам высшего командования это было и 8, и 6 месяцев. Однако некоторые группы курсантов выпускались досрочно, через четыре месяца. Обстановка на фронте требовала новых пополнений. Подготовка танкистов-курсантов организовывалась таким образом, что они с первых дней учебы после общего ознакомления с устройством материальной части машин приступали к практическому выполнению обязанностей по специальности. В результате примерно к середине срока обучения они приобретали необходимые навыки. Это было крайне важно на случай досрочного выпуска их из училища.

Кто обучался в то время в танковых училищах?

*Приказ об укомплектовании танковых училищ Красной Армии
№ 0832 от 17 октября 1942 года.*

В целях обеспечения танковых войск физически крепкими, смелыми, решительными, имеющими боевой опыт командными кадрами, приказываю:

1. С 1 ноября 1942 года курсантский состав танковых училищ комплектовать рядовым и младшим начсоставом действующей армии из числа показавших в боях смелость, мужество и отвагу.

2. Для кандидатов в танковые училища общеобразовательный уровень установить не ниже 7 классов средней школы, допуская лишь исключение для младшего командного состава, награжденного за боевые отличия орденами и медалями Советского Союза.

3. Отбор кандидатов в училище во фронтах производить комиссиями из представителей Главного автобронетанкового управления Красной Армии.

Ответственность за выдвижение кандидатов в танковые училища возложить на начальника Главного автобронетанкового управления Красной Армии.

4. Для комплектования танковых училищ указанным выше контингентом ежемесячно к 15 числу отбирать из действующей армии 5000 человек по прилагаемому расчету.

Народный комиссар обороны СССР И. СТАЛИН.

Училища, предназначенные для подготовки командных и технических кадров, имели задачей подготовить и воспитать офицера танковых войск Красной Армии, преданного делу ленинской партии и социалистической Родине, дисциплиниро-

ванного, стойкого, мужественного, инициативного, знающего свое дело, умеющего выполнять свои обязанности и вести в бой своих подчиненных.

Курсанты занимались по двенадцать часов в сутки. Ежедневно было восемь часов плановых занятий и четыре часа самостоятельной подготовки под руководством командиров учебных подразделений. В первый год на новом месте отдельные занятия проходили на улице, а там был крепкий зауральский мороз. Согревались на строевой и физической подготовке, в старании и мечтах помочь стране в тяжелую годину. В учебных классах тоже было прохладно, температура едва поднималась выше нуля. И в казармах было тесновато, и учебников не всегда хватало. В столовой о лишнем котелке картошки будущие танкисты порой мечтали как о лучшем недосыгаемом блюде, а сигарку из самосада курили на троих. Занятия по тактике, топографии, огневому делу, изучению материальной части танка и освоению танкового дела вели опытные преподаватели. Изучали танки Т-37, Т-28, Т-26, БТ-7, БТ-5 и Т-34. Строевое мастерство оттачивали возле обрывистого берега Тобола. Под дружный топот замерзающих ног курсанты бойко пели:

*«...Бронетанковая школа комсостав стране кует,
Танки в бой вести готовы за трудящийся народ»...*

На танкодроме отрабатывали вождение боевых машин. По планам учебной программы на полигоне выполнялись боевые стрельбы. Восьмикилометровый путь до него курсанты проходили на лыжах, попутно преподаватели отрабатывали с ними еще одну тактическую задачу. Жили в землянках, отапливая их «буржуйками». Все с нетерпением ждали завершения обучения и последний ответственный этап – государственные экзамены. Вождение танка принимали на танкодроме, тактику и теоретическую часть в учебных классах. И наконец в большом зале клуба состоялся первый выпуск командиров-танкистов на курганской земле. Начальник штаба зачитал приказ начальника училища, затем вручили новоиспеченным лейтенантам погоны и предписания на убытие в танковые части.

Справка: Приказом НКО СССР № 068 от 26 января 1942 года все танковые училища переходили на штаты военного времени и реорганизовывались. Теперь каждое из них готовило только на один тип танка. Для подразделений Т-34 кадры готовило шесть училищ средних танков: 1 и 2-е Харьковское, Сталинградское, Ульяновское, Саратовское и Орловское. По штату № 017/302 каждое из них готовило 2000 курсантов и 200 человек резерва офицерского состава. Срок обучения устанавливался в 8 месяцев.

Особенностью учебных программ было то, что они предусматривали подготовку курсантов только по военным дисциплинам. Основное внимание обращалось на тактическую, огневую и техническую подготовку. Возраст для поступления в училище был установлен от 18 до 35 лет. Такая система комплектования военных училищ действовала на протяжении всех лет до конца Великой Отечественной войны.

В мае 1943 года срок обучения курсантов во всех военных училищах, готовивших офицеров для танковых войск, был установлен один год. Были пересмотрены и учебные программы, которые предусматривали уже два периода обучения. В первый период (8 месяцев) готовился командир танка и командир танкового взвода.

Во втором периоде (4 месяца) шло совершенствование знаний командира танка и танкового взвода. Качество подготовки офицеров-танкистов значительно возросло.

В сентябре 1943 года в училище на должность заместителя начальника после излечения в госпитале прибыл профессиональный танкист подполковник Дриленок Сергей Филиппович. Имея богатый боевой опыт с первого дня войны, овладев тактикой танкового боя с фашистскими захватчиками, он передавал свои навыки курсантам. В то же время, как и многие в те годы, он считал свое место на фронте. И добился направления в действующую армию. В последний год войны он командовал 16-й гвардейской танковой бригадой. Участвовал в Млавско-Эльбингской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях. За мужество и отвагу, проявленные в боях, был награжден двумя орденами Красного Знамени, тремя орденами Отечественной войны I степени и орденом Красной Звезды.

Училище, рожденное в суровые дни войны, пройдя через трудности первых месяцев формирования, выработало свои учебно-боевые традиции в Кургане. Они были едиными для всех – и в армии, и в тылу: работать как можно лучше даже тогда, когда добились хороших показателей.

Курсанты первых курсов обучения на марше бойко пели свой гимн:

*«Эй, сталинградцы! Ни шагу назад!
Слышишь ли нас, наш родной Сталинград?..
Учимся крепко, готовы мы в бой.
Мы неразрывно с тобой»...*

Училище почти два года готовило и направляло на фронт подготовленных командиров-танкистов. Первые выпускники пришли на фронт после победной Сталинградской битвы. Они фактически отметились мужеством и героизмом на всех фронтах Великой Отечественной и дошли до Берлина. Опытные командиры, преподаватели и наставники-политруки тщательно готовили их к борьбе с врагом, не упуская даже мелочей. Вот как описывала курсантские будни курсант Левченко, это показательно на все времена:

«Очень хороший был у нас комбат. Куда бы ни шли курсанты, всегда впереди подполковник Завьялов, сухонький и такой маленький, что даже самый низкорослый курсант, стоя перед ним, невольно втягивал голову в плечи, чтобы не говорить с начальством «свысока». Подполковник был добродушнейший по натуре человек. Зная за собой эту «слабость», он почти не позволял себе улыбаться и ходил всегда несколько напряженно, с нарочито хмурым выражением лица. Искренне комбат сердился тогда, когда видел, как курсанты, согнувшись от холода, поднимали воротники шинелей.

– Французы! – раздраженно кричал он. – Так французы, согнувшись в три погибели, от Москвы отступали!

И немедленно опускались воротники, выпрямлялись спины, расправлялись плечи. Вовсе не из боязни перед строгим командиром, а из большого, настоящего уважения к маленькому подполковнику, И еще: просто стыдно становилось молодым, здоровым парням при виде стойко переносящего мороз пожилого человека, его бравой фигурки, перетянутой ремнями».

Армия и общество были едины во все времена. А в годы войны – тем более. Трудно было всем. Поэтому командование училища оказывало городу различного

рода необходимую помощь. Личный состав курсантских подразделений направляли на различные сельскохозяйственные работы и на промышленные предприятия. Опытные преподавательские кадры участвовали в проведении всеобщего воинского обучения городского населения, а училищная мастерская производила запасные части к тракторам при подготовке к весенне-полевым работам.

Конечно, было и много трудностей. Училище перебазировалось на неподготовленную территорию. Военного городка вообще не было. А учебная база была очень слабой. Местные предприятия и хозяйства поддерживали учебное заведение, оказывали материальную помощь, в том числе обеспечивали обмундированием, помогали в ремонте учебных классов. Происходило это в основном за счет местных ресурсов. Но всех потребностей, конечно, местное руководство просто не могло удовлетворить. Для организации учебного процесса были нужны новое вооружение, боеприпасы, техника и, что очень немаловажно, обслуживающий персонал. С последним вообще было крайне тяжело, потому что все трудоспособное население города работало на оборонных предприятиях. Там в том числе ковался меч Победы. Сложно было и с жилищным фондом для комсостава училища. В Кургане его практически и не было. Начиная с лета и осени 1941 года имеющийся жилфонд был весь отдан инженерам, специалистам и рабочим эвакуированных с западных областей страны заводов, фабрик, других предприятий и учреждений. Похожие проблемы были и в других военно-учебных заведениях, перебазированных в Зауралье: Московском Краснознаменном военно-политическом училище имени В.И. Ленина, Тамбовском Краснознаменном кавалерийском училище имени 1-й Конной армии, Лугинской военной школе авиамехаников, которые находились тогда в городе Шадринске.

В феврале 1943 года добавились новые проблемные вопросы – была образована Курганская область из состава Челябинской и Омской областей. Это потребовало в Кургане с «нуля» создавать областные структуры, привлекать в Зауралье новые управленческие кадры, для чего также требовалось жилье и помещения для новых учреждений, коих было немало. Но время было военное, все как-то уживались, работая на главное – на Победу.

После знаменитой Курской битвы, которая окончательно определила победный вектор Страны Советов, Красная Армия победоносно освободила большую часть родной земли. Фронт уходил на запад. Именно в тот период и решилась дальнейшая судьба Сталинградского военного танкового училища. В июле 1944 года оно из Кургана было передислоцировано в Харьков на Украину. Там оно и продолжило работать, готовить новые кадры для танковых войск.

Архивные документы Великой Отечественной войны свидетельствуют о том, что выпускники Сталинградского танкового училища героически, мужественно и с отвагой сражались на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Об этом говорят факты. Золотыми буквами в историю училища вписаны имена тридцати танкистов, которым было присвоено высшее звание отличия – Герой Советского Союза. Из них двадцать получивших это звание – выпускники училища в годы обучения в городе Кургане. Еще один курганский выпускник стал Героем России уже в период новейшей российской истории. Среди Героев – и одна женщина, Левченко И.Н. Кстати, в годы Великой Отечественной войны в Красной Армии служило всего только лишь 12 женщин-танкистов.

В книге российского общественного деятеля и писателя Артема Дробкина «Я дрался на Т-34» ветераны войны делятся своими воспоминаниями о фронтовых

буднях. Один из них, А.С. Бурцев, сказал о женщинах так: «Женщины должны были быть там, на фронте. Они решали не менее важные задачи, чем мужики. Сколько у нас в танковой бригаде женщин, которые спасли жизнь не одному человеку, а может быть, десяткам и сотням?! Мужик так бы не смог». А Ирина Левченко с первых дней на фронте была. К маю 1942 года она, 18-летний санинструктор, вынесла с поля боя и оказала первую медицинскую помощь 168 раненым солдатам и офицерам. В боях была тяжело ранена в правую руку, да так, что ее комиссовали по здоровью. Но она добилась своего, и ей в качестве исключения вышестоящее командование разрешило учиться в Сталинградском военном танковом училище, которое она окончила в Кургане в феврале 1943 года. Будучи сначала командиром танка, затем командиром группы легких танков Т-60, офицером связи 41-й гвардейской танковой бригады 7-го механизированного корпуса, участвовала в освобождении Карпат, Румынии, Болгарии, Венгрии. Победу встретила под Берлином. Была награждена тремя орденами Красной Звезды, медалями, наградным оружием. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1965 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом отвагу и мужество гвардии подполковнику танковых войск запаса Левченко И.Н было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Потрясающей стойкости человек! Мужественный и героический!

Удивительна судьба уроженца пермской земли танкиста-аса Брюхова Василия Павловича. В апреле 1943 года он окончил Сталинградское военное танковое училище в Кургане. После войны он вспоминал: *«Мы рвались на фронт! ... Мы были романтиками... Я, когда на фронт попал, сначала все играл в войну, ну а как в разведку боем ходил, только тогда перестал. Немецкие танкисты были подготовлены лучше, и с ними в бою встречаться было очень опасно. Было ли страшно? В танке мне было не страшно. Конечно, когда получаешь задачу, есть внутреннее напряжение.*

Знаешь, что пойдешь в атаку и можешь погибнуть. Увлекаешься боем – пошел, стрельба идет. Только когда болванка попадет или осколочный снаряд на броню шлепнется, тогда вспоминаешь, что по тебе тоже стре-

**Прославленный выпускник
Сталинградского танкового
училища,
танкист-ас, генерал-лейтенант,
Герой России
БРЮХОВ Василий Павлович**

ляют. Когда подобьют, выскочишь из горящего танка, тут немножко страшно. А в танке некогда бояться – ты занят делом».

Настоящее боевое крещение командир танка Т-34-76 лейтенант Брюхов получил жарким летом 43-го в боях на Курской дуге. В дальнейшем воевал на Центральном и 2-м Прибалтийском фронтах. Участвовал в освобождении Украины и Молдавии. В Яско-Кишиневской операции экипаж танка Т-34-85 под его командованием подбил девять немецких танков. Дальше были Венгрия и Румыния. За участие в этих боях и за проявленное при этом личное мужество и героизм командование представило командира танкового батальона капитана Брюхова В.П. 10 ноября 1944 года к званию Героя Советского Союза, которого он тогда не был удостоен. Всего у него личных фронтовых побед – 28 подбитых немецких танков (в немецкой танковой роте 14 средних танков и 5 легких, 144 человека личного состава), но и своих потерь девять. Победу встретил в Австрии.

Справка: Самым результативным асом танкового боя в годы войны считается выпускник Ульяновского танкового училища гвардии старший лейтенант Дмитрий Лавриненко. Всего за полгода он одержал 52 победы над немецкими танкистами. Погиб под Москвой. Герой Советского Союза (1990 год, посмертно). Выпускник Харьковского танкового училища капитан Владимир Бочковский, заместитель командира танкового батальона, одержал 36 побед, Герой Советского Союза. Майор Иван Корольков уничтожил 34 немецких танка, от механика-водителя танка КВ-1 до командира танкового полка, Герой Советского Союза. Старший лейтенант Михаил Кученков, командир взвода Су-85, прошёл всю войну, на его счету 32 немецких танка. Заместитель командира танкового батальона гвардии капитан Никита Дьяченко уничтожил 31 немецкий танк, став пятым по результативности танковым асом РККА.

После войны Брюхов В.П. продолжил кадровую службу в Вооружённых Силах СССР. Окончил Военную ордена Ленина академию бронетанковых и механизированных войск Красной Армии имени И. В. Сталина, Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, а затем и Военную академию Генерального штаба Вооружённых Сил СССР. Проходил службу в Группе советских войск в Германии, Одесском военном округе. С 1969 года по 1971 год он главный военный советник Верховного главнокомандующего – Президента Северного Йемена. Затем служба в Киевском и Дальневосточном военных округах. И завершение службы – в Главном управлении кадров Министерства обороны. В ноябре 1985 года уволился в запас. 44 года на службе Отечеству! А 16 декабря 1995 года Указом Президента Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945, годов генерал-лейтенанту в отставке Брюхову Василию Павловичу было присвоено звание Героя Российской Федерации. Заслуженная награда все-таки нашла своего героя.

Вспоминая жизненный путь нашего танкиста-героя, нужно сказать и о том, что после ранения и контузии в ноябре 1941 года, излечившись в госпитале, Василий был направлен на учёбу в Пермское авиационное техническое училище, но фронт потребовал танкистов. Вот так он и оказался в Кургане, в танковом училище. Судьба! Василий Павлович Брюхов скончался 25 августа 2015 года в Москве. Похоронен на Федеральном военном мемориальном кладбище в Мытищах. Звание Героя России,

одиннадцать орденов и более 50 медалей. Дстойный след оставил после себя геройский танкист. Его имя носит муниципальное общеобразовательное учреждение «Осинская средняя общеобразовательная школа № 1» в Пермском крае. Его именем гордятся земляки-пермяки.

Среди 21 фамилии Героев-танкистов – восемь Героев погибли в боях, не дожив до светлого Дня Победы. Они не увидели окончательного триумфа Красной Армии и нашей долгожданной Победы, не порадовались победному салюту, не вдохнули полной грудью теплый майский запах Победы. Они не вернулись домой, в родные края. Их не обняли родные материнские руки. Но память о них для нас – священна! Перечислю всех, кто пал смертью храбрых. Командир танковой роты старший лейтенант Афанасьев Яков Иванович, во время боёв в Польше получил тяжёлое ранение, от которого скончался 16 января 1945 года, ему было 25 лет. Командир танкового взвода гвардии лейтенант Кравченко Иван Хотович, погиб в уличном бою в Берлине 1 мая 1945 года, за 8 дней до Победы, ему было 23 года. Вы можете это представить себе – за 8 дней до Победы? Командир танкового взвода старший лейтенант Лавров Яков Иванович, погиб в бою 14 августа 1944 года, ему было 30 лет. Командир танка гвардии младший лейтенант Лянгасов Александр Павлович, погиб в бою 10 ноября 1943 года, ему было только 19 лет. Командир танкового взвода гвардии лейтенант Рязанцев Николай Дмитриевич, 10 января 1945 года пропал без вести под Будапештом, ему было 24 года. Командир танкового взвода гвардии лейтенант Хазипов Назип Хазипович, погиб в бою 25 марта 1945 года в Польше, ему был 21 год. Командир танка Т-34 гвардии младший лейтенант Хомяков Василий Сергеевич, погиб в бою 25 августа 1944 года в Румынии, ему было 19 лет. Командир танкового взвода гвардии младший лейтенант Шендриков Николай Степанович, погиб 29 апреля 1945 года в бою на Кайзер-аллее в Берлине, ему было 23 года.

Николай – уроженец Воронежской губернии. На войне с августа 1941 года. Училище в Кургане окончил в мае 1944 года. Воевал геройски. Его танк шесть раз был подбит, сам был ранен, его танк горел, и он обгорал, но после очередного излечения в госпитале возвращался в строй. Вот его последний ратный подвиг. Бессмертный подвиг!

Командир танкового взвода 1-го танкового батальона 53-й гвардейской танковой бригады гвардии младший лейтенант Шендриков совершил выдающийся подвиг в ходе Берлинской наступательной операции. В боях за взятие немецкого города Гольсен 20 апреля 1945 года уничтожил 2 тяжёлых танка, 3 артиллерийских орудия, 5 миномётов, 4 пулемётные точки с их расчётами, до 40 автомашин с боеприпасами и военными грузами, около 60 солдат. При взятии города Барут (южнее Берлина) в тот же день уничтожил 2 противотанковых орудия и 17 автомашин. При штурме Берлина 29 апреля 1945 года подавил танком до 30 немецких автомашин. В этот же день своим танком таранил и разрушил мощную вражескую баррикаду на Кайзер-аллее. При её прорыве уничтожил 3 врытых в землю тяжелых танка и около 50 солдат. Когда танк был подбит и загорелся, Шендриков направил боевую машину на вражеское орудие и раздавил его вместе с расчетом. Сам не смог выбраться из горящего танка и погиб в огне. Погиб за 10 дней до Победы.

Подвиг гвардии младшего лейтенанта Шендрикова – это запредельный героизм! Это наивысшее проявление самопожертвования во имя победы над врагом. Его подвиг по своему величию стоит в одном ряду с летчиком Гастелло, стрелком Матросовым, диверсанткой Космодемьянской, генералом-инженером Карбышевым.

Танкисты 17-й гвардейской танковой бригады 1-го гвардейского танкового корпуса. Слева направо: ст. сержант Борис Воронцов, механик-водитель танка; Алик – сын полка (фамилия неизвестна); мл. лейтенант Владимир Викторович Пономарев, командир танка Т-34-85; мл. лейтенант Геннадий Фатысов – друг Владимира по Курганскому танковому училищу, командир другой «тридцатьчетверки». 27 июня 1944 года. Белоруссия. Слоним

За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 года гвардии младшему лейтенанту Шендрикову Николаю Степановичу было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Нынешней молодежи сейчас, по прошествии 75 лет после войны, конечно, чрезвычайно сложно и, наверное, даже невозможно понять состояние духа тех советских солдат и офицеров. Но ведь никогда не поздно прикоснуться к этой стойкости и мужеству, героизму и самопожертвованию. Прикоснуться и изумиться подвигам наших предков, отстоявших Родину от захватчиков. У Николая Шендрикова личных побед на поле боя – 14 немецких танков. А кроме них, сколько врагов он положил насмерть?!

Вы только представьте себе, какие лучшие кадры, какой лучший генофонд страна потеряла в годы войны. Это были молодые люди, которые могли создать семьи и воспитать здоровых детей. Они могли трудиться на пользу родным местам и краям. Страна потеряла в результате этого центристремительное развитие в своем эволюционном движении вперед. Да, процесс в Нюрнберге осудил фашизм и его руководителей. Но после этого в Европе спустя годы вырос неонацизм. Идеи бесноватого фюрера снова насаждаются его последователями уже в новом веке – XXI. Они хотят реванша, победного. И после этого «просвещенная Европа» смеет нас учить политической толерантности? Она должна просто молчать, потому что вся Европа усеяна костями русских солдат.

Известно, что Красная Армия потеряла 11 944 100 личного состава. А вот цифры совсем другого характера. Потери мирного населения СССР в годы войны

Командир танковой роты 65-й танковой бригады старший лейтенант Н. Смирнов зачитывает личному составу роты первомайский приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина на одной из улиц Берлина. Май 1945 года

составили – 13 684 448, из них: в тяжелых условиях оккупационного режима – 4 100 000, на принудительных работах в Германии – 2 164 313, преднамеренно истреблены – 7 420 135. Вдумайтесь в эти страшные слова – «преднамеренно истреблены». Считайте, что все более 13,5 миллиона наших граждан так и были уничтожены. Ведь по плану Ost фашисты планировали полное уничтожение славянского населения в Советском Союзе, как расово неполноценного. Это нужно им было, чтобы расчистить жизненное пространство для нацистской Германии. Часть своего плана они осуществили. Сегодня Запад об этом «скромно» молчит. Так что выводы делайте сами.

Дороги войны... На них, в полях, в сельских и районных населенных пунктах, на улицах городов стояли сгоревшие, подбитые танки, как бессмертные вехи войны, и могилы погибших, тех, чья жизнь оборвалась на пути к Победе. Даже в горящих танках наши воины-танкисты шли на таран вражеских танков, давили гусеницами пушки, пулеметные позиции, бронемашину. Комбат Брюхов впоследствии с горечью вспоминал: *«В батальоне было тридцать три машины, а под Орлом у меня их осталось всего четыре. Я как-то подсчитал, что у нас в батальоне за всю войну в одной и той же роте погибло восемнадцать ротных командиров. Примерно столько же командиров батальона. Потому что ротный командир воюет до последнего танка в роте, командир батальона – пока два-три танка не останется»*. Кровавые будни сражений стерли все иллюзии, оказавшись совершенно не такими, как это рисовалось молодым безусым мальчишкам. Дороги войны давались им ценой огромных усилий и жертв. Смерть товарищей, ранения, грязь и усталость стали частью боевой работы, которую так охарактеризовал

комбат: *«Только молодые это могли выдержать. Поэтому я и говорю – войну выиграла молодежь».*

Говорят, герои не умирают. Это правда! Память о них живет вечно в сердцах наших людей. Их имена отлиты в гранитных мемориалах, о них сказано в стихах и книгах, спеты песни и частушки. А в День Победы они словно оживают в шествии портретов поколения победителей в народном движении Бессмертного полка. Наши герои-танкисты увековечены в Год Памяти и Славы на Аллее Героев в курганском парке Победы. 16 сентября 2020 года эта аллея была торжественно открыта Курганским городским советом ветеранов с участием ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов боевых действий и военной службы, ветеранской общности, учащейся молодежи. На ней увековечены 62 героя, в том числе фамилии 21 героя – выпускника Сталинградского военного танкового училища. Боевую путевку на битву с врагом они получили в Кургане, в стенах танкового училища. И пусть их имена будут вечно жить в памяти народной, как частица курганского вклада за свободу и независимость страны.

Прошло почти 76 лет с того победного дня в мае 45-го. Считайте, целая жизнь человека. Мы, дети фронтовиков, родившиеся в конце 40-х и в 50-х годах прошлого века, хорошо помним то время, когда в каждом дворе были детские военные игры, и мы в них делились на «своих» и «немцев». А первыми немецкими фразами, которые мы в играх выучили, были «хенде хох» и «Гитлер капут». В моей 10-й шадринской школе директором был фронтовик Анатолий Иванович Первухин. Когда нас, мальчишек, удаляли с урока за шалости, он, проходя по коридору мимо нас, спрашивал: «Ну что? Удалили? Так, заходим ко мне в кабинет». И мы до звонка школьного стояли в кабинете директора, опустив головы, и слушали его спокойный, но порицательный голос. У меня сохранились отцовские награды военной поры, механика-водителя аэросанного батальона, курсанта Киевского танкового училища, механика водителя грозного танка ИС-2. Храню как семейную святыню. Это память! Поэтому День Победы 9 мая для меня самый праздничный и очень значимый день в году.

Сегодня самому «молодому» участнику войны, живущему в Кургане, – 95 лет. Что-то уже стерлось в памяти, что-то из событий прошлого слилось воедино. Но даже спустя столько лет они, ветераны, до сих пор помнят, как шли к Победе день за днем, ночью за ночь, шаг за шагом, сменяя времена года. Помнят, несмотря на прожитые годы, на свое нынешнее здоровье и память. Они говорят – было трудно, очень трудно, порою до отчаяния тяжело. Мы оставляли на своем пути города и села, своих погибших боевых товарищей, наших граждан, советских людей, на захваченной врагом территории. Пройдя через поражения и окружения, отступления и потери западной части страны, через победу в битве под Москвой, разгром немцев в Сталинградской и Курской битвах, наша Красная Армия через 1418 дней и ночей войны водрузила знамя Победы над поверженным фашистским рейхстагом. Вспоминая этот день воинской славы, мы говорим: *«Да здравствует Победа советского народа в Великой Отечественной войне! Слава тебе, солдат-победитель! Полководцам – слава!»*

Героями Советского Союза стали 1032 танкиста, от рядового до Главного Маршала Бронетанковых войск (Ротмистров Павел Алексеевич). Дважды Героями Советского Союза стали 17 танкистов, от капитана до гвардии генерал-полковника (Катуков Михаил Ефимович).

Слава воинам-танкистам!

Слава Героям – выпускникам Сталинградского военного танкового училища!

22 июня граждане России в День памяти и скорби придут на мемориалы и кладбища, к обелискам и памятникам, чтобы почтить память о защитниках Родины, вставших 80 лет назад на защиту своей страны от немецко-фашистских захватчиков. Юные россияне возложат гвоздики к одному из самых мощных символов Победы – Вечному огню. И это будет дань уважения воинским заслугам старшего поколения, поколения победителей, проявление сопричастности к совершенным ратным делам на полях сражений.

«Никто не забыт. Ничто не забыто», – утверждаем мы, обращаясь к нашему прошлому, которое помогает нам строить нынешний день и мечтать о завтрашнем времени. Горит Вечный огонь у мемориалов. Горит днем и ночью. Горит в жару и в стужу. Горит и будет гореть вечно. И вечна любовь к защитникам Родины в наших сердцах.

Каждое новое поколение зауральцев, вступая в жизнь, будет спрашивать: «А какими они были, эти герои?» Из зауральской летописи они будут знать: это были их соотечественники, совершившие подвиги, необычные по своей храбрости, доблести и самоотверженности. Одним словом – Герои!

ГАВРИЛОВ
Дмитрий Васильевич

Родился 17 февраля 1927 года в деревне Озеро Дуванского района Башкирской АССР в крестьянской семье. Окончил Красноуфимское педучилище, служил в армии. С 1947 по 1961 год работал учителем истории, завучем, директором школы в селах Русская Тавра, Сажино и Свердловское, преподавателем истории в средних школах Ревды Свердловской области. С 1961 года преподавал в педагогических институтах Шадринска, Липецка, Ульяновска.

Прошел путь от старшего научного сотрудника до главного научного сотрудника Института истории и археологии Уральского отделения Академии наук России. Доктор исторических наук, профессор.

Опубликовал 597 научных работ, в том числе 12 индивидуальных и коллективных монографий.

Подготовил 10 кандидатов и 1 доктора наук.

Награжден многими государственными и общественными наградами, в том числе екатеринбургской премией имени В. Н. Татищева и В. И. де Геннина в 1999 году за работу в составе авторского коллектива книги «Екатеринбург: исторические очерки. 1723–1998».

ОБОЛГАННЫЙ МАРШАЛ

После окончания Великой Отечественной войны в перечне выдающихся генералов и маршалов Победы неизменно звучало имя Филиппа Ивановича Голикова. Но в 1980–1990-х гг., в период горбачёвской «перестройки» и «гласности», фамилия и портреты Ф. И. Голикова исчезли со страниц печатных изданий. Его фамилия перестала упоминаться в исторических работах и была предана забвению. Более того, на Голикова, к тому времени уже покинувшего наш мир, обрушился ливень лживых, подлых, несправедливых обвинений.

К сожалению, фальсификация российской истории в наши дни под лозунгами «свободы слова» (и безнаказанной, наглой лжи) приобрела такие масштабы, что оказалась в центре политической и идеологической жизни общества. Особенно яростным атакам до сих пор подвергается история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Предпринимаются попытки принизить значимость Победы советского народа над фашизмом, дискредитировать участников войны. Понятно, что не с благородными целями, а именно с подобными негативными намерениями и были возведены несправедливые, клеветнические обвинения на Маршала Советского Союза Ф.И. Голикова. И не только на него.

Филипп Иванович Голиков родился 16 (29) июля 1900 года в семье сельского фельдшера в деревне Борисово, ныне – Катайский район Курганской области. Успешно окончил семь классов (восьмилетней) гимназии в г. Камышловле. Окончить её помешала начавшаяся Гражданская война.

Материал предоставлен Ивановым Геннадием Александровичем, членом Союза журналистов России, дипломантом литературной премии им. Николая Кузнецова (2011). Автор нескольких книг по истории государственной безопасности.

Прошел путь от оперативного работника до начальника подразделения. Сейчас на пенсии. Активно участвует в общественной работе в составе городского совета ветеранов.

**Дом Филиппа Голикова
в селе Борисово
Катайского района**

Зачем-то даже безобидную, миролюбивую учёбу любознательного юного Голикова в гражданской

гимназии его бдительные недоброжелатели стараются очернить. Один из таких недоброжелателей своё мнение (конечно, анонимно) изложил в Интернете: «По мне он чистейший интриган, хитрован и карьерист, который добился головокружительных успехов и непонятно как. Учился на земскую стипендию, кстати. И вовсе не потому, что был такой блестящий ученик» [28].

А вот из воспоминаний Нины Александровны Павловой, выпускницы Камышловской средней школы 1968 г., складывается реальная картина: «Запомнился сентябрь шестьдесят седьмого года событием... Мы встречались с нашим земляком. Запомнился рассказ Филиппа Ивановича об учёбе в гимназии. Оказывается, он должен был получать по всем предметам только пятёрки. Иначе ему, сыну бедного фельдшера, не стали бы платить стипендию, и со второго года обучения гимназисту пришлось давать частные уроки. Но это не мешало Филиппу много читать, заниматься вместе с друзьями в литературно-философском кружке (*так вот где истоки его прекрасного, образного, яркого языка! – авт.*), изучать иностранный язык... (*В будущем эти знания ему очень пригодились на дипломатическом поприще! – авт.*)» [35].

После окончания гимназии 18-летним юношей Филипп Иванович был принят в партию большевиков. С развёртыванием масштабной Гражданской войны летом 1918 г. добровольцем вступил в Красную Армию.

28 мая 1918 г. он записал в своем дневнике: «Чувствую, что надвигаются тревожные события. Против Советской власти восстали чехословацкие legionеры. Ими захвачен Челябинск. Белые отряды двигаются на Екатеринбург и Шадринск. Идут бои под Омском. Оттуда – угроза Тюмени. Камышлову не миновать участия в борьбе. Уком усилил вербовку добровольцев. Я решил твердо: иду в Красную Армию, буду защищать рабоче-крестьянскую власть и драться за мировую революцию...» [10]. Отказавшись от предложенной ему «карьеры» писаря, он пошел в строй рядовым пулеметчиком.

Комиссар полка Павел Мамонтович Тарских вспоминал: «...Полк находился под заводом Реж. Белые угрожали ударом по нашим подразделениям, находящимся на станции Егоршино. 8-я рота полка получила задание навязать противнику бой, предотвратить удар, дать возможность перегруппировать красные части. В роте был один пулемет, один пулеметчик Филипп Голиков. Трое суток под свинцовым дождем он держал и сковывал белогвардейские части. В этом бою проявилась способность Голикова воевать не числом, а умением».

Ему, как одному из лучших бойцов полка, было доверено принимать Красное Знамя ВЦИК, которым полк был награжден за боевую доблесть [27, стр.688].

У знамени полка «Красные орлы».
Слева направо: знаменщик Я. Е. Овсянников,
ассистенты Ф. И. Голиков, А. Л. Мясников.
Кушва, Восточный фронт. 27 октября 1918 г.

«...26 октября состоялось торжественное вручение Знамени. Командир нашего полка товарищ Ослоповский вызвал рабочего-добровольца Яшу Овсянникова, меня, Сашу Мясникова, алапаевского комсомольца. Когда я узнал, что вместе с Яковом и Сашей буду принимать Знамя, то от радости не находил себе места. Вот бы увидел отец!» [10].

В составе 1-го Крестьянского Коммунистического полка «Красных орлов» и 10-го Московского стрелкового полка Особой бригады

3-й армии Голиков храбро сражался на Восточном фронте – на Урале и в Сибири. Вскоре проявил себя как хороший политработник. 21 января 1919 года он был откомандирован из полка на двухмесячные курсы агитаторов в Петроград. Запись в его дневнике: «13 марта. Питер бурлит – в городе Ильич! Вчера во дворце Урицкого он выступал с большим докладом на заседании Петросовета. Сегодня группа курсантов, среди которых был и я, присутствовала на митинге в Народном доме. Сотни рабочих, красноармейцев, матросов в переполненном зале слушали товарища Ленина!» [10].

С августа 1919 года он – инструктор-организатор политотдела 51-й стрелковой дивизии [10].

Неизменны в его аттестациях высокие оценки: «Производит впечатление очень способного работника» (1924 г.), «Работник очень энергичный, находчивый и инициативный... Много работает над собой» (1927 г.) [38, № 25]. «Хороший, активный партиец, – отмечалось в аттестации на начальника агитпропотдела Ф.И. Голикова в 1925 г. – Не является узким политпросветчиком. В работе быстро растёт. Хороший администратор и организатор. За последнее время начал тяготиться агитпропроботой, стремится ближе в часть» [35].

После окончания Гражданской войны Голиков – на командной и партийно-политической работе в Красной Армии. С 1927 года он более 10 лет служил в Приволжском военном округе, в 1929-м окончил Курсы усовершенствования высшего начсостава, получив характеристику: «За время пребывания на курсах ярко выявил свое увлечение военным делом... Голиков несомненно обнаруживал более склонности к командной деятельности, чем к штабной» [38, № 25].

С ноября 1930 г. – военный комиссар, начальник политотдела и командир 95-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии.

В ноябре 1931 года, после окончания экстерном военной школы, сбылась мечта Филиппа Ивановича: по собственному желанию он был переведён на командную работу – командир 95-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии.

«Будучи очень способным командиром с большим кругозором, с пытливым и не допускающим шаблона умом, с твердым и решительным характером, – отмечалось в аттестации 1932 года, – т. Голиков, несмотря на большие трудности, сумел

**Командир 95-го стрелкового полка
32-й стрелковой дивизии Ф.И. Голиков.
Лагерь Татищево под Саратовом. 1933 г.**

стать грамотным командиром полка и вывести свой полк на первое место в ПриВО. Отличный стрелок, хороший физкультурник» [1, с. 644].

В 1933 г. Филипп Иванович заочно окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе *(вот вам и еще одно военное образование, вопреки недоброжелателям, высказывающих сомнение в его профессиональном мастерстве – авт.)*.

По окончании академии в 1933 г. получил под свое начало стрелковую дивизию, в 1936 г. – танковую бригаду, в 1937 г. – механизированный корпус.

Быстрое восхождение Филиппа Ивановича по служебной лестнице в 1930-х годах – это не продвижение вверх ловкого проныры-карьериста, «непонятно как добившегося головокружительных успехов», а обычный для того времени путь честного и добросовестного военного работника, успешно осваивавшего военное дело.

В начале 1938 г. Ф.И. Голикова направляют в Бело-русский военный округ в качестве члена Военного совета, где он провёл немалую работу по восстановлению дисциплины и управляемости воинскими частями, расшатанных в период массовых репрессий. Вскоре по службе ему довелось встретиться с самолюбивым, амбициозным, вскоре выдвинувшимся очень далеко вверх Г.К. Жуковым, впоследствии ставшим Маршалом Победы. Г.К. Жуков, тогда комдив, командир кавалерийской дивизии, выдвигался на должность командира кавалерийского корпуса.

Неизвестный автор в статье «Забытые имена: Маршал Советского Союза Филипп Голиков» утверждает: «Голиков вместе с Мехлисом немало крови попил у Жукова, когда на кону стояло назначение Жукова командиром 3-го кавалерийского корпуса». По-видимому, поняв, что хватил лишнего, он сообщает, что якобы «Жуков не стал сводить счёты со своим бывшим экзекутором» [23].

В действительности всё было не так.

Комдиву Г.К. Жукову, выдвигавшемуся на должность командира кавалерийского корпуса, пришлось оправдываться перед парторганизацией и членом Военного Совета «за грубость с подчинёнными и недооценку роли и значения политработников». Правы ли были тогда парторганизация и Голиков, предъявлявшие такие обвинения будущему «великому полководцу»? Характерно, что 20 лет спустя на октябрьском пленуме ЦК КПСС (1957 г.) Жукову были выставлены, среди прочих, такие же претензии!

Жуков был рекомендован на должность командира кавалерийского корпуса, но запомнил «нанесённые ему обиды». Поднявшись на высокие должности, он, если представлялась возможность, мстил Голикову. Позднее, уже находясь в отставке, в письме Н.С. Хрущёву и А.И. Микояну от 27 февраля 1964 г. он написал:

«В 1937–1938 годах меня пытались ошельмовать и приклеить ярлык врага народа. И, как мне было известно, особенно в этом отношении старались бывший член Военного совета Белорусского военного округа Ф.И. Голиков...» [21, с. 496].

Однако в 1938 г. Голиков и партсобрание «не пытались ошельмовать и приклеить Жукову ярлык врага народа», а, наоборот, поддержали выдвижение его на более высокую должность, дав ему возможность продолжать военную карьеру и указав на недостатки в службе.

В сентябре 1938 г. самого Ф.И. Голикова, никогда не участвовавшего ни в каких заговорах и партийных оппозициях, уволили из армии.

Дочь Ф.И. Голикова Нина вспоминает: «После увольнения папу готовились арестовать по какому-то нелепому обвинению. Все документы и бумаги были уже готовы, необходимые подписи собраны. Последнее слово оставалось за наркомом обороны Климентом Ворошиловым. Когда ему принесли на утверждение санкцию на арест Филиппа Голикова, Климент Ефремович отказался ставить свою подпись» [16].

А вскоре его снова призвали и назначили на высокую должность. С ноября 1938 г. Ф.И. Голиков – в Киевском военном округе, командующий Винницкой армейской группой, затем – 6-й армией, с которой в сентябре 1939-го совершил поход по освобождению Западной Украины. «Крепкий большевик..., – аттестовал его в 1940 г. командующий войсками КОВО. – Требовательный к себе и подчиненным, решительный, инициативный. Обладает большой силой воли и энергией. В оперативно-тактическом отношении подготовлен хорошо...» [38].

4 июля 1940 г. Ф.И. Голикову было присвоено звание генерал-лейтенант, он был назначен заместителем начальника Генерального штаба РККА и начальником Главного разведывательного управления (ГРУ ГШ РККА). По поводу своего нового назначения Голиков писал: «Летом 1940-го я был назначен начальником центрального органа военной разведки – Разведывательного управления Наркомата обороны. Произошло это в июле месяце, едва ли не в день моего сорокалетия. Полученный из Москвы приказ был столь же категоричным, сколь неожиданным для меня. О новом назначении со мной никто не беседовал, но приказ был получен и, вполне понятно, беспрекословно выполнен». [7, с. 96 - 97].

Спроси себя, читатель: могли бы назначить руководителем, по нынешнему рангу – начальником Внешней разведки, человека, которому бы не доверяли *безусловно и абсолютно*?

Ф.И. Голиков впервые оказался не просто в центральном аппарате Народного комиссариата обороны, а в весьма специфическом его подразделении, служба в котором должна была предусматривать либо наличие специальной подготовки, либо опыт работы в разведке. Ни того, ни другого у Голикова не было. Но это не смутило тех, кто назначил его руководить Главным разведывательным управлением Генштаба Красной Армии (ГРУ), твёрдо веривших в талантливость Ф.И. Голикова и его преданность родному государству.

Ф.И. Голиков пришел к руководству ГРУ в очень трудное время. В органы военной разведки было призвано много новых сотрудников, большинство из которых не имели соответствующей подготовки. Из-за репрессий и бегства за границу нескольких сотрудников-предателей возможности большинства добывающих резидентур по выполнению заданий командования были серьезно ограничены [7, с. 97].

Ф.И. Голиков твёрдой рукой стал наводить порядок во вверенном ему учреждении, срочно восстанавливать связи и агентурную сеть за рубежом. Сведения, полученные

от действовавших за границей разведчиков, нередко добытые ими с колоссальным риском для жизни, скрупулезно анализировались в ГРУ. Тщательно отсортированная, многократно проверенная информация регулярно докладывалась советско-партийному и военному руководству страны. Начальник ГРУ раз в 7–10 дней представлял спецсообщения 9–13 адресатам, среди которых обязательно были И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, А.А. Жданов, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, С.М. Тимошенко, Г.К. Жуков, Н.Г. Кузнецов [30, с. 109; 31, с. 118, 119].

Вспомним – кем был Голиков всего 22 года назад!?

Г. К. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» писал, что, «став 1 февраля 1941-го начальником Генерального штаба, ни разу не был информирован о разведывательных данных. Генеральному штабу о дне нападения немецких войск стало известно от перебежчика лишь 21 июня 1941 года» [20, с. 378]. Жуков утверждал: «Наша агентурная разведка, которой перед войной руководил Голиков, работала плохо ... не сумела вскрыть истинных намерений гитлеровского верховного командования ... не сумела опровергнуть лживую версию Гитлера о ненамерении воевать с Советским Союзом» [21, с. 518].

Г.К. Жуков откровенно лгал.

В 1991 г. в беседе с корреспондентом С. Кудряшовым доктор исторических наук Н.Г. Павленко привёл удививший его «поразительный пример»: «Жуков уверял меня, что он ничего не знал о плане «Барбаросса» накануне войны, что он и в глаза не видел донесения разведки. На следующий раз я приехал к Жукову и привёз те самые сообщения разведки о плане войны с СССР, на которых чёрным по белому стояли их – Жукова, Тимошенко, Берии и Абакумова – подписи. Трудно передать его изумление. Он был просто шокирован» [5, с. 90].

Почему Г.К. Жуков так яростно обвинял Ф.И. Голикова и военную разведку в качестве главных виновников тяжёлых поражений советских войск в начале Великой Отечественной войны? Совершенно ясно: для того, чтобы отвести от себя обвинения за свои ошибки и проступки, приведшие к этим поражениям.

В мемуарах Жукова так было и в дальнейшем: если речь идет о просчетах, упущениях, провалах, Жуков употребляет обороты типа «Генштаб упустил возможность», «Генштаб был обязан учесть», «в Генштабе не смогли правильно оценить обстановку», «начальник управления Голиков докладывал Сталину неверную обстановку» [20, с. 311].

Тут же вопрос: а Голиков где работал и получал зарплату? Отвечаем: Голиков Филипп Иванович – заместитель начальника Генерального штаба РККА – начальник Главного разведывательного управления РККА и непосредственный подчиненный Жукова. Но виноват всегда Голиков, который «докладывал Сталину то, что тот хотел услышать». А интересно, как на самом деле ее докладывал? Генерал Жуков в оценке донесений не участвовал? И что же Жуков в это время делал, когда заместитель, к примеру, врет и докладывает Сталину всякую ерунду? Так почему же не ходатайствовал о его замене?

Ф. И. Голиков, возглавляя ГРУ, не мог скрывать или искажать данные разведки. Он был опытным военачальником и человеком твёрдых убеждений. Вряд ли он не понимал, что просчёт в этом случае будет иметь роковые последствия.

Кроме того, внешнеполитической разведкой занимались также внешняя разведка НКВД-НКГБ СССР, которую накануне войны возглавил тоже зауралец Павел Михайлович Фитин (уроженец Шатровского района), а также разведка Погранвойск,

которые свои данные докладывали (минуя Голикова) непосредственно высшему военно-политическому руководству страны. За период с июля 1940-го по июнь 1941 г. внешняя разведка НКВД-НКГБ СССР представила руководству страны свыше 120 таких сообщений [31, с. 132].

20 марта 1941 г. Филипп Иванович представил обстоятельный доклад о военных приготовлениях Германии к нападению на СССР, предполагаемом сроке нападения, называя возможные варианты боевых действий германской армии. Вывод Голикова гласил: «Слухи о неизбежности **весной** этого года войны против СССР необходимо расценивать как дезинформацию, исходившую от германской и англо-американской, особенно английской разведки». [26].

Доклад был представлен за 3 месяца до начала войны, когда масштабная концентрация немецких войск у советской границы только начиналась. На этот документ всегда ссылался Жуков, оправдываясь от обвинений в неприведении советских войск в боевую готовность перед нападением Германии на СССР. Сейчас на этот доклад ополчаются либеральные историки в качестве доказательства вины Голикова, что он якобы вводил в заблуждение советское руководство.

Но ведь выводы Ф.И. Голикова были правильными. Нападение Германии на СССР произошло не весной, а летом 1941 г. Германская разведка с целью замаскировать свои военные приготовления действительно вела широкую пропагандистскую дезинформацию. Очень усердно в её распространении действовала английская разведка, стремившаяся подтолкнуть СССР к войне с Германией.

В апреле-июне 1941 г. Голиков сообщал о продолжавшемся всё в больших масштабах сосредоточении у советской западной границы фашистских войск, количестве стянутых к ней фашистских дивизий, их боевом составе и численности, местах их дислокации, уже конкретно называя срок нападения на СССР – 22 июня 1941 г. (эту дату указывали около 15 надёжных европейских источников). С июля 1940-го по июнь 1941 г. ГРУ ГШ РККА направило военно-политическому руководству страны 95 (только рассекреченных) сообщений о сосредоточении фашистских войск и подготовке их к нападению на СССР [9, с. 34].

Примечательно, что воспоминания Голикова «Записки начальника Разведупра» о работе в Разведупре **при жизни маршала** напечатаны не были, хотя Филипп Иванович начал серьезную подготовку к работе над книгой. В письме от 2 февраля 1965 года на имя первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева он изложил свои соображения по разработке и изданию открытой книги о советской военной разведке, подробный проект плана книги с разбивкой по главам, с краткой аннотацией каждой главы. ЦК КПСС его предложение отклонил под предлогом «отсутствия необходимости в подготовке подобного издания».

О захвате немцами Минска 28 июня 1941 г. правительство узнало не от начальника Генштаба Георгия Жукова, а из передач европейских радиостанций. И.В. Сталин вспикел от негодования. Правительство вынуждено было принять решительные меры. 19 июля 1941 г. Семен Константинович Тимошенко был снят с должности наркома обороны и послан командовать Западным фронтом. Георгий Константинович Жуков 29 июля был освобождён от обязанностей начальника Генерального штаба. Жукова ждала суровая расправа, но Вячеславу Молотову и Анастасу Микояну удалось уговорить Сталина и членов Государственного комитета обороны назначить его командующим резервным фронтом и тем самым спасти будущего Маршала Победы. [3, с.159 - 160].

Либеральные историки и журналисты, некоторые военачальники-мемуаристы приложили немало труда, чтобы обвинить Ф.И. Голикова в том, что якобы за неудачи советских войск в начале Великой Отечественной войны он был срочно снят с поста начальника Разведывательного управления Генштаба и в качестве наказания был отправлен с дипломатической миссией в Англию и США.

На самом деле, как свидетельствуют исторические документы, Ф.И. Голиков, **оставаясь в прежней должности**, 6 июля 1941 года по прямому поручению И.В. Сталина был направлен в Великобританию и США во главе дипломатической миссии с важным, ответственным государственным заданием – установления взаимодействия с правительствами и военными деятелями этих стран.

Возглавил миссию, вопреки обычной практике, не дипломат, не политик, а опытный военный, знакомый с международной обстановкой, работой заграничной агентуры, надёжный, пользующийся полным доверием правительства – генерал-лейтенант Голиков. Именно опыт Голикова как руководителя военной разведки сыграл здесь главную роль.

И в этом смысле назначение руководителем военной миссии именно его оказалось оправданным. Скорее всего, Сталин в наведении первых мостов с союзниками рассчитывал больше на прямоту и волевым напором старого солдата, нежели на тонкое знание этикета и традиционную уклончивость профессиональных дипломатов. И в самом деле, генерал Голиков, не подменяя Майского в Лондоне и Уманского в Вашингтоне, существенно дополнял их.

Благодаря стараниям Филиппа Ивановича в августе 1941 года, уже через два месяца, был подписан с Америкой договор о ленд-лизе, и в тяжелейшее время Советский Союз получил в помощь тысячи танков и пушек, миллионы тонн стали и взрывчатки [38].

Кроме официальной, у Ф. И. Голикова была и нелегальная миссия.

С возникновением военных действий связь ГРУ ГШ РККА с зарубежными резидентурами была нарушена. С захватом немецкими войсками Минска, где находились радиостанция «Север» и приёмный центр ГРУ, контакты с резидентами за границей оборвались. Необходимо было срочно развернуть приёмный центр и ретранслятор в советском посольстве в Лондоне, организовать новые каналы связи с агентурой, действовавшей в Западной Европе [31, с. 92, 93].

В роли главы военной миссии Голиков проработал около трёх месяцев (июль–сентябрь 1941 г.), главным образом в США. В этой должности он мог бы всю войну отсидеться в тылу. Ах нет! Находясь за границей, Филипп Иванович внимательно следил за ходом

Лондон. Июль 1941 года.
Советская военная делегация,
генерал-лейтенант
Ф.И. Голиков в центре с послом
И.М. Майским

боевых действий на фронтах, горячо переживал за неудачи советских войск в первые недели войны, буквально рвался на фронт, стал настойчиво ходатайствовать о своём возвращении на Родину и посылке его на фронт, направил И.В. Сталину, В.М. Молотову, Б.М. Шапошникову телеграмму с просьбой отозвать его: «Не могу находиться в теперешнем положении и состоянии, – писал он. – Это не работа. В том, что сейчас здесь приходится выполнять, вполне обойдутся без меня, и я для этого уже не нужен...» [38, № 25].

После возвращения в Советский Союз в начале октября 1941 г. Ф.И. Голиков принял участие в Московском совещании представителей Англии, США и СССР о поставках вооружения и стратегических материалов для Советского Союза [11, с. 82 - 118].

24 октября 1941 г. Ф.И. Голиков был назначен командующим 10-й резервной армией. Собственно армии ещё не существовало, её надо было сформировать и подготовить к боям. Предполагалось, что на формирование и боевую подготовку войск армии будет отведено 2–3 месяца, однако плановыми учениями пришлось заниматься только 15 суток. Положение на фронте с каждым днём ухудшалось, ожесточённые сражения шли уже на подступах к Москве. Доукомплектование, довооружение, обеспечение войск тёплым обмундированием велись уже в ходе выдвижения их к фронту. В армии не было тяжёлой артиллерии, танков, не хватало пулемётов и миномётов, было мало автомобилей, тылы в основном были укомплектованы гужевым транспортом. Из сорока двух командиров полков формируемой армии мало кто имел опыт командования. Лишь единицы окончили военные академии. Большинство же – обычные курсы усовершенствования старшего начальствующего состава.

6 декабря 1941 года вместе с другими войсками Западного фронта 10-я армия пошла в контрнаступление на левом фланге Западного фронта. Пройдя с боями по бездорожью, через снежные заносы около 450 км, преодолев несколько рубежей обороны противника, она освободила от немецко-фашистских захватчиков 10 городов, около сотни деревень.

До конца своих дней Филипп Иванович гордился званием почетного гражданина первого из освобождённых его армией городов – г. Михайлова Рязанской области. 10-я армия захватила большие трофеи: 57 танков, 31 самолёт, 300 орудий, 200 миномётов, 500 пулемётов, 2500 автомашин и тракторов, большое количество различного оружия и боеприпасов.

О высоком патриотическом духе наступавшей 10-й армии свидетельствовал посетивший её в те дни, в лютой мороз и буран, корреспондент «Красной звезды» писатель Константин Симонов, увидевший на пройденном ею пути сожженные и полусожжённые города, зарево горящих деревень. Возле одного уцелевшего в сожжённой деревне дома он нашёл командующего армией генерала Голикова, «красного от мороза, в сбитой набок шапке и расстегнутом полушубке». Но настроение везде было бодрое: «Мы наступали, наконец-то наступали! Об этом говорили и оставляемые немцами пожарища и их валявшиеся повсюду машины. Это чувствовалось и в голосе генерала, и даже в той неразберихе, которая творилась кругом» [40].

В битве за Москву 10-я армия, руководимая Голиковым, сыграла важную роль, внесла большой вклад в срыв планов немецкого командования по молниеносному захвату столицы нашей Родины. В опубликованном в газете «Правда» срочном сообщении о разгроме немцев под Москвой были напечатаны портреты генералов, командующих армиями, принимавших участие в битве за Москву. Все они были

награждены орденами и медалями. Среди них был и генерал-лейтенант Ф.И. Голиков. О героических победах 10-й армии в битве за Москву с восхищением пишут все историки и писатели, освещавшие это сражение.

11 февраля 1942 г. вместо отправленного в госпиталь А. И. Ерёмко командующим 4-й ударной армией Калининского фронта был назначен Ф. И. Голиков. Сильно ослабленная в боях, не получавшая подкреплений, оторванная от баз снабжения армия вынуждена была прекратить наступление. Голикову пришлось заняться отражением контрударов, укреплением на достигнутых рубежах [19, с. 451, 455-456, 475].

К весне 1942 г. активные боевые действия на всех фронтах прекратились. 2 апреля Ф.И. Голиков был назначен командующим войсками Брянского фронта (в составе шести армий и танкового корпуса). Войска фронта ещё не восстановили силы после потерь, понесённых в зимних и весенних боях 1941–1942 гг., не успели как следует закрепиться на новых рубежах, как им снова пришлось вступить в ожесточённые бои лета 1942 г.

Для улучшения управления войсками, более надёжного прикрытия воронежского направления 7 июля Брянский фронт был разделён на два фронта – Брянский и Воронежский. Командующим войсками Воронежского фронта был назначен Ф.И. Голиков, Брянского – К.К. Рокоссовский, отлично проявивший себя, командуя 16-й армией в битве за Москву [14].

В августе-октябре 1942 г. центр военных действий на советско-германском фронте переместился к Сталинграду. Советское командование стало стягивать на сталинградское направление воинские части и лучших командиров.

2 августа Ф.И. Голикова назначили командующим 1-й гвардейской армией, сформированной из воздушно-десантных дивизий, располагавшихся под Москвой, которые перебрасывались в район Сталинграда. В начале августа он прибыл в Сталинград, но армия не была ещё сформирована, входившие в неё дивизии по мере прибытия сразу бросались в бой. 9 августа Сталинградский фронт был разделён на два фронта: Сталинградский и Юго-Восточный, командовать одновременно обоими фронтами было поручено генерал-полковнику А.И. Ерёмко, заместителем командующего по Юго-Восточному фронту назначили Голикова. Командующим Донского фронта был назначен генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский.

Началась героическая оборона Сталинграда, который непрерывно подвергался бомбёжкам, артиллерийским обстрелам. Но сломить мужество и героизм защитников города, столкнуть советские войска в Волгу, захватить полностью город немцам не удалось [13, с. 55 - 64].

Ф.И. Голиков, командный пункт которого сначала находился в городе, а затем был перенесён за Волгу, фактически оказался в роли командующего Юго-Восточным фронтом. Защитники города очень высоко оценивали деятельность Филиппа Ивановича в Сталинграде в самые тяжёлые дни его обороны. Маршал Советского Союза В.И. Чуйков вспоминал: «Голиков не любил отсиживаться в штабах, постоянно находился в войсках... Я был очень рад встретиться с ним на Мамаевом кургане в часы моего вступления в командование 62-й армией. Мы с ним часто виделись на поле боя. Непрестанно разъезжая по фронту, он отлично знал положение во всех армиях, всегда здраво смотрел на обстановку и откровенно высказывал свое мнение о ходе боев и всего сражения». [45, с. 109].

Такие слова заслуженного полководца дорогого стоят!

«Те, кто защищал Сталинград, – вспоминал генерал армии А.И. Родимцев, – помнят Филиппа Ивановича, всегда предельно собранного, выдержанного, вселившего в воинов уверенность в победе. Он никогда не уклонялся от опасности, часто бывал на переднем крае в боевых порядках войск, давал полезные советы по организации боя, оказывал всемерную помощь в материальном обеспечении войск. Много сил и труда Филипп Иванович вложил в организацию переброски через Волгу пополнений, эвакуации из Сталинграда раненых солдат, офицеров, гражданского населения» [37, с. 45].

Находясь на Сталинградском фронте, Ф.И. Голиков несколько раз под огнём противника переплывал через Волгу с левого на правый берег, где, уцепившись на высоком берегу, на узкой полосе земли держала оборону 62-я армия В.И. Чуйкова, сражались 13-я гвардейская дивизия А.И. Родимцева и другие части. Что значила тогда переправа в Сталинград через Волгу, непрерывно днём и ночью простреливаемую немцами из всех видов оружия, можно представить по словам Ф. И. Чуйкова, который говорил, что было легче три раза сходить на суше в атаку, чем один раз переправиться к ним через Волгу. Частые выезды Голикова на передовые позиции были не пиаром, а повседневным военным делом.

Высокую оценку деятельности Ф. И. Голикова в Сталинградской битве дал генерал А.И. Ерёмко: «Ф.И. Голиков проделал значительную работу в дни своего пребывания в Сталинграде. Выполняя задачи по осуществлению приказов командования, бывая в войсках армий Юго-Восточного фронта и на вспомогательных пунктах управления в Сталинграде и у совхоза Горная Поляна, он проявил себя как крупный военачальник, обладающий большой энергией и организаторским талантом» [19, с. 124].

Лучше, пожалуй, и не скажешь.

Как можно после этого верить Никите Хрущеву, члену Военного совета Сталинградского фронта, который в своих воспоминаниях «Время. Люди. Власть», опубликованных в журнале «Огонек», № 34 за 1988 год, показал Голикова совершенно по-иному, как труса, паникера, «потерявшего голову», совершенно не умеющего руководить войсками и т.д.

Готовилась большая наступательная операция по разгрому Южной группировки немецко-фашистских войск. В сентябре 1943 г. была произведена реорганизация фронтов, действовавших под Сталинградом, произведена рокировка командующих фронтов. Ф. И. Голиков был послан снова командовать Воронежским фронтом.

19–20 ноября 1942 г. войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов перешли в контрнаступление, приведшее к разгрому и окружению в районе Сталинграда 330-тысячной группировки немецких войск, а затем к блокаде и уничтожению. Были разгромлены 50 немецких, румынских и итальянских дивизий. 2 февраля 1943 г. остатки окружённой в Сталинграде фашистской группировки во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом сдались в плен.

Разгром фашистских войск под Сталинградом положил начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны и всей Второй мировой войны. Стратегическая инициатива на советско-германском фронте прочно перешла к Советской Армии. Были созданы условия для перехода Советской Армии в общее контрнаступление на всём фронте от Баренцева до Чёрного моря.

В Сталинградской битве приняли участие войска левого крыла Воронежского фронта, которыми командовал Ф.И. Голиков.

После завершения Сталинградской битвы в начале 1943 г. большое наступление было проведено на Верхнем Дону, явившееся фактически продолжением сражения на Среднем Дону. Главная роль принадлежала Воронежскому фронту, которым командовал Ф.И. Голиков. Под его руководством были проведены две крупные наступательные операции: Острогожско-Россошанская и Воронежско-Касторненская [4; 44]. Наступательная операция тщательно готовилась. Ф.И. Голиков непрерывно посещал воинские части, требовал тщательно изучать состояние обороны противника, проверял ход подготовки к наступлению, организацию взаимодействия с артиллерией и танками, средства связи, требовал перед наступлением выявлять огневые точки противника, подавлять пулемётные гнёзда, наблюдательные и командные пункты. Лично рекогносцировал участки прорыва, уточнял и намечал исходные позиции для атаки, направление ударов.

В ходе этих двух операций на Верхнем Дону были разбиты основные силы фашистской группы армий «Б», разгромлены 26 фашистских дивизий, сильно потрепана 2-я немецкая армия, разгромлены и взяты в плен венгерская армия и итальянский корпус. Перестали существовать и исчезли с карты советско-германского фронта румынская, итальянская и венгерская армии, вторгшиеся в нашу страну вместе с гитлеровцами в 1941 г. В плен было взято более 100 тысяч солдат противника, причём это были здоровые, хорошо вооружённые, боеспособные солдаты вражеских армий.

После Сталинградской битвы операции на Верхнем Дону стали первыми, завершившимися окружением и ликвидацией крупных группировок противника. 19 января 1943 г. Ф. И. Голикову было присвоено воинское звание генерал-полковник. Он одним из первых был награждён орденом Суворова 1-й степени.

Развивая успех, войска Воронежского фронта 8 февраля 1943 г. заняли Курск и вышли на рубеж Севск–Рыльск–Краснополье, освободили 9 февраля Белгород, 17 февраля – Харьков и стали развивать наступление на Полтаву и Ахтырку. Соседний Юго-Западный фронт, которым командовал генерал Н.Ф. Ватутин, продвигался медленнее и не поспевал за Воронежским фронтом. [6, с. 6–7].

С обострением обстановки в районе Харькова членом Военного совета Воронежского фронта был назначен Н.С. Хрущёв. В штаб фронта прибыли А.М. Василевский, затем Г.К. Жуков. Однако приехавшие высокие представители не смогли повлиять на положение на фронте: 16 марта немецкие войска отбили Харьков, 18 марта – Белгород. Ставка (Василевский А.М., Жуков Г.К.) запоздало стала спешно выдвигать на белгородско-харьковское направление стратегические резервы, усилиями которых 20–21 марта наступление немцев было остановлено на рубеже 25–30 км севернее Белгорода.

Стали искать виновного в сдаче немцам Харькова – крупного административного и промышленного города Украины. В оставлении Харькова не менее Ф.И. Голикова, даже более его, были виноваты сами Генштаб, Ставка и её представители на Воронежском фронте. Но «козлом отпущения» был назначен Ф.И. Голиков. Даже Хрущёв, неблагосклонно относившийся к Голикову, не считал его виновным в оставлении Харькова. В своих воспоминаниях он писал, что отход войск Воронежского фронта был неизбежен: «Харьков удерживать нам было нечем... Мы отходили. Ну и что? Был ли там Козлов, был бы Петров, Иванов, всё равно бы мы отходили, потому что противник имел превосходство», считал, что при таком большом перевесе сил на стороне немцев сдержать наступление противника было невозможно [44, с. 137, 138]. Обвинения Голикову в сдаче Харькова никто и никогда не предъявлял. Тем не менее Ф.И. Голикову предрекали серьёзные наказания.

В сложившейся ситуации И.В. Сталин поступил очень мудро: не отдал Голикова на съедение его недоброжелателям. Он отозвал Голикова в Москву и назначил заместителем Народного комиссара обороны СССР по кадрам, начальником Главного управления кадров Народного комиссариата обороны СССР.

Ф.И. Голиков отзыв с фронта сильно переживал. В письме на имя Верховного Главнокомандующего он доказывал, что главное для него в настоящий момент – быть на фронте: «...Для меня вопрос о боевой работе на фронте является коренным вопросом всей моей военной работы, а также вопросом моей боевой чести. Стремление на фронт у меня неистребимо». [24].

Отзыв Голикова с фронта в Москву и назначение его на высокий руководящий пост в центральном аппарате РККА **невозможно признать наказанием**. Ничего странного не было в том, что видный военачальник, имевший большой опыт военно-политической работы, хорошо известный политическому руководству страны, надёжный в политическом отношении, был выдвинут на столь важный во время войны пост, имевший ключевое значение в деле строительства и укрепления Вооружённых Сил. На этой должности Ф.И. Голиков находился 7 лет, до 1950 года.

С военными кадрами не всё было благополучно. Уровень подготовки командного состава был недостаточным. Война показала, что многие генералы, назначенные командующими фронтами и армиями, теряли управление войсками, проваливали военные операции. Остро стоял вопрос об обеспечении войск военачальниками оперативно-стратегического уровня.

Ф.И. Голиков, возглавивший в 1943 г. Главное управление кадров Наркомата обороны СССР, успешно справился со своими обязанностями, сыграл важную роль в подготовке для Вооружённых Сил командных кадров. Он провёл большую работу по ликвидации его дефицита, активизировал работу военных академий, военных училищ, различных курсов, навёл порядок в замещении вакансий командных должностей. В октябре 1944 г. решением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР Ф.И. Голиков, одновременно с исполнением его основных обязанностей, был назначен уполномоченным Совета народных комиссаров СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. На этой должности он проработал более 4 лет, внося огромный вклад по ликвидации последствий Второй мировой войны.

Плохому организатору никогда бы не доверили решать эту тему!

Либеральные историки приняли немало усилий и здесь, чтобы очернить деятельность Ф.И. Голикова на этом посту. Они настойчиво уверяют, что «в подавляющем большинстве» (!) репатриированные, вернувшиеся домой, затем «бесчеловечным тоталитарным сталинским режимом» «были обвинены в союзнничестве с врагом и направлены в советские концентрационные лагеря». Но это привычная ложь наших «правдолюбив» и «правдоискателей». Обратимся к цифрам.

По данным на 1 марта 1946 года, были репатриированы 4 млн 199 тыс. 488 человек, из них после «фильтрации»: отпущены по домам – 2 млн 427 тыс. 304 человека (57,8%), призваны в армию – 802 тыс. 102 человека (19,1%), направлены в армейские рабочие батальоны – 608 тыс. 926 (14,5%) использовались для работы при советских воинских частях и учреждениях за границей – 88 тыс. 189 (2,1 %). И лишь 6,5 % (272 тыс. 967 человек) были переданы НКВД. Это лица, сотрудничавшие с фашистами, воевавшие против советских войск в составе немецких военных формирований, служившие полициями и т.п. После тщательной проверки

и судебного разбирательства, при установлении виновности 145 тыс. (3,5 %) были отправлены на поселение, около 120 тыс. (3%) заключены в лагерь. [34, с. 57].

Где тут пресловутое «подавляющее большинство»? Сплошная ложь.

О большом авторитете, большом политическом весе Ф. И. Голикова в армии и в стране свидетельствует следующий эпизод. Поступило много данных о недостойном поведении Главного командующего советскими оккупационными войсками в Германии Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, которого обвиняли в злоупотреблении служебным положением, зазнайстве, приписывании себе чужих заслуг, принижении роли Ставки и Верховного Главного командующего.

Для рассмотрения вопроса о Жукове И.В. Сталин 1 июня 1946 г. собрал Высший Военный совет. Все выступившие маршалы говорили уклончиво (лукавый попутал, все так делали), только К.К. Рокоссовский деликатно осудил своего старого сослуживца. Но очень принципиально выступил начальник Главного управления кадров Наркомата обороны СССР генерал-полковник Ф.И. Голиков, который решительно осудил Жукова за недостойное моральное и политическое поведение, в доказательство привёл много бытовых подробностей. Жуков сидел подавленный, признал себя виновным. Высший Военный совет единодушно признал поведение Жукова «вредным и несовместимым с занимаемым им положением», он был освобождён от должности Главного командующего сухопутными войсками и заместителя министра Вооружённых Сил и отправлен командовать второстепенным Одесским военным округом.

С 1950 по 1956 год Ф.И. Голиков командовал Отдельной механизированной армией, дислоцированной в Румынии, с 1956 по 1958 год возглавлял Военную академию бронетанковых войск. В январе 1958 г. Голикова назначили начальником Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота. *Это был третий(!) по значимости военный пост в стране после министра обороны и начальника Генерального штаба.* На этом посту Филипп Иванович уделял большое внимание повышению роли и значения политработников в Вооружённых Силах, поднятию уровня боевой и политической подготовки войск, призывал всемерно использовать опыт Великой Отечественной войны.

В мае 1961 г. Ф.И. Голикову вполне заслуженно было присвоено звание Маршала Советского Союза, чем высоко признавалась его полувековая служба в Советской Армии, успешное командование во время Великой Отечественной войны, длительная безупречная служба в центральных звеньях управления Советской Армией.

В мае-июне 1962 г. он был освобождён от должности по состоянию здоровья и в связи с переходом на пенсию и назначен генеральным инспектором Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Это было почётное назначение, но практически означавшее увольнение от активной военной деятельности.

Причём и тут либеральные деятели постарались вдогонку облить грязью уходящего на пенсию маршала. Был запущен идиотский пасквиль, что якобы «в связи с реабилитацией» советского разведчика Р. Зорге Голиков оказался «под угрозой служебного расследования и возможного разоблачения», однако дело «замяли», отправив заслуженного разведчика и военачальника на пенсию. В этой злобной, грубо составленной фальшивке нет ни крупицы правды: Р. Зорге никто не «реабилитировал», незачем было это делать, расследования не проводилось.

Внучка маршала Шелястина Вера Олеговна рассказывает: «Моя мама рассказывала о причине, если можно так сказать, увольнения: дед не согласился с деяниями

Хрущева по непродуманному сокращению вооружения и личного состава армии. Он выступил на Главном Военном совете, где изложил свою точку зрения. Хрущев был крайне недоволен, резок в высказываниях, назвал его «милитаристом». [47]

От активной военной деятельности Филипп Иванович отошел, но не потерялся – все свои силы, громадный жизненный опыт направил на активную общественную, творческую работу, общение с людьми.

Этот отрезок его жизни ярко отражен в воспоминаниях его внучки Веры Олеговны Шелестовой: «После ухода на пенсию Филипп Иванович вошел в Группу Генеральных инспекторов Министерства обороны. Маршал Буденный с иронией называл эту группу «отстойник». Но дед не «простаивал». Пока позволяло здоровье, он очень много ездил по стране, часто бывал в войсках, на родине, особенно любил встречаться с молодежью. Например, не раз бывал в Икшанской трудовой воспитательной колонии – казалось бы, не маршальское это дело! В моем небольшом семейном архиве хранится письмо руководства колонии с благодарностью за помощь в воспитательной работе...

Он знал наших друзей, знал, кто их родители, учил разбираться в людях, тянуться к хорошему, учил бережному отношению к дружбе и товариществу. Основы дружбы и товарищества, считал он, закладываются в школе. В детстве мне казалось, что в семье было не шесть человек, а гораздо больше, так как наш дом был всегда полон людей. Дедушка очень любил гостей. Особенно дед любил принимать друзей юности, соучеников по гимназии. Ее выпускники долгие годы поддерживали связь и по возможности встречались в Москве. У нас дома их называли «камышловцы». Мы, дети, не понимали точного смысла этого слова, но знали: раз едут «камышловцы» – в доме будет праздник.

Но все же особенно Филипп Иванович любил посещать г. Михайлов Рязанской области. В детстве часто слышала от взрослых об этом городе. И сейчас наша семья поддерживает отношения с михайловцами... Дед много публиковался. Много печатался в сборниках по военной тематике, в периодических изданиях. Много читал, книги любил и любил их преподносить обязательно с дарственной надписью...

Любимые занятия деда на даче – спорт и работа с посадками. На первом месте были волейбол и городки. На участке была настоящая волейбольная площадка. Очень любил охоту и рыбалку. Можно сказать, был профессионалом в этой области. Не упускал ни одной возможности, чтобы порыбачить или поохотиться» [39].

По его инициативе и с его помощью в 1968 году был открыт в доме его отца музей боевой и трудовой славы совхоза «Красные орлы». По этому поводу он писал своим землякам: «Что касается музея в бывшем доме моих родителей, то думаю, что это должен быть музей революционной, боевой и трудовой славы. В нем должны быть имена, фотографии и списки всех коммунистов волости на весну 1918 года, списки и фото всех коммунаров первых коммун в Зырянке и на Стерьхово, первых организаторов и руководителей Советской власти, всех отмеченных наградами на трудовом и боевом фронте в Великую Отечественную войну, всех погибших в рядах Красной Армии, ветеранов колхозного и совхозного движения, всех орденосцев за боевые и трудовые отличия, ударников коммунистического труда сегодня».

Еще в сентябре 1964 года Филипп Иванович, задолго до нынешних времен, когда только-только, совсем скромно и осторожно стали снова вспоминать прошлое нашей страны, в письме к своим соратникам по Гражданской войне в Китайске просил сообщить: «...как народ, организации, школьники, комсомольцы, пионеры, студенты

Могила Ф. И. Голикова на Новодевичьем кладбище

чтят память революционных событий и наших военных побед, память погибших в борьбе за наше общее дело, память Красной Армии, партизан, подпольщиков и ветеранов борьбы, отличившихся полков, бригад, дивизий, корпусов;

– о пропаганде революционных и бытовых традиций среди населения;

– о роли в этой работе местных организаций общества «Знание», средств массовой информации, профсоюзов, комсомольских организаций, клубов, домов офицеров, театров, кино;

– как заботится общественность о престарелых ветеранах, семьях погибших и умерших в боях за Родину;

– о создании памятников, об уходе за братскими могилами и кладбищами, о мемориальных отметках на полях боев, зданиях казарм, комитетов, штабов, подпольных типографий и т.д., о сборе реликвий и материальных свидетельств (знамена, письма, фото, документы, оружие, гильзы и патроны);

– сохраняются ли тексты песен, сказаний, пословиц и поговорок о Гражданской войне» [17].

До конца жизни Ф.И. Голиков твёрдо придерживался своих политических убеждений, за что его глубоко уважали сослуживцы. И ненавидели, старались вставить ему палки в колёса его недоброжелатели.

«На любом командном, административном, политическом и общественном посту, – отмечал Филипп Иванович, – которых немало довелось мне занимать в жизни, памятуя о ленинских принципах работы с людьми, я всегда старался помогать выращивать кадры, находить и выдвигать достойных людей, давать возможность учиться и двигаться каждому способному. И сам для себя принял к неуклонному руководству и исполнению ленинский завет: учиться, учиться и учиться...» [15].

Умер Филипп Иванович 29 июля 1980 г. Похоронен в Москве. Ф.И. Голиков является почетным гражданином: г. Михайлова Рязанской области; г. Катайска Курганской области; с. Щучье, Воронежской области. Именем Ф.И. Голикова названы: в Кургане – проспект Маршала Голикова, в Воронеже – улица Маршала Голикова, в г. Михайлове Рязанской области – улица Маршала Голикова, в с. Верхне-Ключевском Катайского района Курганской области – переулок Голикова. Имя Голикова, крупного военачальника, неутомимого труженика, патриота, сыгравшего значительную роль в достижении Великой Победы, должно занять соответствующее ему достойное место в истории России и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Примечание: пока верстался номер, 19 декабря 2020 года в Екатеринбурге скончался Гаврилов Дмитрий Васильевич, советский и российский учёный-историк, специалист по истории Урала и России, один из основателей научного направления по изучению экологии. Редколлегия решила сохранить за ушедшим из жизни право опубликовать данную статью. ТАК про маршала Голикова еще никто не писал...

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А. П. Харьковская наступательная операция 1943 // Там же. 1980. Т. 8.
2. Антонов В. С. Три эпизода из мемуаров знаменитого полковника // Отечественная история. М., 2003. № 3
3. Беляков В. И. Острогожско-Россошанская операция 1943 // Советская военная энциклопедия. Т. 6. М., 1978.
4. Беседа корреспондента С. Кудряшова с Н.Г. Павленко // Родина. 1991. № 6 - 7.
5. Василевский А. М. Дело всей жизни. 6-е изд. М., 1988. Кн. 2.
6. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. М., 2013, т. 6
7. Воронежско-Ворошиловградская оборонительная операция // <https://biograph-soldat.ru>.
8. Гаврилов Д. В. «Проявил себя как крупный военачальник». К 110-летию со дня рождения Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова // Военно-исторический журнал. М., 2010. № 10.
9. Голиков Ф. И. Красные орлы (Из дневников 1918 - 1920 гг.). М., 1953.
10. Голиков Ф. И. Записная книжка маршала Ф. И. Голикова: Советская военная миссия в Англии и США в 1941 году // Новая и новейшая история. 2004. № 2.
11. Голиков Ф. И. В Московской битве: Записки командарма. М., 1967.
12. Голиков Ф. И. Сталинград (Воспоминания заместителя командующего фронтом) // Новая и новейшая история. 2006. № 1.
13. Голиков Ф. И. Боевой Воронежский // Ради жизни на земле. Воронеж, 1970.
14. Горелов В. А. Ленин и Южное Зауралье. Южно-Уральское книжное издательство. Челябинск, 1970.
15. Гороховский А. О малоизвестных фактах биографии известного военачальника // Факты. 2002. 19 июня.
16. ГАОПДКО. Ф.5857, оп.1, д.274, л.2.
17. Ерёмченко А. И. В начале войны. М., 1965.
18. Ерёмченко А. И. Сталинград: Записки командующего фронтом. М., 1961.
19. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 11-е изд. М., 1992. Т. 1.
20. Жуков Г. К. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.
21. Жуков Г. К. Письмо секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову // Военные архивы России, М., 1993.
22. Забытые имена: Маршал Советского Союза Филипп Голиков // <https://zen.yandex.ru/media/stratilat/zabytye-imena-marshal-sssr-filipp-golikov-5e918128469c497210cfb4f2>
23. Козинкин О. Ю. Кто проспал начало войны? М., 2011.
24. Калинин В. Оценка доклада военной разведки от 20 марта 1941 г. // <https://chekist.ru>.
27. Книга памяти Курганской области.
25. Крайне странный генерал - Филипп Голиков // [https://zen.yandex.ru.../krai ne... general-filipp-goliko](https://zen.yandex.ru.../krai-ne...-general-filipp-goliko).
26. Лазарев С. Е. Голиков, Филипп Иванович // Российская историческая энциклопедия, в 18 т. Т. 5. М., 2017.
27. Лурье В. М., Кочик В. Я. ГРУ: дела и люди. СПб.; М., 2002.
28. Мартиросян А. Б. Трагедия 1941 года. М., 2008.
28. Мухин П. Книга воспоминаний//historical-fact.livejournal.com/84793.html).
29. Плющев В. Кто Вы, Маршал Голиков, чье имя носит проспект в Кургане? // Молодой ленинец (Курган), 1985.
30. Полян П. ОСты – жертвы двух диктатур // Родина. М., 1994. № 2.
31. РГАСПИ, Ф.644, оп.1, д.1, л.90.
32. Родимцев А. И. На службе Родине // Военно-исторический журнал. М., 1970. № 7.
33. Рубцов Ю. В. Рубцов Ю. «Командная работа для меня – призвание» // Военно-промышленный курьер. М., 2005, 13 июля.
34. Руденко Валерий// [tula.mk.ru/articles...marshala-golikova...na-st//20.09.2015](https://tula.mk.ru/articles.../marshala-golikova...na-st//20.09.2015)).
35. Симонов К. Записки молодого человека // Молодая гвардия. М., 1970.
36. Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т. 2. С. 585, 586.
37. Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши. М., 2000.
38. Соловьёв Д. Ю. Все генералы Сталина. М., 2019.
39. Сидоренко А. А. Воронежско-Касторненская операция 1943 // Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т. 2.
40. Хрущёв Н. С. Воспоминания: Избранные фрагменты. М., 1997.
41. Чуйков В.И. Сражение века. М., 1975.
42. Шерстнёв В. Д. Трагедия сорок первого. Документы и размышления. Смоленск, 2005.

ВОЙНА ЛЕТЧИКА ТОСТАНОВСКОГО

Часть 1

СТАТЬ НА КРЫЛО

Условия и обстоятельства, в которых будущий генерал-майор авиации Владимир Гаврилович Тостановский формировался как летчик и воздушный боец, даже по меркам военного времени считались суровыми. Курсанты призыва 1940 года испытали безмерное напряжение многочисленных организационных перемен, тяжелую руку наркома обороны Тимошенко и неразбериху первых месяцев войны, гибель товарищей, передислокации и спрос за все по законам военного времени... Чего не хватало, так это главного – ресурсов и времени, которые отвела жизнь на лётную практику как основу военно-профессионального становления.

Восемнадцатилетний студент-первокурсник Московского высшего технического училища имени Баумана Владимир Тостановский весной 1940 года вряд ли знал, что в недрах Наркомата обороны СССР уже приняты и исполняются решения, которые вскоре самым кардинальным образом изменят его судьбу, как и судьбы многих ровесников, почувствовавших в аэроклубах радость первого самостоятельного полета.

Нарком обороны СССР в тот год Климент Ефремович Ворошилов подписал 14 марта 1940 года приказ «О подготовке лётно-технических кадров ВВС Красной Армии в 1940 году». Этот документ определил масштабы ускоренной подготовки военных авиаспециалистов, относящихся главным образом к категории среднего командного и начальствующего состава. Создавалось десять новых авиашкол пилотов, увеличивалась ёмкость четырех существующих. Учебные эскадрильи в статусе школ создавались при пятнадцати корпусных отрядах. Срок подготовки пилотов и техников устанавли-

ИНОЗЕМЦЕВ
Александр Юрьевич

Родился в городе Канске Красноярского края в 1951 году. В 1972 году с отличием окончил Курганское ВВПАУ. Служил в Военно-Воздушных силах, органах МВД СССР и России. В 1987–1997 годах – заместитель начальника управления по работе с личным составом – начальник отдела кадров УВД Курганской области. В 1997–2002 годах – начальник Учебного центра УВД. С 2002 года – в отставке. В 2002–2015 годах – руководитель межрегионального общественного объединения «Центр содействия профессиональной безопасности сотрудников правоохранительных органов». Член совета общественной организации ветеранов органов внутренних дел Курганской области, председатель общественного совета при Комитете по делам архивов Курганской области. Полковник внутренней службы в отставке.

Награжден государственными и ведомственными медалями, знаками общественных организаций, в том числе медалью Российского совета ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск «За активную работу по патриотическому воспитанию». Автор более сорока статей и публикаций по профессиональной и общественно-политической тематике.

Сегодня мы публикуем первую часть из его будущей книги «Война летчика Тостановского» – о военной судьбе первого начальника Курганского высшего военно-политического авиационного училища.

вался в один год. Развертывание новых школ и учебных эскадрилий, выполнение установленного плана подготовки летно-технического состава ВВС возлагалось на военные советы округов, где и принимались все решения. Тогда считалось, что военные кадры массовых специальностей, включавших летный и технический состав авиации, на период войны должны готовиться исключительно, что называется, «по месту потребления» – в округах, развертываемых во фронты, армиях или иных крупных общевойсковых группировках. Предвоенная организационная структура и подчиненность авиации соответствовали этим взглядам. Армейская и войсковая авиация, имевшие в своем составе почти половину самолетного парка ВВС военных округов, непосредственно подчинялись командующим общевойсковыми армиями и командирам корпусов. В специальном отношении они подчинялись командующим ВВС округов.

Летчики, пережившие войну, не без иронии называли эту систему отношений, как и организацию подготовки кадров для авиации, «пехотно-лётной».

При всех лётных учебных заведениях ВВС создавались запасные роты из лиц, окончивших аэроклубы Осоавиахима. И к такой запасной роте при не существующей еще школе уже был, не ведая об этом, приписан студент Тостановский. Время, безусловно, оправдало само решение о расширении существующих и формировании новых авиационных школ, принятое в условиях начавшейся в Европе войны, однако оставило открытыми вопросы к местам их дислокации.

По комсомольскому призыву В.Г. Тостановский 22 июля 1940 года был зачислен в военную авиационную школу пилотов. Этот день положил начало 46-летней военной службы Владимира Гавриловича и предопределил ключевые события его будущей биографии.

Школа (одна из четырех, формируемых в Западном Особом военном округе) создавалась практически на пустом месте в городе Слоним Барановичской области Белорусской ССР. Штат школы предусматривал одну учебную эскадрилью по подготовке летчиков бомбардировочной авиации. По планам, как сказали бы сейчас, «оптимизации» численности обучаемых и размещения лётных школ в Западном Особом ВО Слонимская ВАШП была вскоре передислоцирована в город Поставы Вилейской области БССР, в казармы и конюшни квартировавшего там до сентября 1939 года польского полка гродненских улан.

По штату новая школа состояла из двух отрядов. Первый отряд был сформирован из военнослужащих, призванных по Закону СССР от 1 сентября 1939 года «О всеобщей воинской обязанности». Второй отряд был укомплектован добровольцами – выпускниками Дзержинского и Таганского аэроклубов Москвы, окончившими десятилетку или техникум, и студентами 1–2-х курсов московских вузов.

Согласно приказу наркома обороны от 24 августа 1940 года «О переподчинении военных академий, училищ и школ Главным управлениям НКО СССР...», сеть авиационных учебных заведений переходила в ведение начальника вновь образованного Главного управления ВВС, отвечающего за состояние и боевую подготовку своего рода войск. Поставская школа была передана в ведение непосредственно ГУ ВВС Красной Армии. «Пехотная» составляющая обучения уступала место «лётной». Переподчинение позволило полнее учитывать специфику подготовки лётного состава, принципиально иную, нежели подготовка общевойсковых командиров.

Летчика, в отличие от командира взвода пехоты, нельзя выпустить из военной авиационной школы досрочно и без экзаменов по средней годовой оценке, дав «по

кубику» на петлицы. Курсанта надо сначала научить уверенно взлетать, летать, совершать посадки, а для этого в полном объеме выполнить Курс учебно-лётной подготовки (КУЛП) – руководящий документ, определяющий содержание, объем, порядок и последовательность обучения летчика применительно к конкретному типу самолета.

В 1940 году были приняты решения, которые в условиях надвигающейся войны коснулись судеб миллионов советских граждан, объединенных понятиями «ресурсов» – трудовых, мобилизационных, ресурсов специалистов и пр. Эти фундаментальные решения последнего предвоенного года во многом определили победный итог войны.

2 октября 1940 года во всех газетах страны был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР». Указом предусматривалась ежегодная подготовка для промышленности резервов в количестве от 800 тысяч до 1 миллиона человек путем обучения городской и колхозной молодежи определенным производственным профессиям во вновь создаваемых ремесленных, железнодорожных училищах и в школах фабрично-заводского обучения.

Эта мера позволила начать подготовку молодых кадров, которые вместе с рабочими старших поколений обеспечили страну в военные годы всем необходимым, в том числе и самолетами, на которых уже примерялись летать курсанты – сверстники Тостановского.

В военных авиационных школах тогда не все могли знать о другом документе: секретном Постановлении Совета Народных комиссаров СССР от 5 ноября 1940 года «О Военно-воздушных силах РККА». Согласно этому документу, к концу 1941 года в строю должно быть 60 тысяч военных летчиков. Определялось количество развертываемых в 1941 году авиаполков, планируемое количество самолетов, которые поставит для этих полков промышленность; численность авиаспециалистов, которые будут обеспечивать вылеты этих самолетов. На 1941 год утверждалась подготовка 32 с половиной тысяч летчиков.

Повседневность осени 40-го и зимы 41-го в Поставской авиашколе была рутинной – изучение конструкции самолета и двигателя, теории полетов, основ штурманской подготовки и других предметов программы, а также общевойсковые дела и заботы – строевая и физическая подготовка, изучение уставов, огневая подготовка, гарнизонная и караульная служба, наряды и хозяйственные работы, включая обустройство материальной базы и заготовку дров.

Однако под Новый год произошло событие, нарушившее эту рутину. Нарком обороны СССР Семен Константинович Тимошенко 22 декабря 1940 года подписал приказ «Об изменении порядка прохождения службы младшим и средним начальствующим составом ВВС Красной Армии». Тот самый приказ, который без непечатных слов не упоминал ни один прошедший войну авиатор, чья подготовка пришлось на 1937–1942 годы. Согласно приказу, летчики, штурманы и авиатехники, независимо от имеющихся у них военных званий, находящиеся в рядах Красной Армии менее 4 лет, переводились в младший начсостав на положение срочнослужащих и, соответственно, на казарменное проживание, то есть становились военнослужащими срочной службы. В казармах предписывалось установить «четкий внутренний распорядок согласно уставу внутренней службы, введя утренние и вечерние поверки...». Для контроля за исполнением приказа в авиации впервые появились должности заместителей командиров эскадрилий по строевой части.

**Курсант авиашколы
Владимир ТОСТАНОВСКИЙ.
Осень 1940 года. Город Поставы**

Мечта курсантов-пилотов о голубых командирских петлицах, окантованных золотистым галуном с красными эмалевыми квадратами, о вышитом золотом нарукавном знаке с крыльями, пропеллером и мечами в день объявления приказа наркома враз померкла.

Война показала абсурдность этого наркомовского решения, и 6 января 1943 года другой народный комиссар обороны СССР – И.В. Сталин подписал приказ «Об изменении порядка при-

своения воинских званий курсантам, оканчивающим летные школы, и категории некоторых должностей в частях боевой авиации и военно-учебных заведениях ВВС Красной Армии». Выпускники становились офицерами.

Лётная практика курсантов Поставской школы началась в конце апреля 1941 года, как водится, с перестройки. По новому приказу наркома обороны СССР от 3 марта 1941 года срок обучения в мирное время сокращался до 9 месяцев; общий налет на курсанта на учебном и боевом самолетах – до 20 часов, из них самостоятельных – 12 часов. Обучение требовалось проводить на самолетах УСБ и СБ с предварительной тренировкой на биплане Р-5.

И вновь – изменения и дополнения в курсы учебно-лётной подготовки, программы обучения курсантов полетам на авиатехнике, которая уже сходила с военной сцены.

Авиационное сообщество считает показатели налета и количество полетов одними из важных критериев уровня лётной подготовки и лётной деятельности в целом. Время пощадило личную лётную книжку В.Г. Тостановского – документ, характеризующий лётную учебную, учебно-боевую и боевую работу её владельца. Лётная книжка заместителя командира авиационной эскадрильи гвардии старшего лейтенанта Тостановского оформлена в первые послевоенные дни 1945 года в 142-м гвардейском штурмовом авиационном полку и велась до 1949 года.

Книжка содержит суммарные сведения об итогах налета по типам самолетов за 1940–1943 годы и годовых итогах налета за 1943–1945 годы.

Согласно записи в книжке, курсант Тостановский успел совершить на «Р-пятом» 43 полета с общим налетом 14 часов 15 минут.

Война для курсантов Поставской ВАШП началась в 16 часов 22 июня 1941 года, когда по полемому аэродрому школы у села Михалишки Островецкого района Гродненской области БССР нанесла удар группа германских бомбардировщиков. Погибли десятки курсантов, военнослужащих подразделений обеспечения, были уничтожены учебные самолеты.

Первые дни и недели войны сломали все планы и расчеты мирного времени по подготовке резервов лётного состава. Спешная эвакуация Поставской ВАШП на-

чалась 26 июня 1941 года. Личный состав школы, как и курсанты еще нескольких школ, размещенных до войны в западных республиках и областях СССР, был эвакуирован в далекий от фронта Чкалов (ныне Оренбург) и влит в 1-ю Чкаловскую военную авиационную школу пилотов имени К. Е. Ворошилова (Южно-Уральский военный округ, г. Чкалов, п/я 139).

Для В.Г. Тостановского, как и других курсантов Поставской школы, это было третье лётное учебное заведение. Профиль подготовки, установленный на 1941 год для Чкаловской военно-авиационной школы, – пилоты самолетов Р-5 и СБ. До конца года школа подготовила (из довоенных еще заделов) 925 пилотов на СБ и 20 пилотов на Р-5, как оказалось, последних.

«Р-пятый» как ударный самолет изжил себя. В ноябре 1941 года в ВВС были сформированы последние авиачасти ночных бомбардировщиков на Р-5, и в их числе – 673-й ночной бомбардировочный авиационный полк. С этой частью будет связана судьба Тостановского до конца войны.

Подготовка пилотов в 1-й Чкаловской ВАШП велась поточным методом. Выпуски осуществлялись практически ежемесячно по мере выполнения учебными группами программы КУЛПа. Прибывшие из Поставской ВАШП курсанты незамедлительно были включены в интенсивный учебный процесс подготовки пилотов на самолете СБ-2. Интенсивная подготовка – это 10–12 часов ежедневных теоретических занятий и учебных полетов с высокой плотностью каждой лётной смены и минимальными задержками на старте.

Скоростной бомбардировщик ОКБ Туполева стал вторым вслед за «Р-пятым» типом военного самолета, освоенным Тостановским. Общий налет на СБ составил 19 часов 32 минуты, количество полетов – 70.

Однако производство СБ, некогда основной машины бомбардировочной авиации, к 1941 году было свернуто. Значительная часть самолетов СБ потеряна в первые месяцы войны. Подготовка пилотов для этого самолета теряла актуальность. Чкаловская ВАШП, что называется, «под занавес» сформировала из своего состава для фронта в конце 1941 года несколько авиационных полков, выделив лучшие из имевшихся самолеты СБ-2, Р-5 и хорошо подготовленные кадры, включая летчиков-инструкторов.

В феврале 1942 года школа приступила к подготовке пилотов для самолетов-штурмовиков Ил-2. (Постановление Государственного Комитета обороны СССР от 7 февраля 1942 года). Объем подготовки – 8 учебных эскадрилий.

1-я ЧВАШП была на тот момент единственной лётной школой в стране, где курсанты осваивали новый штурмовик. В связи с невозможностью одновременно обеспечить в 1942 году потребности фронта и всех лётных школ новыми типами самолетов, технику в первую очередь осваивали курсанты четырех школ – Чкаловской (Ил-2), Борисоглебской (ЛАГГ-3), Сталинградской (ЯК-1) и Энгельсской (Пе-2). Борисоглебская и Сталинградская повторили судьбу Поставской школы, будучи эвакуированными в 1942 году соответственно в города Троицк и Кустанай.

Переходным к Ил-2 самолетом считался двухместный УТ-2. На этой машине курсант Тостановский совершил 63 полета с общим налетом 19 часов 30 минут.

В источниках по истории Оренбургского училища летчиков часто приводится фрагмент воспоминаний выпускника 1943 г. Героя Советского Союза Н. Ф. Алексашкина, ярко и полно характеризующий атмосферу того времени: «Многого не хватало: обмундирования, питания, топлива, но все эти недостатки не огорчали

нас, курсантов. Но один из недостатков, а именно недостаток материальной части, как спарок, так и боевых самолетов, переносился курсантами очень болезненно. Каждому из нас хотелось быстрее окончить вывозную программу и попасть в боевой полк, уходящий на фронт».

Школа получила к 1 марта некоторое количество одноместных Ил-2. Иных тогда не было.

Первые двухместные Ил-2 завода № 18 в Куйбышеве (головное предприятие по производству штурмовиков) появились на фронте в конце марта – начале апреля 1942 года. К выпуску Ил-2 с двойным управлением завод № 18 приступил с 15 февраля (по 20 самолетов в месяц). К 1 апреля предполагалась поставка в школу первой партии – 32 самолета, а к 1 мая еще 32 машин. Одновременно для школы в эти же сроки планировалась поставка по 40 боевых Ил-2 в месяц (всего 120 машин).

Если перспективы с поставками учебной авиатехники как-то определились, то инструкторского состава, умеющего обучать курсантов пилотированию именно на Ил-2, попросту не было. Почти все опытные кадры училища были обращены на формирование полков для фронта. Прежде чем учить курсантов, нужно было в экстренном порядке подготовить инструкторов из молодых летчиков (чаще всего сержантов), не имевших, как правило, методического и достаточного лётного опыта на Ил-2. Нужно было организовать обучение преподавателей и технического состава по новому во всех отношениях самолету. Не было описаний, инструкций, учебных пособий, методик подготовки. Первое официальное учебное пособие «Техника пилотирования самолета Ил-2» было утверждено лишь 17 июля 1942 года.

Материальную часть Ил-2 курсанты изучали по единственному на тот момент документу – Техническому описанию самолета Ил-2 с мотором АМ-38, утвержденному 18 августа 1941 года, а затем непосредственно у самолетов и в кабинах. От курсанта требовалось, что называется, «назубок» знать оборудование кабины, уметь правильно распределять внимание (взгляд) от прибора к прибору при выполнении каждого элемента полета.

Пилотирование самолета Ил-2 имело особенности, постижению которых курсантами уделялось пристальное внимание. Вырабатывались свои методики. Например, для того чтобы курсант запомнил нормальное положение самолета при взлете, машину поднимали на «козелке» с таким расчетом, чтобы горизонт проектировался на 10 сантиметров выше капота. Каждый курсант должен был усвоить, что увод самолета при разбеге вправо нужно было выправлять «дачей» левой ноги, а стремление самолета при разбеге опустить нос исправлять подтягиванием ручки «на себя» и выработать соответствующие навыки.

Поначалу подготовку к запуску двигателя, запуск, руление и часть разбега курсант постигал небезопасным способом – стоя на центроплане одноместного самолета и наблюдая за реальными действиями инструктора в кабине до подъема хвоста, а затем занимал его место.

С появлением «спарок» (Ил-2 с двойным управлением) процесс обучения возвращался к обычной схеме. Часть одноместных Ил-2 под ответственность инженерно-авиационной службы ВВС в мастерских школы переоборудовали в учебные самолеты с двойным управлением, а с массовым появлением учебных Ил-2 заводского изготовления острота проблемы с учебной авиатехникой была снята. Осваивать новую машину, четвертую по счету, курсантам из Постав помогали ранее наработанные лётные навыки, хотя и скромные.

Новые самолеты считались в освоении достаточно сложными, и это обстоятельство заставляло курсантов относиться к учебе со всей серьезностью. На этой машине им предстояло воевать, и все жизненные планы уже строились в расчете именно на эту машину и на свои лётные навыки.

Кроме того, за отчислением курсанта, даже по лётной неуспеваемости, следовало направление в маршевую роту для пополнения стрелковых подразделений действующей армии. В историю 1-й Чкаловской ВАШП навечно вошло формирование в 1942 году курсантского батальона особого назначения и героическое участие батальона в боевых действиях в составе Воронежского фронта.

Группа курсантов, в которой учился В.Г. Тостановский, закончила обучение в 1-й Чкаловской ВАШП в июне 1942 года. На этом этапе подготовки летчика-штурмовика была освоена техника пилотирования самолета Ил-2 по всем элементам разделов: взлет, полет по кругу, посадка. Выпускникам приказом начальника школы было присвоено военное звание «сержант». Еще один шаг к статусу пилота-командира был сделан.

С легкой руки сценаристов фильма «В бой идут одни «старики» представление о системе подготовки в годы войны лётных кадров ограничено уничижительной фразой: «Какое училище? – Оренбургское. Ускоренный выпуск. – Ясно... Взлет-посадка...».

Между тем взлет и особенно посадка – одни из самых сложных элементов полета. Пилота, не умеющего производить расчет захода на посадку, выдерживать курс или глиссаду, учить боевому применению иногда бывает поздно. Как говорят летчики со стажем: «Глиссада – это твердость духа и твердость руки!» Посадка летательного аппарата «чайником», то есть неопытным летчиком, хорошо получается только в голливудских фильмах.

Даже в тяжелом 1942 году выпускник школы пилотов никак не мог попасть в боевой полк, минуя очередную ступень подготовки пилота в запасном учебном полку. В целом же программы подготовки лётного состава в этом периоде войны были достаточно гибкими и приспособлялись к текущим обстоятельствам.

Следующий этап в подготовке летчика сержанта Тостановского продолжился в 34-м запасном авиационном полку (Ижевск, п/я 109). Полк в 1942 году базировался на аэродроме Осоавиахима в селе Пирогово.

34-й ЗАП, как и другие запасные авиационные полки и бригады ВВС Красной Армии, в условиях второй половины 1942 года решал задачи аккумуляции резервов авиационных кадров, переучивания (либо доучивания) на новую технику и формирования авиационных частей до полного комплекта с передачей их в состав действующей армии.

Переменный состав полка – соответственно личный состав направляемых с фронта для реформирования авиационных частей и военнотрудовые авиаспециалисты после окончания учебных заведений, излечения в госпиталях, находившиеся в распоряжении или вне штатов. Эта категория авиаторов являлась основой вновь формируемых или маршевых авиаполков.

Для выпускников Чкаловской ВАШП главной задачей являлось освоение техники пилотирования самолета Ил-2 при полетах в зону и групповых полетах. Моторесурса и горючего на этом этапе подготовки в расчете на одного обучаемого выделялось немногим больше, чем в училище.

34-й запасной авиаполк был перепрофилирован на подготовку летчиков Ил-2 в феврале 1942 года. Проблемы были те же, что и в 1-й Чкаловской ВАШП, – отсут-

стве инструкторского и преподавательского состава, способного вести подготовку летчиков для этого типа машины, нехватка учебных и методических пособий, учебных самолетов с двойным управлением, боевых самолетов для полетов в зону и групповых полетов, несоответствие аэродрома новой технике. Первые результаты в виде подготовленных в ЗАПе летчиков стали появляться фактически к июлю 1942 года.

Для выпускников ЧВАШП продолжались привычные будни – теоретические занятия, изучение материальной части, физическая и строевая подготовка, караульная служба. Некоторое разнообразие внесли занятия по изучению оружия, но не авиационного, а стрелкового – револьвера «наган» и пистолета ТТ – табельного оружия пилотов. После принятия зачетов состоялись и практические стрельбы, как еще один шаг к командирским петлицам.

Следует отметить, что подготовка вчерашних выпускников 1-й Чкаловской школы не была в тот момент времени основной задачей запасного полка. В конце марта 1942 года на переформирование и переобучение в Ижевск был выведен 704-й ночной бомбардировочный авиационный полк, имевший до этого на вооружении самолеты У-2. Все силы и ресурсы запасного полка в течение лета 1942 года были сосредоточены на выполнении этой основной задачи. Для выпускников школы полеты на Ил-2 проводились в объеме, позволяющем лишь поддерживать лётные навыки.

704-й полк, получивший при переформировании в Ижевске наименование штурмового авиационного, был подготовлен хорошо и 18 августа убыл из ЗАПа для получения самолетов. В ноябре в составе 232-й штурмовой авиационной дивизии 2-го штурмового авиационного корпуса 3-й Воздушной армии принял участие в боях на Калининском фронте. Менее чем через год, 4 сентября 1943 года, преобразован в 131-й гвардейский штурмовой авиационный полк.

Пребывание вчерашних курсантов 1-й ЧВАШП в Ижевске затягивалось. Осенняя непогода не позволяла летать. Переменный состав запасного полка, включая летчиков, нес гарнизонную службу и выполнял различные хозяйственные работы – чистил дороги и взлётно-посадочную полосу, вел погрузочно-разгрузочные работы на станции, заготавливал дрова в лесу. Подобные тяготы не закончились и после официального завершения учебы по программе подготовки отдельных экипажей и зачисления в резерв для направления в действующую армию. Это событие, венчавшее новый этап лётного становления, сержант Тостановский отметил скромно – пришел на левый рукав гимнастерки бережно хранимый еще с Постав знак летчика. На это он имел полное право.

Дата, с которой отсчитывается пребывание сержанта Тостановского В.Г. в действующей армии, – 12 декабря 1942 года.

На этот день общее время обучения на четырех типах самолетов составило 29 месяцев. Налет с 1940 года в школах и 34-м запасном авиационном полку в суммарном исчислении составил: полетов – 408 с общим временем 103 часа 47 минут, в том числе 62 полета на УИл-2 и Ил-2 с общим налетом 10 часов 30 минут. Общий же налет (с учетом налета в аэроклубе по довоенной еще 30-часовой программе) на пяти типах самолетов составил 134 часа 47 минут.

Пять типов самолетов... Хорошо или плохо? И в 1942 году, и сейчас считается, что, чем больше самостоятельный налет на разных типах летательных аппаратов, тем надежнее летчик.

Продолжительность полета. Простая арифметика – один учебный полет по кругу на выпускной машине продолжался в среднем десять минут. Много это или мало? В

Летчики 2-й эскадрильи 673-го штурмового авиационного полка.
 В.Г. Тостановский – первый слева в нижнем ряду. Весна 1943 года.
 Калининский фронт, 3-я воздушная армия, аэродром Баталы

середине семидесятых годов у курсанта лётного училища ВВС СССР, обучавшегося на Ил-29, стандартный полет по кругу продолжался семь минут. С учетом того, что к концу обучения на Ил-2 курсанты 1-й ЧВАШП выполняли полеты по «двойному» кругу с выпуском и уборкой шасси и имитацией захода на посадку, время, отводимое на один учебный полет, вполне сопоставимо.

Что касается общего налета на Ил-2, то он соответствовал существовавшим тогда временным нормативам. Для реалий тяжелейшего 1942 года, при крайне ограниченных материальных ресурсах, сержант Тостановский как лётчик в целом был подготовлен вполне основательно. Как летчик на самолете Ил-2 – подготовлен ограниченно, в пределах и объеме программы военного времени.

Подготовка же будущего генерала авиации как воздушного бойца практически отсутствовала, поскольку и в школе, и запасном полку в 1942 году её вести было некому. Это позже для командиров и инструкторов школ и ЗАПов появится

Листок из лётной книжки
 гвардии
 старшего лейтенанта
 Тостановского

1. Общие данные

№ 308 Тостановский В.Г. Тостановский Владимир

1. Год рождения (месяц и число) 1922 июль 30

2. Образование общее (год, когда и какую школу окончил) 1940 сред. школа № 1

3. С какого времени в Красной Армии (год, месяц и число) 1940 июль 22

4. С какого времени в ВВС Красной Армии (год, месяц и число) 1940 июль 22

5. Когда год и какую школу окончил 1940 июль 22

6. На каких видах самолётов летал и летает Ил-2 Ил-2 Ил-2 Ил-2

Летчик В.Г. Тостановский

19... г.

Личное подлинное В.Г. Тостановский

обязательная боевая стажировка во фронтовых авиачастях. Да и методики, позволяющие строить обучение с опорой на боевую практику и опыт войны, писанные кровью, только-только ложились на бумагу.

Первым обобщающим документом (правда, с оговорками) явился сборник боевого опыта № 1 «Боевые действия истребителей и штурмовиков на Западном фронте», выпущенный Управлением боевой подготовки ВВС РККА в 1942 году. Из предисловия к сборнику: «В книге помещен материал по опыту боевой работы авиасоединения полковника Толстикова, обобщающий личный опыт летчиков-участников Отечественной войны. Выводы, сделанные на основании боевого опыта соединения полковника Толстикова, не могут служить общими по тактике истребительной и штурмовой авиации, так как они обобщают лишь опыт борьбы в определенных условиях Западного фронта. Они являются, однако, ценным вкладом в общую сумму боевого опыта борьбы советской авиации против германского фашизма».

Осознавал ли будущий генерал-майор авиации изыскания своей подготовки?

Безусловно, осознавал. С присущими Владимиру Гавриловичу дисциплиной мышления и стремлением вникать в существо всякого дела как в деталях, так и в комплексе, он еще курсантом выработал привычку устраивать самому себе «разборы полетов» и формулировать выводы. Он умел учиться летать и умел учиться воевать.

Однако нельзя ограничиваться только профессиональной составляющей подготовки Владимира Гавриловича Тостановского как военного летчика на день прибытия в штурмовой авиационный полк. Этот двадцатилетний молодой человек, уже повидавший войну, знающий цену жизни и смерти, имел сильный характер и непреклонную волю, «заточенные» на преодоление любых трудностей и лишений, которые в достатке и сверх того предъявлялись военным временем.

Был ли он готов летать на боевые задания, понимая, что каждый вылет мог окончиться гибелью? Безусловно, готов. И это не было той готовностью, что лежит порой на поверхности как бесшабашное геройство или вера в счастливый случай, везение, или как фатальное презрение к смерти. И с другой стороны, для него было противоестественным взлетать и думать при этом о самопожертвовании. Такие летчики обычно «сгорали» быстро.

Пожалуй, готовность к выполнению боевых вылетов вытекала из внутренней силы духа Владимира Гавриловича, глубинных черт и свойств его личности, а также способностей, которые только предстояло открыть в себе и проявить их в бою как солдату и как летчику.

И еще: Владимир Гаврилович был комсомольцем. А в 1942 году это кое-что значило...

От редколлегии: мы намеренно не размещаем в данном материале другие фотографии, присланные автором, на которых видим участника Великой Отечественной войны Тостановского Владимира Гавриловича на пороге старости. Для нас он всегда остается генерал-майором, боевым летчиком, орденосносцем, первым и неповторимым начальником Курганского высшего военно-политического авиационного училища (1967–1974), в зрелом возрасте, полный сил и энергии.

С нетерпением ждем выпуск книги Александра Иноземцева.

БЕЗДОМОВ Валерий Иванович

Родился 11 марта 1931 г. в коммуне имени Ильича Шутихинского сельсовета Катайского района Уральской области, ныне – Курганской. Был шестым ребенком в семье. Получил неполное среднее образование и с 1948 по 1951 год учился в Катайском педучилище. Здесь получил хорошие знания и умения.

Далее – курсант Челябинского военного авиационного училища связи дальней авиации. Потом – служба в частях стратегической авиации на Украине, в Поволжье, на Дальнем Востоке. В 1960 году демобилизовался и приехал в Курган. Воинское звание – капитан.

В 1969 году заочно окончил Курганский государственный педагогический институт. Работал в школах города Кургана. Кроме основного предмета вел трудовое и производственное обучение с художественным уклоном, изобразительное искусство, черчение и даже начертательную геометрию по личной программе. Вел многочисленные кружки по живописи, линогравюре, мозаике из шпона, художественной керамике, резьбе по дереву, художественному выпиливанию, художественному выжиганию, фото и кино.

С марта 1991 года на пенсии. Награжден четырьмя медалями, отмечен почетными грамотами, многими дипломами, в том числе – «Мастер золотые руки» (1995 год), «Лауреат» (в номинации «Резьба по дереву», 2000 год), а также благодарственными письмами. Ветеран Великой Отечественной войны, ликвидатор аварии на производственном объединении «Маяк».

Автор книги «Записки зауральского краеведа» и сотен публикаций в различных газетах и журналах.

В 2021 году тиражом в 300 экземпляров и объемом в 416 страниц за свой счет издал книгу «Генерал-полковник Шумилов Михаил Степанович». Материал для нее собирался 20 лет.

ИЗ ВСТУПИТЕЛЬНОГО СЛОВА К КНИГЕ

Передо мной рукопись книги «Генерал-полковник Шумилов Михаил Степанович» – плод многолетнего труда известного курганского историка-краеведа Валерия Ивановича Бездомова. Предыдущая его книга «Рассказы зауральского краеведа» была тепло встречена литературным сообществом и читателями, теми, кому интересна история родного края, кто любит свою малую родину.

Вот и в книге о выдающемся советском полководце (не так много у нас генералов, которым немецкие фельдмаршалы сдавались в плен!) писатель обращается к малой родине Шумилова, зная, что там корни, там истоки твердого характера и крутой судьбы генерала.

Проделав огромную работу, проведя в архивах долгие часы, дни и месяцы, объездив многие города и села, В.И. Бездомов подарил читателям возможность ближе узнать жизнь нашего выдающегося земляка – личности исторической, а значит, лучше узнать историю нашего государства и одного из трагических ее периодов – Великой Отечественной войны.

Ведь нет для писателя задачи более важной, чем донести до ныне живущих опыт жизни многих поколений наших предков и передать его последующим поколениям. Передать правдиво, без выдумки и фальши.

**Председатель Курганской областной
писательской организации
Сергей Кокорин.**

ИЗ ВСТУПИТЕЛЬНОГО СЛОВА АВТОРА

Сталинградская битва – самая значимая страница в боевой биографии генерала Шумилова Михаила Степановича...

Я выражаю благодарность в адрес тружеников архивов, музеев и библиотек города Волгограда (Сталинграда), которые, имея объективную информацию об этой жесточайшей битве, щедро делились ею со мной. А за оказанную мне практическую помощь в научно-исследовательской работе персонально и искренне благодарю заместителя директора музея-панорамы «Сталинградская битва» С.А. Аргасцеву, директора областной библиотеки имени Горького Н.В. Шашко.

В поисках материалов о Сталинградской битве я четырежды посетил Волгоград и там почувствовал, что только кировчане (жители Кировского района города Волгограда) более объективно оценивают роль 64-й армии в Сталинградской битве, которой командовал наш земляк генерал М.С. Шумилов. В Совете ветеранов Кировского района (председатель – Г.А. Бондаренко, ее сменила Т.В. Тимохина) в один голос говорили: «В Сталинграде

был только один Кировский район города Сталинграда, окруженный врагом с трех сторон, куда гитлеровцы так и не смогли пробиться и выйти к Волге в течение всей Сталинградской битвы. Их не пропустила 64-я армия. Более того, доблестные воины 64-й армии, добывая 6-ю немецкую армию в центре города Сталинграда, пленили самого командующего армией генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса вместе с его штабом. Командарм М.С. Шумилов первым допрашивал Паулюса у нас в Бекетовке. А это – величайший подвиг во славу Родины, да и 64-й армии».

И далее боевой путь 64-й (7-й гвардейской) армии от Сталинграда победно прошел до Праги. Там и была отпразднована Великая Победа.

Не обошла нашего Героя стороной народная память. На улицах некоторых городов можно увидеть памятники М.С. Шумилову, в музеях – его бюсты. В его честь установлены мемориальные доски, его именем названы улицы городов и сел. Знаю две школы России, которые носят имя Героя Советского Союза М.С. Шумилова.

Желательно коснуться и родословной Шумиловых и сказать, откуда и в какие времена появился их род в Исетско-Теченском крае (в крае по имени Далмата). Конечно, надо сказать и о дружной семье Михаила Степановича Шумилова.

От души хочется сказать спасибо доброжелателям нашего края, которые автору-ветерану оказали финансовую поддержку в издании этой книги: администрации Кетовского района; А.В. Лузину, председателю совета директоров ООО «Мехмонтаж»; Л.И. Кашкуровой, внучатой племяннице генерала М.С. Шумилова.

ГОВОРIT ГЕНЕРАЛ ШУМИЛОВ

«Около 12 часов 31 января 1943 года в мой кабинет ввели Паулюса, Шмидта и Адама.

Передо мной стоял первый плененный Красной Армией генерал-фельдмаршал немецких войск. Я с большим интересом рассматривал Паулюса, гитлеровского военачальника, который непосредственно разрабатывал план «Барбаросса», план коварной войны против нашей Родины. Он же был исполнителем этого плана, командуя 6-й немецкой армией, войска которой хотели захватить Сталинград.

Но что это? Все трое подняли правую руку со словами: «Хайль Гитлер!» Мне стало смешно и горько. Гитлер угробил 6-ю армию, а они его славят.

Я резко сказал: «Здесь нет Гитлера, а перед вами командование 64-й армии, войска которой пленили вас, извольте приветствовать так, как положено». Все трое подчинились.

На мои слова: «Предъявите документы» – Паулюс дает мне солдатскую книжку. Тогда ему говорю, что это солдатская книжка и она мне ни о чем не говорит. Паулюс заявляет, что он солдат немецкой армии. На это я ему сказал, что я солдат Красной Армии и в ее рядах занимаю определенную должность. После этого он предъявляет удостоверение командующего 6-й армией. Затем я сказал, что нам стало известно о присвоении ему звания генерал-фельдмаршала, так ли это? Генерал-лейтенант Шмидт быстро вскакивает и заявляет: «По радио был получен приказ Гитлера о присвоении Паулюсу звания генерал-фельдмаршала». «Могу я доложить об этом своему верховному командованию?» Последовал ответ обоих: «Да».

На мое требование отдать приказ северной группировке немецких войск прекратить огонь, чтобы не было лишних жертв, Паулюс заявил, что он не командует северной группировкой немецких войск и отдать приказ не может.

**Командующий
64-й армией генерал
Михаил Шумилов
проводит допрос
фельдмаршала
Фридриха Паулюса**

Далее был задан вопрос: «Почему вы не приняли ультиматума, подписанного командующим Донским фронтом генерал-полковником Рокоссовским, о прекращении сопротивления?» Паулюс ответил: «Русский генерал поступил бы так же, как и я. Я имел приказ драться и не должен был нарушать этого приказа».

Были заданы еще некоторые вопросы, после чего пошли в столовую. По дороге Паулюс задает мне вопрос: «Скажите, генерал, чем можно объяснить, что ваш солдат наступает днем и ночью и при 35-40-градусном морозе лежит на снегу?»

Поблизости стоял наш солдат, я его подзвал и сказал Паулюсу: «Посмотрите, как одет наш солдат». А на войне были валенки, ватные брюки, теплое белье, полушубок, шапка-ушанка, теплые рукавицы. «Вот как заботится наша Родина о своих защитниках».

Лицо генерал-фельдмаршала исказилось, видимо, вспомнил картину, которую он видел, когда ехал в штаб 64-й армии. По дороге он обогнал массу пленных немцев, которые плелись, согнувшись, с головами, обернутыми чем попало: старым тряпьем, мешками, войлоком.

После обеда генерал-фельдмаршал был отправлен в штаб Донского фронта»...

От редколлегии: Михаил Шумилов воевал на Первой мировой войне; с декабря 1917 в Красной Армии, участвовал в Гражданской войне; в числе других частей, командуя бригадой, брал Перекоп; воевал в Испании; в 1939 году освобождал Западную Белоруссию; в 1940 году воевал с финнами; в годы Великой Отечественной войны оборонял Ленинград, Сталинград, принимал участие в Курской битве и форсировании Днепра. Войну закончил в Праге.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1943 года за умелое руководство воинскими соединениями во время форсирования Днепра и проявленные при этом личное мужество и героизм гвардии генерал-полковнику Михаилу Степановичу Шумилову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

После войны командовал рядом военных округов и служил в группе генеральных инспекторов Министерства обороны страны.

Генерал-полковник Михаил Степанович Шумилов ушел из жизни 28 июня 1975 года в Москве. Похоронен по его завещанию на Мамаевом кургане в Волгограде.

К ГОДОВЩИНЕ
КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ЗАУРАЛЬЕ: ПАМЯТЬ МЕСТА

Выставка «Арт-География Курганской области и города Кургана» в Курганском областном художественном музее стала частью большого Всероссийского историко-краеведческого и выставочного проекта «Арт-География России». Этот проект отличает особая миссия – через удивительное многообразие и богатство духовных и материальных ценностей каждого, отдельно взятого, региона показать во всей полноте культурное наследие страны в целом.

Курганская область знаменита людьми, известными далеко за ее пределами. Наши талантливые и прославленные земляки внесли большую лепту в здравоохранение и сельское хозяйство, культуру и искусство, литературу и спорт. Их имена стали настоящей визитной карточкой Зауралья: архимандрит Антонин (Капустин); подвижник XVII века и основатель Успенского монастыря Далмат Исетский; скульптор И.Д. Шадр; профессор исторической живописи Ф.А. Бронников; выдающийся хирург современности Г.А. Илизаров; краевед и просветитель А.Н. Зырянов; полярный исследователь и этнограф К.Д. Носилов; селекционер и новатор сельского хозяйства Т.С. Мальцев и многие другие...

Когда охватываешь взглядом экспозицию, то понимаешь, насколько прочно связано творчество художников с темой нашего края. В основе всех произведений – образы известных личностей, природа Зауралья, архитектурные памятники, события современные и те, что стали уже историей. Участники выставки – авторы из Кургана, Магнитогорска, Екатеринбурга, Шадринска и Далматово. Более 100 произведений представляют живопись, графику, скульптуру, фотографию и предметы декоративно-прикладного творчества. Помимо работ из мастерских художников, в экспозицию вошли произведения из коллекции музея.

Исторические события, связанные с темой декабристов и немало повлиявшие на судьбу города, раскрываются в акварелях Германа Травникова «Вечер у Нарышкиных» и «Жуковский у декабристов в Кургане». В первом художник изображает один из вечеров, когда в доме М.М. Нарышкина собирались декабристы, местная интеллигенция и ссыльные поляки, обсуждались российские события и местные новости, читались книги и письма, а жена декабриста играла

ЛУЦКО
Ольга Витальевна

Родилась 22 ноября 1960 года в Кургане. В 1980 году окончила художественно-графический факультет Катайского педагогического училища, в 1988 году – Уральский государственный университет им. А.М. Горького (искусствоведение). С 1982 года работает в Курганском областном художественном музее. С 1987-го – заместитель директора по научной работе, с 2020-го – зав.отделом изобразительного искусства. Искусствовед, художник-акварелист, член Союза художников России, член Санкт-Петербургского Общества акварелистов, член АИС (Международной Ассоциации искусствоведов), член Ассоциации музеев регионов России. Председатель регионального отделения АИС России по Курганской области. Эксперт по культурным ценностям Министерства культуры России. С 2002 года – куратор и участник Всероссийских выставок акварели в Кургане.

Автор публикаций по вопросам культуры и искусства в научных сборниках, каталогах, журналах. Лауреат и дипломант международных и всероссийских художественных выставок и пленэров. Лауреат областной премии в области литературы и искусства (2005–2006). Призер городской премии «Признание» и областной премии в области литературы и искусства (за 2002 г.). Наградной знак Министерства культуры России «За достижения в культуре» (2002).

на клавикордах и пела. Сюжет другого произведения повествует о посещении в 1837 году наследником престола великим князем Александром Николаевичем Тобольской губернии и, в частности, Кургана.

С Зауральем связано имя и образ архимандрита Антонина (Капустина), родившегося в селе Батурино Шадринского района и получившего начальное образование также в наших краях – в духовном училище при Далматовском Успенском мужском монастыре. Его имя – знаковое в истории России, Русской Церкви и русско-палестинских духовных и культурных связей на Святой Земле, в целом на христианском Востоке. Картина Андрея Садова напоминает о родине великого земляка.

Русского художника, профессора исторической живописи Федора Андреевича Бронникова, родившегося в Шадринске в семье иконописца, прославляет в своем скульптурном произведении Людмила Лапердина. Учившийся рисованию и живописи сначала под руководством отца, а потом в Академии художеств, Бронников в значительной степени посвятил свое творчество сюжетам древнеримской жизни. Несмотря на то, что большую часть жизни провел в Италии и похоронен в 1902 году в Риме, он думал об Отечестве и многие свои произведения и скопленные средства художник завещал родному городу. Монументальный скульптурный образ Тимофея Невежина, основателя Кургана, создала Ольга Красношеина.

На медалях Анатолия Патракова запечатлены люди, связанные судьбой с нашим краем. Иван Шадр, талантливый русский и советский скульптор, создавший революционно-романтические, обобщенно-символические образы. Вильгельм Кюхельбекер, поэт, декабрист, лицейский друг А.С. Пушкина, в жизни которого также была «курганская страница ссыльного»; Леонид Красин – революционер, выдающийся советский политический и государственный деятель страны, детские годы которого прошли в Кургане. Его именем названа одна из центральных улиц, где на берегу реки Тобол установлен памятник известного московского скульптора В. Чернова.

Портреты К.Д. Носилова, русского этнографа, исследователя севера, талантливого писателя-демократа, журналиста, полярного исследователя, и А.Н. Зырянова, краеведа и просветителя, уроженцев Шадринского уезда, представляет автор из Шадринска Юрий Кислицын. Знаковым для Курганской области является и имя Г.А. Илизарова. Его великолепный портрет, принадлежащий коллекции музея, создал в 1985 году курганский живописец Анатолий Морозов. Образ Терентия Мальцева представляет в монохромной акварели старейший курганский художник Николай Годин.

Имя Валериана Илюшина, замечательного педагога, воспитавшего не одно поколение зауральских художников, бывшего в числе организаторов Курганского отделения Союза художников России, никак нельзя обойти, рассказывая о становлении художественной культуры края в послевоенное время. Портрет Илюшина был написан Борисом Евлентьевым в 1975 году и стал одним из лучших живописных произведений, посвященных подлинному русскому интеллигенту, художнику и учителю с большой буквы.

Зауралье сегодняшнего дня тоже может гордиться людьми, внесшими свой вклад в разные сферы деятельности отечественной истории. В их числе известные представители культуры: писатель Виктор Потанин (написанный Г. Травниковым и Н. Годиным) и народный художник РФ Герман Травников, запечатленный художником из Екатеринбурга Алексеем Лопато. Заслуживает упоминания и имя Светланы Капаниной, приумножившей славу российского летного дела. Ее живописный романтически-светлый образ предстает в портрете Фаины Ланиной.

Образы современников – памятник воинам-интернационалистам, участникам боевых действий в горячих точках, а также скульптура «Родители» – обобщенный образ юности и предстоящего родительского счастья – созданы скульптором Людмилой Лапердиной. Фото-портреты наших земляков-современников выполнены фотографом из Шадринска Эдуардом Кутыгиным.

Город Курган как областной центр предстает во многих произведениях на выставке. На полотне талантливого художника Александра Петухова «Воскресный день» – Курган

1970-х годов с его недавно возведенной плотиной, архитектурой, перспективой улиц, афишами театра и кино, гастрольных выступлений и отдыхающими людьми. Тема рабочих будней народных мастериц звучит в произведении Вячеслава Пичугина «Канашинские ковроткачихи», написанном в 1964 году. Тема традиционного весеннего праздника с народными гуляниями в центральном городском парке была выбрана за основу тематической композиции «Проводы русской зимы» Юрием Козьминих.

Одни из любимых мест для художников – улицы старой застройки. Они сохранились на улицах Климова (бывшая Береговая, т.к. располагалась вдоль берега реки Тобол), где атмосферу прошлых веков создают старые деревянные дома, Советской (до революции носившей название Дворянская), Куйбышева (бывшая Троицкая). Дом купца Дунаева на улице Володарского (бывший Бакиновский переулок) – образец деревянного зодчества, а также дома Кочешева, известного курганского предпринимателя, издателя и фотографа; купца Кропанина; дом Данилушкина; жилой дом Иконникова; пожарная каланча, являющаяся одним из символов города; дом декабриста Нарышкина; здание общественного собрания, в котором в свое время жил декабрист Лорер, запечатлены курганскими художниками - живописцами Вячеславом Пичугиным и Эдуардом Алексеевым, графиком Натальей Якушиной и акварелистами Ольгой Луцко и Натальей Кожевниковой.

Ансамбль центральной площади города – одно из самых интересных и архитектурно привлекательных мест Кургана. Площадь, застроенная в послевоенные годы, стала достопримечательностью областного центра. Не случайно, что многие художники обращаются к ее видам. Так, вид из мастерской Станислава Кежова послужил художнику основой для создания произведений цикла «Четыре взгляда из мастерской». Здания, входящие в градостроительный ансамбль площади, мы видим и в цветной гравюре Виктора Левина («Площадь Ленина. Салют»), и картинах Станислава Кежова («Натюрморт на улице Ленина») и Андрея Садова («В Кургане дождь»).

Шадринск – город, второй по численности населения после областного центра, основанный в XVII веке, когда русские землепроходцы приступили к освоению сибирских и дальневосточных земель, также не остался без внимания художников. Купеческий районный центр с его старыми улочками, памятниками архитектуры стал объектом внимания в графических листах и живописных холстах шадринских и далматовских авторов – Виктора Долгушина (серия «99 видов Шадринска и окрестностей»), Веры Пахотиной («Усадьба Густомесова»), Юрия Кислицына («Шадринский дворик»), Сергея Брагина.

Православная архитектура зауральского края – отдельная тема в творчестве художников. Особое внимание авторов привлекает Успенский Далматовский мужской монастырь, крупнейший каменный ансамбль и первый по времени возведения каменный монастырь Урала и Сибири, являющийся объектом культурного наследия Российской Федерации. Храмы монастыря и Далматово предстают в акварельных произведениях Натальи Кожевниковой («Храм святого Николая») и Ольги Луцко («Успенская площадь Далматово» и интерьер церкви иконы «Всех Скорбящих Радость» в Успенском Далматовском мужском монастыре), живописных работах Юрия Кислицына («Звон колоколов») и Сергея Брагина (серия «Монастырь»). Храм Александра Невского в Кургане еще до реконструкции написан Вячеславом Пичугиным («Собор Александра Невского»), а интерьер кафедрального собора Кургана – в акварельном произведении Ольги Луцко. Кафедральный собор Александра Невского считается одним из самых красивых зданий Кургана и занесён в Британскую энциклопедию как выдающийся памятник архитектуры. Деревянный храм конца XIX века в честь явления Казанской иконы Пресвятой Богородицы в селе Чимеево, одном из главных духовных центров Урала и Зауралья, – в акварельных произведениях О. Луцко; Спасо-Преображенский храм в селе Батурино – на картине А. Садова; новый Богоявленский собор – в живописном холсте Э. Алексеева.

Для наших художников постоянным источником вдохновения становятся события и природа Зауралья с ее неброской, но такой трепетной красотой.

ЗАУРАЛЬСКИЕ
ХУДОЖНИКИ
К 78-ЛЕТИЮ
КУРГАНСКОЙ
ОБЛАСТИ

Кислицын Ю.М. Портрет К.Д. Носилова

Пахотина В.А. Дом скорняка Смирнова

Евлентьев Б.К. Портрет художника Илюшина В.Ф.

Травников Г.А. Вечер у Нарышкиных, 1984

*Морозов А.А.
Портрет доктора
медицинских наук Г.А. Илизарова*

Годин Н.А. Мальцев Т.С., 1978

Орехов Б.Н. Портрет архимандрита Антонина (Капустина)

Алексеев Э.К. Новый храм на старой улице, 2017

*Брагин С. Из серии «Купеческий Шадринск».
Николаевская церковь, 2017*

Садов А. Первый снег. Улица Советская (Дворянская)

Якушина Н. Городское общественное собрание

Кежов С.А. Дом Кочешева, 1995

Ланина Ф.И. Портрет Светланы Капаниной

Луцко О.В. Надвратная церковь Иоанна Богослова. Успенский Далматовский монастырь, 2019

*Тимофей Невежин – основатель города Кургана.
Скульптор – Ольга Красношеина*

*Патраков А.И.
Шадр И.Д. (1887–1941).
Медаль. Аверс. 1985*

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

КРАСКИ ДЕТСТВА

Давай представим, что с тобой
Мы детство нарисует,
На лист бумажный ляжет слой –
Мы красками колдуем:

Улыбки и смешки возьмем,
Раскрасим ярко-желтым,
А счастье – солнцем над землей
Сияет позолотой.

Мечты запустим в облака
Небесной акварелью,
Ты погляди, как гладь чиста,
Ведь дети в сказку верят.

Здесь, в центре, набросаем дом
Коричневых оттенков,
Он теплый – мама с папой в нем,
И ты на их коленках.

Окошки выведем тотчас
Зеленым, толстой кистью –
Ведь в них надежда, там ждут нас
Под счет опавших листьев.

А возле дома пусть цветы
Зардеют смело красным,
Это любовь, в которой ты
Рос сильным ежечасно.

Смотри, как вышло полотно,
Добром и светом дышит.
Давай оставим на потом
Цвет серый, черный, слышишь?

Не будем детство омрачать,
Лишь счастьем дни наполним.
И лет так в девяносто пять
С улыбкой краски вспомним!

ПЕРМЯКОВА
Екатерина Викторовна

Родилась 23 июля 1984 года в г. Кургане в семье заводчан (родители работали на ОАО «Курганмашзавод»). Окончила технологический факультет Курганского государственного университета. Работает на заводе по специальности.

Первое стихотворение написала в 12 лет. Первая публикация – в 17 лет в местной газете. В творчестве преобладает любовная и пейзажная лирика, стихи для детей.

Активно заниматься творчеством начала с 2018 года. Тогда же сразу стала победителем областного конкурса «Слово о Человеке Труда».

Член Курганского регионального отделения Совета молодых литераторов. Живет в г. Кургане. В 2020 году впервые стала победителем X Всероссийского открытого литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» в номинации «Литературное творчество для детей: стихи» (г. Орел).

Многочисленный призер и лауреат конкурсов в городах Саранске, Орле, Санкт-Петербурге, Москве, Ярославле и в других.

ДОЧКА

Шаг-шажок, идем по тропке,
В такт сандалики стучат,
Долгожданные обновки
В ушках искрами блестят.

Ты идешь – такая дама! –
С красной сумочкой в руке,
И косички под панамой
Разлетаются в прыжке.

Брови вдруг нахмурил грозно,
Отмахнешь рукой жука.
Как же хочется стать взрослой
В свои целых три годка!

Вскинув голову на небо,
Щуришься, ловя лучи,
И на солнечном просвете
Так нежны твои черты.

Остановишься, уставши,
Ручки ты протянешь мне,
И затихнет день увядший
На моем родном плече.

СТРЕКОЗА

Погляди, у вертолета
Нет кабины и пилота,
Но зато большой запас
Разноцветных, зорких глаз!
На лету проворно может
Комаров ловить и мошек,
Вьется вбок, вперед, назад
Озорница-стрекоза!

ВОСЬМИЛЕТКА

Мне восемь лет. В разгаре лето,
Оно звенит, несется вскачь,
По ветру юбка льется цветом,
Во рту конфета, в сумке мяч.
Обую лаковые туфли –
Налюбоваться не могу!
Пустяк, что ноги в них распухли

И жмут в июльскую жару.
Лечу стремглав навстречу солнцу,
Я всех счастливей на земле!
Пусть вслед унылый усмехнется –
Мой каждый шаг навеселе.
Хочу набрать букет из радуг
И пышнотелых облаков
И с головой с разбегу падать
В благоухание цветов.
А с Настей, боевой подружкой,
Лепить куличик на обед.
Класть зуб молочный под подушку,
Ждать чуда. Ведь мне восемь лет.

УСЫ

Зачем всем дедушкам усы?
Чтоб греть холодные носы,
Играть с внучатами в пирата?
А может, ими щекотать,
Когда внучатам грустновато
Иль бабушка начнет скучать?
А вдруг усы – волшебный лес,
Где много сказок и чудес,
И перед сном играют пьесы
О гномах, замках и принцессах...
Или в усах, завесив рот,
Удобно прятать джем и торт?
Но отвечает дед: «Усы
Растут под носом для красы».

КОШКА

Хорошо у бабушки
На цветущей даче:
Гусеницы, бабочки,
Комары чудачат,
Солнце отражается
В здоровенной бочке,
На земле качаются
По ветру росточки.
Внуки босоногие
Бегают меж грядок,
Лица краснощекие
У шальных ребяток.
Вдруг устали, замерли
И умолкли разом:

Кошка сероглазая
Светлого окраса!
Разлеглась у яблони,
Лижет важно лапку,
Захотели баловни
Кошку взять в охапку,
Почесать за ушками
И потрогать хвостик –
Славно, что средь ужина
Забрела к ним в гости!
Ходит и мурлыкает,
Трется белой спинкой,
Ребятня хихикает,
Гладит животинку.
Тарахтит красавица,
Хвост свернув в колечко.
Смотрит, улыбается
Бабушка с крылечка.
Некогда теперь скучать –
За пушистой слежка,
Стали кличку подбирать
И решили – Снежка!
Дети дружно, весело
Разыгрались с кошкой,
Вмиг накуролесили,
Потоптав картошку.
К пояску короткому
Привязали бантик –
Снежка лапкой ловкою
В пасть дразнилку тянет.
Внуки с буйной радостью
Провожали вечер,
Думая о завтрашней
Снежношерстной встрече.

РЕКОРД

Я решил сегодня твердо,
Встав пораньше, в шесть утра:
Буду выдавать рекорды –
Закаляться мне пора!
Заглянул я в шкаф и с полки
Взял спортивные трусы,
Чтобы было больше толку –
Съел кусочек колбасы.
В ванной таз нашел я медный,
Ледяной налил воды...

Вдруг я стал внезапно бледным:
– Мама, мама, – помоги!

Мама в комнату вбежала,
Стала охать и вздыхать:
– Ну-ка, марш под одеяло,
Нужно больше отдыхать!

Я лежу в кровати теплой,
Пью с малиной молоко,
Оказалось, что рекорды
Ставить вовсе не легко!

АППЕТИТ

Маленькая Анечка
Кушать любит прянички,
Суп, котлеты, леденцы,
Кашу с маслом, голубцы,
Пироги и запеканки
Уплетает спозаранку.
Удивляется Анюта,
Доедая быстро блюдо:
– То ли ложка большевата,
То ль тарелка маловата?

Над тарелкою пыхтит,
Знать, хороший аппетит!

КОНФЕТЫ

Дома сладкий аромат,
Громко фантики шуршат
На диване, под столом,
Под комодом, под ковром.

Даже в мамином халате
Фантик с ярким уголком,
А коробка без конфет...
Мама говорит: «Обед!»
Но не в супе, не в салате
Тех конфет в помине нет.

И стоит салат и суп,
И болит у папы зуб,
У детей болит живот –
Вот у мамочки хлопот!

И теперь в конфетный фантик
Нос никто и не сует.

ПРОСТУДА

Поселился в голове
Человечек в валенках,
Топчет утром, днем, во сне
По вискам упряменько,

Кипятит свой самовар
Так, что уши красные,
И в висках репертуар
Твердыми согласными.

Угощу его медком,
Заварю шиповника,
Чтобы стал уютней дом
Человечка-гномика.

Он поймет меня: в ответ
Полежит на коечке...
Боль утихнет в голове –
Я вздохну легонечко.

ПОБЕГ СМЕРТНИКА САМОЙЛО

БОЕВИК С УРАЛА

8 апреля 1909 года из Курганского тюремного замка бежал строго охраняемый и закованный в ножные и ручные кандалы арестант Самойло. Этот побег был примечателен тем, что если ранее из этой тюрьмы бежали уголовные арестанты, то на сей раз побег совершил арестант политический.

Михаил Львович Самойло в конце 1907 – начале 1908 года являлся одним из главных деятелей революционного подполья в Кургане. Прибыв со своими боевыми товарищами с Урала, он вместе с местными эсерами, а также с группой социал-демократов во главе с супругами Шумиловыми составил межпартийный «левый блок», готовивший ряд экспроприаций. Однако осуществлению этих планов помешали жандармско-полицейские органы, выяснив их через свою агентуру. При попытке захватить революционеров на квартире Шумиловых 14 января 1908 г. произошла перестрелка, в результате которой погибли трое жандармов, и сам Самойло был схвачен. Позже погибли два его соратника.

Принадлежность Самойло и его соратников к конкретной партийно-политической организации точно не установлена. С учетом их прибытия с Урала, временной отлучки Самойло в начале января 1908 года в Екатеринбург с целью приобретения зорек (стеклянные трубки с кислотой – Н.Т) для бомб можно с большой долей вероятности предположить их принадлежность и причастность к «Уральскому боевому союзу». Представляя крайнее течение в неонародничестве, эта организация объединила в своих рядах эсеров, вышедших из подчинения

ТОЛСТЫХ
Николай Юрьевич

Родился в 1964 г. в поселке Утес Ивановской области, где окончил начальную школу. После переселения в середине 1970-х годов на родину матери в Зауралье проживает в поселке Варгаши. Учился в Варгашинской средней школе №2. До и после службы в армии работал на Варгашинском заводе противопожарного оборудования. По окончании в 1992 году исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького занялся историко-краеведческими изысканиями. В настоящее время является библиографом-краеведом Варгашинской центральной районной библиотеки.

Печатается в местных газетах, альманахе «Тобол», журнале «Огни Зауралья» и в краеведческих сборниках.

Постоянный участник краеведческих конференций. Провел ряд исследований по истории Варгашинского района.

Принимал участие в подготовке сборников к 80-летию и 90-летию Варгашинского района: «Уголок России» (2004 г.) и «Варгашинские перекрестки» (2014 г.).

ШУМИЛОВА
Александра Матвеевна

областного комитета партии социалистов-революционеров (ПСР). К выходу подтолкнули в том числе расхождения во взглядах на применение экспроприаций. «Уральский боевой союз» ратовал как раз за осуществление всех видов экспроприаций (в казенных и частных учреждениях) и проведение актов индивидуального террора. Применявшие партизанские методы борьбы «лесные братья» под началом

А. М. Лбова состояли в тесной связи с этим союзом либо даже входили на автономной основе в его состав. А в краткой биографической справке об Александре Матвеевне Шумиловой, помещенной в сборнике воспоминаний «На женской каторге», утверждается, что ее судили (кстати, по одному процессу с Самойло) по делу о «лесных братьях». Так или нет, но наиболее вероятно принадлежность Самойло и его соратников именно к радикальному течению неонародничества.

ПИСЬМО В ЖЕНЕВУ

После трагических событий середины января 1908 года оставшихся на свободе членов курганского революционного подполья на какое-то время охватило чувство растерянности и даже подавленности. Нанесенный по их рядам удар казался невозможным. Это явно ощущается в письме из Кургана, отправленном 25 января 1908 года за подписью «твоя Соня» к некоей Фанни Гольдшмидт (Фани Гольдшмит) в Женеву. «Весь комитет у нас провален. Не знаю, что будет», – сообщается в начале письма. А далее излагаются события накануне и во время схватки революционеров с жандармами. Писавшая утверждала, что провал произошел из-за неосторожности, допущенной Самойло. Впрочем, никаких имен в письме «Соня» не назвала. Однако именно про него шла речь, когда она сообщала, что «за господином, который привез из Екатеринбурга оружие и бомбы, следил шпион, из Екатеринбурга же приехавший. Шпион этот заметил каким-то образом, как приехавший господин показывал другим способ обращения с бомбами и браунингами. Шпион, конечно, сейчас отправился за жандармами». «Соня» всего лишь излагала свою версию событий, так как не являлась их очевидцем или участником. Вполне возможно, что она появилась в Кургане даже после произошедших событий и восстанавливала их уже из опроса

От редакции: всего в масштабах России Боевой организацией партии эсеров были совершено 263 террористических акта, убито 2 министра внутренних дел, 33 генерал-губернатора, губернатора и вице-губернатора, 16 градоначальников, 7 адмиралов и генералов, 26 разоблаченных агентов полиции. Взорван член царской семьи великий князь Сергей Александрович.

подпольщиков. О том, что «Соня» не была близко знакома с Самойло и Шумиловой, можно судить по тому, что младшую сестру последней, Валентину Лыткину, первой предупредившей о жандармах, она называет «дочерью хозяйки дома». Оценивая размах последовавших за перестрелкой «страшных репрессий», она явно завышает число арестованных (120 человек), повторяя опять, что «весь комитет провален».

Приведенное письмо «Сони» в Женеву было получено «агентурным путем», через перлюстрацию, и стало известно Департаменту полиции в Петербурге. Но чем закончились предпринятые по нему розыски, в том числе поручение заведующему заграничной агентурой выяснить насчет личности и революционной деятельности Ф. Гольдшми(д)т, к сожалению, неизвестно.

ПИСЬМО В КАЗАНЬ

Не находятся пока что ответы и на вопросы, возникающие в связи с другим добытым тем же агентурным способом письмом из Кургана в Казань. Оно было написано 21 марта 1908 г. и не имело подписи. Адресатом на конверте значилась Антонина Ильинична Краснова, обучавшаяся, скорее всего, в Казани в фельдшерской земской школе, которая указывалась на конверте. Но на втором, внутреннем, конверте была сделана помета: «Для больного».

Это письмо примечательно тем, что в нем затрагивается уже тема побега и подготовки к нему. Испытанное поначалу потрясение от провала теперь сменяется у революционеров поисками способов вызволения Самойло из тюрьмы. Собираются сведения об условиях его содержания в ней.

«Дорогой Гриша, – сообщает неизвестный (неизвестная) из Кургана, – Миша сидит, содержат строго, предполагалось каждый день переводить в новую камеру в предупреждение побега; осуществлен ли такой план администрации, не знаем». Далее за словами, что «о суде ничего неизвестно», последовал выпад против каких-то оппонентов в местной революционной среде: «Петька и всякая другая сволочь благополучно существуют». К сожалению, персональный состав этих оппонентов остается неизвестным.

Главное же содержалось в следующем месте письма. Автор его от лица товарищей констатировал и одновременно предупреждал: «Здесь местными силами ровно ничего сделать нельзя. Если думаешь что-либо предпринять, рассчитай свои силы. Шлем сердечный привет». А в конце письма значилось известие: «Шумилов из тюрьмы вышел и уехал отсюда». Речь шла о Николае Васильевиче Шумилове,

который, будучи из-за болезни помещен в городскую больницу, после случившегося с его соратниками и женой был арестован, но ввиду отсутствия прямых улик против него выпущен из тюрьмы.

Сотрудникам политической полиции даже спустя месяцы не удалось прояснить личность автора письма в Казань. Все так и не сдвинулось далее очевидного и лежавшего на поверхности предположения, что этим неизвестным лицом был «один из участников шайки грабителей, намеревавшихся ограбить железнодорожного артельщика и убивших 14 января железнодорожных жандармских унтер-офицеров». А то, что под Мишей подразумевался М. С. Самойло и никто иной, вообще не требовало применения никакого дедуктивного метода.

РОТМИСТР ПРИСТУПИЛ К ЛИКВИДАЦИИ

Не выявлено сведений, предпринял ли какие-то конкретные действия находившийся в Казани «Гриша» в соответствии с неким планом, и нет подтверждения, не стали ли последующие события следствием этого плана. Зато известно, что 15 августа 1908 года начальник Курганского отделения жандармско-полицейского управления Сибирской железной дороги ротмистр М. В. Заглухинский телеграммой в Иркутское губернское жандармское управление высказал тревогу в связи с прибытием в Курган «нескольких террористов с бомбами, имеющих соучастников в Кургане, [с] целью взорвать канцелярию отделения, отомстив этим [за] убитых [в] январе» двух соратников Самойло. По просьбе ротмистра из Томска были командированы в Курган 4 филера для «быстрой разработки и ликвидации группы».

И хотя подпольщики, как выяснили филеры, вели наблюдение за квартирой Заглухинского, они вряд ли намеревались устранить его путем теракта. Ведь теракт не решал главного – освобождения Самойло из тюрьмы – и, не говоря о риске, отвлекал их силы. Но вместе с наблюдением за квартирой ротмистра подпольщики следили еще и за квартирой мирового судьи, собираясь похитить следственное дело Самойло и Шумиловой, чтобы тем самым затруднить, временно воспрепятствовать следствию и суду, выиграв больше времени для устройства побега.

В ночь с 24 на 25 августа 1908 г. по приказу Заглухинского были арестованы члены отслеживаемой «группы» (В. Марков, Н. Ярошенко, М. Зубкова, Р. Куней, П. Широков, К. Скроба, супруги С. и А. Кучковские). В числе прочего «с ликвидацией всего сообщества» ротмистр поспешил вследствие информации про «таинственные свидания Маркова по ночам с какими-то неизвестными лицами, по агентурным сведениям – боевиками, прибывшими с Урала». Однако именно об аресте последних ничего не сообщается, и куда они делись, нет ясности.

Зажлухинский всех арестованных скопом отнес к эсерам, чему, возможно, способствовало обнаружение при обыске у некоторых именно эсеровских изданий. Вместе с тем Римма Куней и Кирилл Скроба являлись по убеждениям социал-демократами. Из арестованных только пятеро (В. Марков, Н. Ярошенко, М. Зубкова, Р. Куней и К. Скроба) предстали перед судом, а П. Широков и Кучковские за отсутствием улик по данному делу привлечены не были. Судебный процесс окончился оправданием всех подсудимых. Но это произошло 8 мая 1909 г., когда уже состоялся побег Самойло. Таким образом, арестованные, если и участвовали в подготовке побега, после ареста активно содействовать ему уже не могли. Этим пришлось заняться другим членам революционного подполья.

Курганский тюремный замок
(квадрат улиц между нынешними улицами Красина-Горького-Советская-Кирова)

ПРИГОВОР ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Между тем осенью 1908 г. дело о Самойло и Шумиловой было передано из гражданского судопроизводства, «из общей подсудности», в военное, а именно в Омский военно-окружной суд, «с применением к виновности их законов военного времени». Так, 9 ноября 1908 года это дело от прокурора Тобольского окружного суда поступило военному прокурору Омского военно-окружного суда. И тот факт, что, как выяснилось по материалам следствия, Самойло являлся бывшим рядовым 217-го пехотного резервного Кромского полка, мог лишь дополнительно способствовать передаче дела военному суду. Сам процесс состоялся в Кургане, и этим судом 21 февраля 1909 г. Самойло был приговорен к смертной казни через повешение, а Шумилова к 15 годам каторги.

Уже на следующий день, 22 февраля, приговор вошел в законную силу. Поэтому как передача дела военному суду, так и особенно вынесение смертного приговора должны были заставить участников подполья и самого Самойло предпринять все усилия к устройству побега, а после тщательной подготовки приступить к его осуществлению. Этот момент наступил спустя полтора месяца после вынесения приговора. Обстоятельства, которые повлияли на отсрочку его исполнения и тем самым помогли революционерам, будут указаны ниже.

ПОБЕГ

8 апреля 1909 года сразу две срочные телеграммы были отправлены из Кургана в Тобольск. Одну послал смотритель Курганского тюремного замка Ю. Г. Кеммер (Кэммер) тюремному инспектору, вторую – курганский уездный исправник П. А. Росляков губернатору. В них сообщалось, что в 4-м часу утра (у исправника это время названо ночью) бежал из тюрьмы осужденный к смертной казни Самойло путем взлома оконной решетки в камере на среднем этаже. Исправник в конце телеграммы добавил: «Меры к розыску приняты тотчас же мною лично, всеми чинами полиции и воинской команды, часовой стрелял безуспешно, подробно почтой». Губернатор, в свою очередь, телеграфировал о побеге в Департамент полиции в Петербург.

Действительно, в тот же день исправник в рапорте описал в подробностях картину побега. Будучи извещен о нем по телефону смотрителем, он прибыл в тюрьму. Выяснилось, что Самойло «содержался в одиночной камере второго этажа тюремного замка, закованный в ручные и ножные кандалы. Кандалы оказались распиленными стальной пилкой, которая в сломанном виде найдена тут же в камере, где содержался Самойло; кандалы сняты и оставлены в камере же. В окне, через которое проник Самойло, оказалась перепиленной железная решетка в пяти местах. Выйдя из главного корпуса, спрыгнув на тюремный двор, Самойло должен был пробежать таковой и около бани перелез первоначально пали (*забор из заостренных кверху свай – Н. Т.*) за баню, а затем взобрался около восточной наружной стены тюремной ограды на верх таковой и с помощью веревочной лестницы, надетой одним концом на верх пали, спустился вниз, где и скрылся в темноте, причем заметивший на посту военный часовой тень человека произвел выстрел, но безрезультатно».

Из опроса постовых, городских и ночных сторожей следовало, что «вблизи тюрьмы во время побега никаких лошадей, на которых бы мог скрыться бежавший, не было». Вместе с тем выяснилось, что «во время, совпадающее с побегом арестанта, из железнодорожного поселка по направлению в Новую деревню (*Рябово – Н. Т.*) скорой рысью проехал кто-то на лошади в телеге». Исправник командировал туда для розыска пристава 5-го стана Степанова. Одновременно в городе производились обыски с участием полицейских и военных. О побеге было дано знать товарищу прокурора и судебному следователю, которые уже с наступлением рассвета приступили к расследованию. Кроме того, исправник распорядился принять меры подчиненными ему чинами полиции и волостными начальниками для тщательного розыска Самойло в уезде, включая установление «караула из обывателей селений как в самих селениях, так и близ железной дороги». Информация о побеге ушла и в соседние уезды. Но ни в ближайшие дни, ни месяцем и двумя позже задержать беглеца так и не удалось.

Хотя тюремный смотритель Кеммер назначен был в Курган недавно, он на новом месте службу нес довольно ревностно. «Ежедневно при вечерней и утренней поверках, – оправдывался он в рапорте в день побега перед губернским тюремным инспектором Гофландом, – как в моем присутствии, так и через старших надзирателей, производился тщательный обыск и осмотр как самих заключенных, так и камер, причем я лично производил нечаянные обыски и осмотры рано утром на заре, а ночью посещал и посещаю тюрьму, но ничего подозрительного не было обнаружено; и как удалось Самойло добыть себе такую пилу, которой он мог перепилить замок наручников, кандалы и пять концов оконной решетки, тем более что перед его камерой находится постоянно дежурный коридорный надзиратель, для меня пока остается загадкой». При побеге Самойло в своей камере оставил арестантские бушлат, штаны и коты (обувь). Стрелявший в него часовой говорил, что «он бежал через стену около бани в черной одежде». Но при постоянных осмотрах «какой-либо одежды, кроме арестантской, обнаруживаемо не было».

Любопытно, что накануне побега бдительность смотритель усилил. «Жандармская полиция мне передавала, что, по слухам, хотят оказать содействие Самойло для побега из тюрьмы, почему я несколько дней тому назад вновь произвел самый тщательный обыск, как его, Самойло, самого, так и его камеры, но ничего подозрительного или указывающего на (побег) приготовление к побегу, найдено не было». Нельзя было, по уверению смотрителя, «за отсутствием материала» сделать в камере и хранить веревку, изготовленную из кусков веревки и тряпок.

В действиях надзирателей, дежуривших внутри и снаружи тюрьмы, никаких нарушений не обнаружилось. И то, что служивший всего полмесяца надзиратель Москвин при дежурстве снаружи побега не заметил, смотритель объяснил тем, что «во время взлома он, вероятно, был на другой стороне тюрьмы». А старший надзиратель Тарас Киселев, «увидев побег... тотчас дал мне знать, а сам выбежал во двор, где, услышав за оградой выстрел, дал для тревоги еще выстрел из револьвера».

УЛИКИ И ПОСОБНИКИ

По распоряжению губернатора Гагмана в Курган для ревизии тюрьмы и расследования обстоятельств побега Самойло был послан помощник губернского тюремного инспектора Флеров. Смещенный к этому времени со своей должности Кеммер, желая реабилитировать себя, оказывал всемерное содействие. Флеров отметил это в своем отчете: «Он деятельно принялся за выявление лиц, виновных в освобождении арестанта Самойло, что ему и удалось, благодаря чему дальнейшее расследование этого дела получило правильное направление».

Действительно, проявленное Кеммером усердие наконец-то было вознаграждено весьма ценной находкой, которая служила уликой против его бывшего подчиненного. Производя 13 апреля 1909 г. обыск, он в камере, «где содержатся арестанты Павел Ноздрачев, Церетелли и Бредихин, в арестантской книжке, в раздвоенном корешке, обнаружил записку, написанную карандашом. Начиналась она обращением «друг Павел», а заканчивалась подписью «М. Самойло».

«При дальнейшем разборе стертго шрифта, – рапортовал Кеммер, – я разобрал, что он, Самойло, указывает как на сообщника и помощника своего побега на старшего надзирателя Тараса Киселева... и просил Ноздрачева ему писать, адресую письма на какую-то станцию ж. д., названия которой, однако, я разобрать не мог, на имя Михаила Хрусталева, до востребования». Оказалось также, что надзиратель Киселев еще в сентябре 1908 года помог бежать А. П. Казакову и другим уголовным арестантам. Кстати, Казакова полиции удалось задержать 4 января 1908 года в ходе перестрелки с ним и двумя его товарищами. В отличие от случившейся через десять дней перестрелки боевиков-подпольщиков с жандармами она закончилась без жертв с обеих сторон.

Павел Ноздрачев не являлся политическим арестантом. Он принадлежал к так называемым сахалинцам – бывшим ссыльным с Сахалина, которых во время русско-японской войны пришлось эвакуировать в сибирские губернии. Их появление в Кургане и уезде повлекло за собой рост числа уголовных преступлений. Конечно, более чем годовое пребывание в курганской тюрьме позволило Самойло близко познакомиться с ее обитателями из уголовной среды. Его простое (из крестьян) происхождение, солдатское прошлое и, очевидно, в немалой степени личностные качества расположили к нему представителей социального дна, вызвали к нему доверие. Не исключено, что их каналы связи с волей пригодились Самойло. Возможно, узнав сначала о содействии Киселева побегу уголовных арестантов, он сумел затем установить с ним контакт.

Какими бы мотивами ни руководствовался ст. надзиратель Киселев (из корысти или сочувствия, если допустить, что Самойло или его товарищам по революционному подполью удалось его распропагандировать), его роль в деле побега представляется очень важной. Он «доставил арестанту Самойло стальные пилки и веревку и принял

все меры к необнаружению подготовлений Самойло к побегу, для чего взял на вечернюю поверку одного младшего надзирателя Зырянова, тогда как обычно их было 4–5 человек, и отдал распоряжение, чтобы после проверки никто из арестантов не подходил к окнам и на двор не смотрел, дабы этим не привлекать внимания часовых».

Вместе с запиской, изобличившей Киселева, Ноздрачеву от Самойло были переданы стальные пилки, которые еще до обнаружения записки, на другой день после побега, Кеммером «при тщательном обыске и были найдены в камере, где сидел Ноздрачев». Уволенный от должности, Киселев был сразу же арестован. В числе виновных оказались и другие надзиратели. «Стоявший на посту в среднем коридоре с 6 вечера до 1 часу ночи Владимир Михайлов, который, по показанию надзирателя Зырянова, имея предупреждение зорко следить через волчок за Самойло, не мог не видеть, как Самойло пилил решетку, и стоявший на наружном посту на дворе в указанное же время младший надзиратель Александр Москвин, который, по показанию того же надзирателя Зырянова, имея приказание ходить только по одной линии против окон камеры, где был Самойло, а не вокруг тюрьмы, должен был видеть, как Самойло распиливал решетку и вылезал наружу». Как и Киселев, Михайлов с Москвиным подлежали преданию суду.

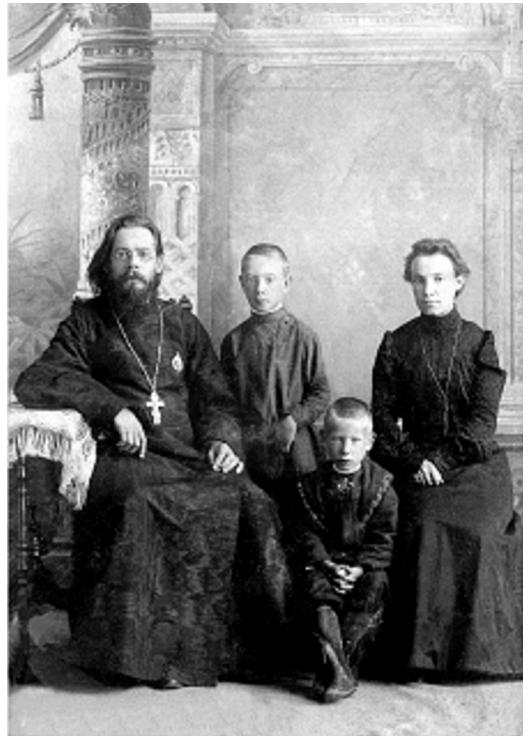
Жандармскому ротмистру Заглухинскому по своим каналам удалось выяснить, что «в деле устройства побега принимал деятельное участие (прислал английские пилки) выпущенный из курганской тюрьмы» 18 октября 1908 года Георгий Сиявский. Причастный к деятельности революционного подполья еще с периода революции 1905–1907 гг., Сиявский в тюрьме «отбывал наказание, наложенное по суду за расклейку и разбрасывание прокламаций в Кургане». Думается, недавний сиделец вполне мог передать указанные пилки сначала Киселеву, после чего они оказались у Самойло, потом у Ноздрачева.

НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЕ МЕДИКИ

В поисках пособников побега, очевидно еще не подозревая или боясь представить среди них своих подчиненных, смотритель Кеммер сразу после побега в рапорте обратил внимание на поведение медицинского персонала тюремной больницы. По его мнению, тот всячески потворствует политическим арестантам, чтобы всемерно облегчить их положение в тюрьме. «Тюремный медицинский персонал старается всеми силами удержать всех политических в больнице, хотя таковые в лечении, по моему мнению, совершенно не нуждаются, и я уже 3-х арестанток (*Р. Куней, А. Кучковскую и М. Зубкову – Н. Т.*) перевел в каменный общий корпус и также двух арестантов, Ярошенко и Маркова, разместив их, по возможности, на одиночке». Сделал это смотритель вопреки возражениям доктора Николая Семеновича Когана, уверяя, что арестанты «совершенно здоровы, а их болезнь служит лишь отговоркой для доставления им большей свободы и облегчения им тюремного режима». Вряд ли врач и фельдшер пытались таким же способом облегчить положение Самойло и Шумиловой. Режим их содержания был гораздо строже, и, полагаем, о попытках его облегчить медперсоналом смотритель не забыл бы упомянуть. Коган, совмещая должности городского и тюремного врачей, посещал тюрьму 1–2 раза в неделю. Фельдшер и акушерка Л. Ф. Глубоковская работала также в обеих больницах. На нее Кеммер получил «от жандармской полиции весьма неблагоприятные в политическом отношении сведения».

**Священник ВОЛКОВ
Македоний Иванович с семьей.
Именно он исповедовал
идуших на казнь**

Позже сведения о потворстве медперсонала курганской тюрьмы политическим арестантам и даже об их посредничестве между последними и революционным подпольем дошли до Главного тюремного управления в Петербурге. 8 мая 1909 г. его начальник в отношении под грифом «совершенно секретно» сообщал тобольскому губернатору: «... медицинский персонал Курганской тюремной больницы, пользуясь свободным доступом в тюрьму, служит передаточной инстанцией между неблагонадежными лицами гор.

Кургана и политическими заключенными. Врач тюремной больницы Коган делает для политических арестантов всякие поблажки, большая часть их находится в больнице, где пользуются лучшей пищей и большей свободой. Фельдшерица Лидия Филологовна Глубоковская, по отцу Рудакова, дочь бывшего главного инспектора Восточной Сибири, по мужу жена офицера, при появлении своем в комнату, где находятся политические заключенные Рим[м]а Куней, Анфиса Кучковская и Зубкова, удаляла тюремную надзирательницу и оставалась продолжительное время с этими лицами наедине. К Рим[м]е Куней в течение целого месяца допускалась женщина (зубной врач Пильман под видом лечения зубов) и приносила в тюрьму всяческие инструменты». Вся эта информация сообщалась для принятия мер «на распоряжение» губернатором.

Впрочем, еще до сигнала из Главного тюремного управления меры властями уже стали приниматься. 1 мая 1909 г. должность тюремного фельдшера была упразднена, а после увольнения 1 июня Когана обязанности тюремного врача исполнял уездный врач Дьяконов. Для зубного же врача Пильман последовало запрещение пропускать ее в тюрьму.

СУДЬЯ ПОД КОЛПАКОМ, А ПАЛАЧИ ЗАБАСТОВАЛИ

На некоторое время под сильным подозрением в связи с побегом Самойло оказался мировой судья 1-го участка Курганского уезда Федор Александрович Коротков. Поводом же послужила передача им 1 апреля 1909 года посылки для Риммы Куней, служившей у него письмоводителем. Посылку эту прислала из Томска ее сестра Мария, ранее также служившая в той же должности у Короткова. Сестры вместе ссылались в Курган за политическую деятельность. Кстати, в писцах у Короткова

служили в разное время Никита Ярошенко (под именем Андрея Исакова) и Георгий Синявский – активные нелегальные деятели. Уже одно это заставляло обратить пристальное внимание на мирового судью.

Во вскрытой и осмотренной в присутствии Короткова посылке поначалу вроде бы ничего подозрительного не нашли. Однако позже Р. Куней попросила надзирателя передать в камеру для осужденного Самойло коробку печенья и пасхальное яйцо. Тогда при более тщательном осмотре яйцо «оказалось проколото с двух концов, причем эти проколы были чем-то залеплены, а при вскрытии яйцо оказалось наполнено шоколадом». Однако подозрения о возможном содержании в шоколаде яда не подтвердились экспертизой. Мировому судье Короткову удалось дать убедительное объяснение своим посредническим действиям в передаче посылки и тем самым избежать репрессий. «Неопровержимых же данных в принадлежности Короткова к левым партиям нет», – констатировал новый курганский исправник А. Вольский. Как раз недонесение своевременно об инциденте с посылкой сыграло свою роль в отставке его предшественника Рослякова.

Наконец, в совокупности всех усилий, приведших к успешному осуществлению побега, наряду с участием членов революционного подполья, надзирателей и тюремного медперсонала нужно учесть еще и поведение палачей Толстикова и Сайдакова. Исполнявшие смертные приговоры над уголовными заключенными, они заявили о нежелании участвовать в казни Самойло как политического арестанта. Отказ свой они повторили неоднократно, даже после присылки им денег за прежние казни и обещания «особого вознаграждения» за казнь Самойло.

Забастовка палачей, конечно, давала время и возможность более тщательно подготовить побег. Правда, была ли проявлена сознательность палачами или здесь не обошлось без влияния на них со стороны, остается под вопросом.

Не обнаружив Самойло сначала в ходе обысков и розысков в Кургане и уезде, полицейским и жандармам пришлось расширить их границы. Им потребовались не один и не два месяца, чтобы напасть на след Самойло. Но поведать об этих событиях надеемся уже в другой публикации.

ПОЭЗИЯ. НОВЫЙ АВТОР

ВОСПОМИНАНИЕ

Зимний тот день
вспоминал ветеран,
танк догорал, и оглохла планета...
Память войны заржавевший капкан,
душу щемя, снова ставит!

И с ветром
рвались снаряды, декабрь стонал!
Друга слова оживали, как раны:
«Ты довоюй, довоюй, – он шептал, –
за нас двоих, умираю я рано!»

Ягод рябины застывшая гроздь
и белый снег,
как уснувшая вечность,
россыпи льдинок,
как капельки слёз.
И тишина – замороженной песней...

Выстрелы смолкли,
полвека – как сон,
и вороньё
над тем местом не кружит.
И только память
тот выжженный стон
вновь возвращает
с декабрьской стужей.

Майской порой зашагает парад,
и по дорогам военных распутиц
память ведёт тех,
кто званье «солдат»
выстрадал общностью
веры и судеб!

Красных тюльпанов алеет огонь,
снова разбуженной,
вырвется песня!
И преклонится море знамён,
души ушедших вызвав из пепла!

БОЧКАРЁВА
Светлана Владимировна

1963 года рождения, учитель английского языка в гимназии №19 г. Кургана, кандидат философских наук. Обладатель Литературной премии Губернатора ЯНАО в номинации «Краеведение», участник Ямало-Ненецкой конференции писателей Ямала. Автор трех сборников стихов.

Публиковалась в различных журналах и газетах Челябинска, Ямала, Екатеринбурга. Во Всероссийском конкурсе «Педагогические инновации-2008» ей вручена медаль «Вдохновение» за поэтический сборник; победитель открытого городского конкурса литературного творчества «Автор!» (Салехард) в жанре «Стихотворение» (2011); лауреат заочного тура Всероссийского заочного конкурса «Никто не забыт и ничто не забыто» («Гринландия-2015»: номинация «Поэт»); полуфиналист конкурса «Герои Великой победы» (2016).

Имеются авторские песни на канале ЮТУБ.

СЕВЕРНЫЙ РОМАНС

Распушится осенняя грусть,
зайчик солнечный в луже лоя,
и бруснички бордовится куст
с подмороженной каплей дождя.

Музыкант их услышал мотив,
записал на осеннем листе.
С журавлиным курлыканьем стих
полетел, полетел, полетел...

В нашу душу с утра он впорхнёт,
по намокшей траве, не спеша,
и по россыпи клюквенных нот
зашагает бродяга-душа.

И природную мудрость вобрав,
предполярною ночью не спит.
Вариация северных трав
в ней звучит, в ней звучит, всё звучит.

Пусть осенняя песнь коротка,
тундра дарит палитры аккорд,
и мажором осенним строка
встретит ночи полярной минор.

А полярною ночью мотив
вас согреет романсами трав.
Музыкант, разгадавший их стих,
ты был прав, ты был прав,
сто раз прав...

ДОРОГА

Вроде бы есть день, вроде бы есть дом,
Тихо войдёт лень, явь обманув сном...
Южный мигнёт крест: «Не тормози, друг!
Много ещё мест, не замыкай круг!»

Дорога свернёт чуть-чуть,
времен разрывая плен.
Осилит идущий путь,
прогнав суету измен.

Вроде бы есть роль, вроде бы Ты есть,
Только щемит боль – странной любви смесь.

Тайный мерцал знак, и тишину слов
Двое поймут – так дарит любовь Бог!

Дороги бегущей даль,
и кажется, в прошлом – всё!
И позади – печаль,
Любовь впереди ещё!

Вроде бы есть мысль, вроде бы есть суть,
Только в пути – смысл, а человек – Путь!
Там впереди – свет, рядом всегда Бог!
Сколько ещё лет, сколько ещё строк!

Дорога найдёт ответ
и вечный вопрос вернёт,
Подскажет «да» или «нет»
и нас позовет вперед!

ЛЕГЕНДА

Создать легенду, рисуя строчку,
не витиеватый и мелкий бисер,
а чтобы пела, как гимн пророчеств,
пронзая дыры в небесной выси!

На долю время опережая,
пускала корни в былинный эпос,
связь поколений предвосхищая,
загадкой стала иль тайной века.

Создать легенду, где Хронос – автор.
И гроздь гипербол, на факт нацелясь,
В тон обрамляет. И скоро ахнут
Года (вот так же нотка рождает трели)...

Мы ж, приближаясь к истокам бывшим,
мазки стремимся убрать, как накипь.
И восхититься полоской истин –
изящной, чистой, простой,
как «фактик»,

что любопытен и мудр глубоким
подтекстом тени иль тайным смыслом.
Поются старой легенды строки,
в ней чувства вечны вещают мысли.

РОССИЯ

*Умом Россию не понять,
аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
в Россию можно только верить.*
Ф.И. Тютчев.

Ведут тропинки узкие
в чащобы ли, в дубравушки,
бегут дороги русские –
всё кочки да ухабушки.

Трудна в России долюшка –
то голод, то страдания.
А души просят волюшки,
как ранее, в преданиях!

Так размахнёмся ж удалю,
мы – русские, крепитесь!
Терпенье наше – мудрое,
рука – былинных витязей!

А есть пути окольные,
да в Русь все возвращаются.
Коль в сердце – звуки больные –
в чужбине не ломаются!

Как широка просторами,
так жалостью ранимая,
богатая узорами
да битвами гонимая...

И русские меняются,
шальные деньги – бесовы,
А может, оттеняются,
кто – местный,
кто – не местные?

Ах, Русь моя, доколе же
твой вечный крест – мучения?!
Закалки с нас довольно уж!
Когда же завершение?

Но есть в нас чувства братские,
и как один – дружинушкой
и в будни серы, в праздники!
И враг смущён той силушкой!

В нас много есть и сорного,
тем крепче мы цепляемся.
Гордимся непокорностью,
смеёмся, не ломаемся!

Да ширь полей и реченок,
что горы свернёт в деле-то,
и в остановках меченых
размах даёт предельного,
бурля порой остатками,
даря нужде последнее!

Но в том же темпе катимся,
приняв за глас поддельное.
И, расширяясь ритмами,
мы – максимум, где попадая,
внедряем.
На достигнутом
ломаем снова копыя мы!

Тропинки всё теряются:
та – врозь, а та – заросшая,
и путники всё маются,
тяжка сума дорожная...

Не выбери чужбинную
среди топтанных, нехоженных,
А выбери целинную,
с судьбой российской схожую.

РОЛИ

Мы все играем чью-то роль,
судьбой ведомую иль Богом.
И ищем жизни смысл и соль.
Нас ждёт с развилками дорога.

Порою манит пустота,
и нужно быть ничьим до боли,
но свет упавшего креста
нас к вере возвратит, как к воле.

В нас Гамлет Ричарда зовёт,
а Ричард призывает к Богу.
И мы опять спешим вперёд,
к развилкам нового порога...

Река и горный перевал
нас вдохновляют на софизмы,
но иногда на гребнях скал
мы ищем брошенные мысли.

И взмахом поднятой руки
диктуем власть толпе зовущей,
и разбиваем на куски
в душе кристалл любви поющий.

Мы все играем чью-то роль,
кто знает, где таится наша...
С улыбкою играем боль,
страдания вливая в Чашу.

Кто знает, в чём Грааля суть?
Быть может, в смеси многогранней?
И вот играем... как-нибудь
и ад, и рай, и чувств бескрайность!

НИОТКУДА

Под звуками времён и песнями Вселенной
рождались в сотый раз шальные голоса.
И кто-то пел во тьме, свои сжигая нервы,
А кто-то лишь молчал и отводил глаза.

И падал белый снег, искрясь под фонарями.
И бликами потерь мерцали небеса.

Играли свою роль в той пёстрой жизни-драме
какие-то слова, цепляя душу за... –
за струны вечных битв и будней расстаянье,
за первую любовь, страданье...

А ветра
сметали вновь печаль. И в белоснежной раме,
как приближенье снов, звучали краски Ра.

Метель кружила свет, дороги заметая,
Но Пилигрим искал тропинок странных след...
И день, вкушая боль и радость, словно тайны,
с терпением любви ждал новых чувств рассвет!

ЖЕЛАНИЕ

(притча)

Ранили как-то солдата в бою лютом и кровавом. Вынесли его санитары с поля боя и тотчас в операционную палатку. Колдовал над ним преклонных лет полковой хирург, опытный и знаменитый в своём медицинском сообществе. Но не смог солдата к жизни вернуть: тяжёлым оказалось ранение, смертельным. Опечалился хирург, поник, пот с лица утирает. Сколько лет со скальпелем воюет, но каждый раз, когда смерть сильнее его возможностей, переживает искренне и принимает это как трагедию и личное горе...

И вот прилетел за солдатом-героем ангел с небес, чтобы на суд Божий его сопроводить. Долго ли, коротко ли добирались они до Царства Небесного, но прибыли к сроку. Натоптана дорожка тем ангелом: сколько землян уже препроводил да всё в один конец... Представил он нашего солдатака Всевышнему.

– Здравия желаю Ваше ... – и осёкся тут вояка, сконфузился. – А вот как обратиться сейчас к Вам, и не ведаю, уж извините ни-жайше...

Улыбнулся Создатель в седую бороду:

– Как звал меня при жизни, так и зови – Господи.

«Так просто? Да у нас на Земле все, кто при чине-звании, то «Ваше Благородие», то «Ваше Сиятельство»! А тут, эко какое дело...» – подумал про себя солдат.

Всевышний по-родительски ласково посмотрел на новопреставленного:

– Просто-непросто, так это как душу свою вложишь. И обращаться ко мне можно на «ты».

Удивился солдат такому обороту, а душе его тепло стало и уютно, как когда-то в детстве на коленях у матушки.

ЧЕРНИЦЫН
Олег Анатольевич

Родился 18 августа 1956 года в городе Нижний Тагил Свердловской области. Служил в Советской Армии. Окончил Уральский политехнический институт. Работал слесарем, учебным мастером, на руководящих должностях общественных организаций и производства. Служил в органах внутренних дел. Лауреат премии «Национальный Олимп».

Печатается в журналах «Берега» и «Тобол», на порталах Православие.RU и «Созвучие» (Литература и публицистика стран Содружества; Минск). Переводился на азербайджанский, английский и сербский языки. Победитель и дипломант ряда региональных литературных конкурсов РФ и ближнего зарубежья. Третье место в конкурсе ОЕВФ Open Eurasian-2016, Лондон. (1450 работ из 40 стран). Финалист конкурса сказок Литературного института имени А.М. Горького в 2020 году. В этом же году издана книга его сказок, готовится к печати книга прозы.

Живёт в Екатеринбурге.

– Всё о тебе знаю, служивый: честно жил, воевал с удалью. В бою первым был и за спины товарищей не прятался. А сейчас всё, родненький, отстрелялся, отвоёвался! На покой пожалуй, заслужил!

– Благодарствую Тебе, Господи! Скрывать не стану: подустал, уж сколько годков в баталиях, и отдохнуть пора! – солдат с почтением поклонился Богу.

– А пока ты ни живой, ни мёртвый, между Царствием моим и Землёй грешной, за геройство своё говори последнее желание и учти, не всем здесь такая почесть!

Подумал солдат и говорит:

– Коли так, прошу тебя, Господи, чтобы сперва ты призвал к себе моих родителей. А потом и за мной посылай, когда пожелаешь!

Изумился Творец такому желанию, осерчал на солдата и даже прикрикнул в сердцах:

– Да как же это так, служивый?! Никогда труса не праздновал, сколько раз смерти в глаза смотрел, а сейчас в кусты?! И ещё для отца-матери смерти просишь?

– Нет, Господи! – солдат честно смотрел в глаза Бога. – Никогда я смерти не боялся и сейчас не спасую! А для родителей своих *не смерти хочу, а горя не желаю...* Сколько лет они ждут меня, а тут такое горе-несчастье.

Помолчал Отец Небесный, посмотрел на солдата внимательно:

– Хорошо! Будь по-твоему! Впервые такое желание слышу: долгих лет родным просят, благополучия, а тут загнул... Что ж, молодец! И здесь оказался на высоте! Поживёшь ещё со своими родителями! Возвращайся!

– Смотрите! Смотрите! – все вздрогнули от крика хирурга, который как замороженный смотрел на умершего. – Дышит!

С нескрываемой растерянностью и удивлением доктор оглядел своих помощников, словно ждал от них какого-то ответа. Все бросились к солдату. И никто не ведал, что это ангел бережно открыл своим белоснежным крылом глаза солдата, по-дружески подмигнул ему и шепнул на ухо: «С возвращением!»

«ХЛЭБ!»

Было это в середине 90-х годов уже прошлого столетия. Подзабылись анекдоты про перестройку и ускорение. Со сменой одного амбициозного лидера на другого, не менее себялюбивого, и распадом СССР перед новой страной стояли новые задачи, главной из которых была задача выжить. Выжить России, выжить её народу. Экономика трещала по швам, Госплан приказал долго жить, ранее могущественные министерства оказались недееспособными, канули в лету партийные съезды и пленумы. Внезапное исчезновение «больших» денег из оборота породило бартерные отношения – нелепые и дикие для некогда мощной во всех отношениях страны, которые определялись примерно так: ты уголь – тебе стройматериалы, тебе металлопрокат – ты бытовую технику, ты водку – тебе тушёнку. Это я рассказываю для тех, кто не застал те «веселые» времена...

Вместе со страной выживало и малое предприятие, в котором в то время я работал одним из руководителей. И хоть оно и имело статус государственного, по сути, государству не до него было. Как говорится, «спасение утопающих – дело рук самих утопающих!» Пожалуй, это был лозунг каждого предприятия, каждого колхоза, даже,

как ни парадоксально, каждой воинской части. И наш тоже. В условиях общего хаоса нужно было организовать стабильное производство, сохранить коллектив и обеспечить реализацию своей продукции, желательно, за «живые» деньги. А для этого надлежало налаживать связи с «державшимися на плаву» её потребителями как в России, так и в бывших республиках СССР.

С этой целью и прибыл к нам «в гости» коммерческий директор таджикского колхоза-миллионера. Сам приехал, чтобы лично ознакомиться с возможным поставщиком и увидеть товар лицом. Дородный мужчина лет пятидесяти, ухоженный, одетый с иголки, пользующийся элитным парфюмом, с золотой печаткой с бриллиантом на мизинце. Два полных рабочих дня он добросовестно посвятил осмотру нашего производства, согласованию сроков поставки и, конечно же, выбиванию лучшей стоимости. По завершении дел гость попросил сопроводить его на железнодорожный вокзал, чтобы приобрести билет для своего дальнейшего следования. Я вызвался стать его провожатым, что в общем-то было логично: я курировал приезд уважаемого заказчика, принимал активное участие в подготовке контракта.

В хорошем расположении духа, ведя непринужденный разговор, мы прибыли на наш свердловский вокзал и направились к билетным кассам. Вдруг мой спутник остановился, переменялся в лице и с криком «Хлэб! Хлэб!» бросился под ноги спешащих граждан. Не понимая, что произошло и почему он кричит, я первым делом поднял из грязной жижи (а дело было в конце марта) его светло-коричневый, под цвет дубленки, натуральной кожи кейс-дипломат, чтобы разношерстная привокзальная публика часом не прибрала его к рукам. В это время наш гость подобрал что-то с мостовой, повернулся ко мне, и в его руках я увидел краюху хлеба, простого серого хлеба. Он держал её в ладонях на вытянутых руках как что-то очень-очень ценное. Солидный импозантный мужчина с ломтем грязного хлеба...

– Олэг! Да это же хлэб! Хлэб! Как же так?!

Не знаю, кто и что мог подумать об этой сцене, но мне стало не по себе. И вот по каким причинам.

Я вдруг реально осознал, что преспокойно, с чистой совестью прошёл бы мимо этой краюхи, если бы был один. И это я – в прошлом занимавшийся «коммунистическим воспитанием молодежи», я – отец двоих детей!

Мало того, поймал себя на мысли, что моей первой реакцией на произошедшее было желание предложить гостю бросить «это дело» и двинуться дальше!

Меня охватил стыд. Жгучий, пробирающий до последней косточки. Мне действительно стало стыдно, очень стыдно. За свой народ и прежде всего за себя...

И надо же было откуда-то взяться этой осьмушке! Будь не столь многолюдно, её давно бы склевали вечно голодные воробышки или голуби или схарчила какая-нибудь собаченция. А тут на тебе – такая оказия!

Наш приезжий стоял с вытянутыми руками и смотрел мне в глаза, словно вопрошая: «Что же вы творите, люди добрые?!»

А я должен был ответить ему за себя, за всю Россию-матушку. Но ответить было не-че-го! И, смотря куда-то под ноги, я, как ученик, не выучивший урок, невнятно пробормотал себе под нос: «Да, бывает ещё... Бывает...»

Видимо, поняв, что более благоразумного ответа не услышит, он, бормоча что-то, направился к зданию вокзала, не опуская рук и держа хлеб в ладонях. Видели бы вы, как он нёс эту краюху! С уважением и трепетом, как пригоршню ледяной

родниковой воды к пересошему рту под раскаленным таджикским солнцем, дорожа каждой каплей спасительной влаги. Подойдя к парапету здания вокзала, он бережно положил хлеб, обдув его и обтерев белоснежным носовым платком...

Немало времени прошло с тех пор. Вспоминает ли тот случай мой таджикский знакомый? А я вспоминаю. И каждый раз при этом меня опять и опять разъедает всё тот же стыд. И страх. Страх перед тем, что случилось с нами и что ещё может случиться. Почему, почему народ, не понаслышке познавший массовый голод в тридцатые годы с миллионами человеческих жертв, карточную систему на хлеб, осьмушки и полушки Великой Отечественной войны, переживший блокаду Ленинграда с его Дорогой жизни и Пискаревским кладбищем, может топтать хлеб в грязном уличном месиве?! А ведь голод не обошёл и мою семью: самой заветной мечтой моей прабабушки во время войны было в полный рот откусить простого чёрного хлеба и досыта накормить им детей!

Всем нам со школьной скамьи прививали уважение к тяжкому труду селянина-хлебороба:

Хлеб – всему голова! Каждую крошку – в ладошку! Хлеб – наше богатство!

Или попривыкли мы к ним, «глаз замылился»? Знали, да забыли? Верно заметил кто-то: «Запомнить трудно, забыть легко!» А что же говорить о «поколении пепси и чипсов»?

Но почему не забыл тот успешный и далеко не бедствующий таджик-коммерсант, бросившийся в грязь за куском хлеба, чтобы спасти его от попиранья? Помнит своё босоное детство в многодетной семье в далеком горном кишлаке? Кстати, так же как и я, «сделанный» в СССР! Или это генетическая память инстинкта самосохранения и выживания, унаследованная от предыдущих поколений его народа, познавшего голод и лишения? А наша-то где?..

Честно говоря, позавидовал я тогда восточному гостю. Его нравственности и верности памяти о том, о чём забывать нельзя. По-хорошему позавидовал. Искренней белой завистью и со скрытым восхищением. С таким же восхищением я наблюдал за уважительным отношением к старикам в южных республиках бывшего СССР, в Китае. За тем, как чтут свою культуру мигранты, заполняющие Россию и Европу.

Так почему *это* произошло с нами? Трудно мне ответить на этот вопрос в полной мере, да это и не цель моего рассказа. Сыты стали, одеты-обуты? Каждый укрылся в собственной толстостенной раковине? Горя давно не было – большого, на всех? (Да и не дай Бог!) Но чтобы его не было, нужно включить память, не терять свои корни и кровную духовную связь со своей историей и друг с другом!

Много раз я рассказывал эту историю своим друзьям, родственникам, детям. Придёт время, внукам поведаю. Честно, всё, как было. Как их дед опозорился (чего греха таить!) на той привокзальной площади.

И каждый раз это будет исповедью и покаянием за мою непростительную забывчивость о святом. А ещё благодарностью тому заезжему таджику за урок – *урок нравственности*.

И наверное, до конца своих дней, как напоминание о чём-то очень важном, я буду слышать из далеких 90-х его крик: «Хлэб! Хлэб!»

МОЛОДАЯ
ЛИТЕРАТУРА
ЗАУРАЛЬЯ-2020

С 1 сентября по 30 декабря 2020 года в нашем крае проходил литературный конкурс «Молодая литература Зауралья-2020». Редколлегия альманаха размещает некоторые из материалов, поступивших на конкурс.

ШАБАЛИН

Андрей Иванович,

ученик 5-го «А» класса гимназии № 31
города Кургана
Наставник – Штейнбок Елена Михайловна

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

Данный рассказ является вымышленным,
и любые совпадения просто случайность.

17 марта 2020 года вдруг и совершенно неожиданно для меня началось дистанционное обучение. Если сказать, что я не понял, как учиться на «дистанте», то не сказать об этом ничего. Вот представьте, что вы

учитесь в четвертом классе в обычной, хоть и одной из лучших гимназий вашего города, ждете весенних каникул, думаете о том, как будете писать ВПР и как в мае пойдете на выпускной начальной школы, и вдруг этого ничего нет. Просто нет. Все отменили. Все, что теперь нам осталось, – это сидеть у компьютера и привыкать учиться онлайн в дистанционном формате каждый день. Было непросто! И то, что на самом деле было не таким большим и сложным, мне казалось почти невыполнимым...

От пережитого я начал вести дневник, где постарался записать то, как я увидел дистанционное обучение... не все было гладко, но это вы и сами можете увидеть.

Из дневника на дистанционке...

День 1. Понедельник. Дистанционный урок.

Учитель: Ребята, сегодня начинается дистанционное обучение. В первый день занятий я вам ничего не задам.

Я ответил: Ура, ура, ура!

Учитель: Позанимайтесь своими делами, а потом постепенно будем увеличивать нагрузку.

День 2. Вторник. Дистанционный урок.

Учитель: Сегодня я, ребята, задала вам 10 страниц по математике, а на каждой странице минимум 3 номера.

Я ответил: Почему так много???

Я думал – постепенно будем нагрузку увеличивать!

Учитель: Еще по русскому языку задала написать сочинение про дистанционное обучение, а по литературе прочитать и составить краткий пересказ того, что мы прошли за 4 года.

Я ответил: Ох... Сколько домашнего задания!

Вот тебе и постепенно увеличили нагрузку...

День 3. Среда. Дистанционный урок английского языка.

Учитель английского: Hello!

Мы классом: Goodmorning!

Учитель английского: Сегодня в честь первого урока английского онлайн я вам задам выучить наизусть всего 3 песни по 10 строчек.

Блинчик, пончик, оладушек!!! Как я это все выучу???

Учитель английского: Пока вспомним, что мы проходили раньше. Будет отвечать Шабалин Андрей.

Я ответил: Сигнал пропал!

Ха! Да, я тут самый умный! Так я успел подумать, пока...

Учитель английского: Я забыла вам сказать: у кого прерывается сигнал, когда я его спрашиваю, автоматически идет 2!

Так! Главное, чтобы родители ничего не узнали, и тогда я смогу сидеть нормально.

Учитель английского: Я вам, ребята, ничего не задаю (кроме трех песен), но Шабалину надо выучить произношение и правописание всех слов на последних страницах учебника, которые мы повторили.

Тут даже мой внутренний голос молчал...

День 4. Четверг. Дистанционный урок музыки.

Учитель музыки: Здравствуйте, ребята!

Мы: Здравствуйте!

Учительница музыки: Ребята, на сегодня я вам задавала выучить песню «Самоизоляция». Итак, первый песню будет петь...

Хоть бы не я, хоть бы не я!

Учитель музыки: Данил будет петь песню «Самоизоляция».

Данил: Извините, но я учил песню «Веселые качели».

Учитель музыки: Ладно, Данил. На первый раз прощаю, но в следующий раз я никому не буду делать поблажки.

Данил (шепотом): Yes!

Учитель музыки: Итак, следующий будет петь...

Хоть бы не я, но если спросят меня, то скажу, что учил песню «Любимка».

Учитель музыки: Итак, петь будет Кирилл!

Кирилл: «Самоизоляция... Самоизоляция, когда запираааешь, когда заключаааешь в квартире ты сам себяяяя»....

Учитель музыки: Стоп! Кирилл, 5.

Кирилл (шепотом): Да, да, да!

Учитель музыки: Итак, достаточно.

Фу-у... пронесло!

Учитель музыки: Хотя нет, еще недостаточно. Шабалин, я слушаю!

Я ответил: «Самоизоляция, самоизоляция, э... мэ...вэ...»

Учитель музыки: Я слушаю!

Я ответил: Извините, пожалуйста, я учил другую...

Учитель музыки: Не хочу слушать извинения, садись, два!

Ну, я и так сидел вроде...

День 5. Пятница. Дистанционный урок физкультуры.

Учитель физкультуры: Ребята, всем здравствуйте!

Мы: Здравствуйте!

Учитель физкультуры: Сколько раз я вам говорила здороваться не здравствуйте, а здрав!

Мы: Здрав.

Учитель физкультуры: Вот так правильно! И сегодня на уроке мы, точнее, вы будете подтягиваться!

Ха! Скажу, что у меня дома нет турника, а то мне как-то не хочется позориться перед всем классом! Точно так и скажу: «У меня нет турника».

Я ответил: Марья Ивановна, у меня нет турника дома!

Учитель физкультуры: Хорошо, Андрей! Я забыла сказать: у кого нет турника – будет отжиматься. ВЕДЬ ПОЛ У ВСЕХ ЖЕ ЕСТЬ? А ну-ка, Шабалин, в упор лежа – и 25 отжиманий!

Я ответил: Один, фу-у, и два... Все!

Учитель физкультуры: Кто сколько раз отожметя, тому и такая оценка. Шабалин, сколько отжался?

Ну, я отжался 2 раза, но скажу, что 20.

Громко ответил: 20 раз! Марья Иванова!

Учительница физкультуры: Шабалин, я все видела! Ты отжался не 20 раз, а только 2 и поэтому получаешь 2!

Ну...пятая двойка за неделю!!!

День 6. Суббота.

Наконец-то выходной! Итак, сегодня я буду делать?... Так, что я сегодня буду делать? А точно, я буду гулять до ночи!

Я сказал маме: Мама, я пошел во двор!

Мама: Сынок, а ты не забыл, что сейчас самоизоляция! Ты же учил песню?!

Я ответил: Точно. Сейчас дома нужно быть! И что я буду делать, мама?

Мама: Уберись в комнате, или помоги мне по дому, или картошку почисти.

Я ответил: Ну, мам...

Мама: Никаких мам! Быстро пошел есть кашу, пока она еще есть в магазинах!

Я ответил: Гречка! Мама, я не люблю гречку! Я люблю манную кашу!

Мама: Так, я что-то не поняла? Гречки сейчас в магазинах дефицит, а ты есть ее не хочешь! А ну-ка, быстро взял и съел! Когда я приду, чтобы гречки не было в тарелке!

Я ответил: Ну ладно, сейчас съем!

Через несколько минут...

Мама: Какой ты молодец, что всю гречку съел, за это можешь поиграть в компьютер! И помни про уроки!!!

Через несколько часов...

Ура! Все, я наигрался! Сколько сейчас времени? 23.00 ч.? Стоп! 11 часов вечера? Я что, весь день проиграл в компьютер? Ну, ладно, это неважно, сейчас пойду спать!

День 7. Воскресенье.

Уже 14:00 дня? Я что, спал 15 часов? Да ладно, это тоже неважно, ведь я сегодня буду опять играть в компьютер! Мама с папой уехали на дачу! Ну все! Я проиграл 8 часов, и хватит, пожалуй. О! Уже и мама с папой вернулись!

Мама: Сынок, а ты сделал уроки?

Я ответил: Ну да...

Мама: О! Учительница твоя звонит!

Из телефонной трубки доносился знакомый голос...

Учительница Андрея: Здравствуйте, Ольга! У вашего сына за пять дней пять двоек!

Мама: Да не может того быть! Он про Кирилла и про Данила рассказывал, что у них по пять двоек за неделю! А про себя говорил, что у него две пятерки за неделю.

Учительница Андрея: Нет, Ольга, у Данила и Кирилла одни пятерки! И почему Андрей не делает домашнюю работу?

Мама: Он сказал, что делал ее весь день! Или тоже обманул?

Учительница Андрея: Примите необходимые меры! До свидания!

Мама: До свидания!

Я сказал маме: Мама, я все объясню!

Мама: Ты мне уже все объяснил! Ждем папу.

А я остался с нетерпением ждать папу. Так закончилась моя первая неделя дистанционного обучения. На второй неделе «дистанта» дневник вести я уже не успевал...

P.S.

Каждый школьник мечтал, чтобы каждый день с самого утра можно было бы сидеть у компьютера! Это была и моя мечта! И еще я мечтал не ходить в школу. Но когда моя мечта сбылась, то реальность оказалась другой. Мечтайте разумно!

КОРОТОВСКИХ Алиса Маратовна,
Ученица 11-го «Б» класса гимназии № 27

КЛАСС ЖИВОПИСИ

А случилось всё, как оказалось потом, из-за того, что в среду с занятия отпустили на полчаса раньше.

На дверях небольшого, насквозь пропахшего тонким запахом красок кабинета скромной художественной школы висела красивая лакированная табличка, на которой сияла гордая надпись: «Класс живописи». Но это название, оказавшееся здесь в какие-то незапамятные времена, когда школе только выделили это помещение, было совершенно бесполезно, поскольку все знали, что находится за этой дверью вовсе не класс живописи, а кабинет Аллы Дмитриевны и её третьеклассников, предназначенный и для живописи, и для всех остальных учебных дисциплин. Но табличка висела здесь уже целую сотню лет и вовсе не располагала к тому, чтобы кто-нибудь когда-нибудь её убрал, поэтому Оленька, приходя в школу каждый понедельник, среду и пятницу, глядела на её непоколебимую уверенность в собственной необходимости с невольным уважением и едва заметно кивала, будто бы здороваясь, как при встрече со старым знакомым.

В кабинете живописи говорили, не забывая при этом приправлять колкими насмешками торжество некоего превосходства, неизменно сопутствующего подобным беседам, о наигранно трагичных ссорах, обманах, пустых интригах, чьих-то чужих встречах и расставаниях, а больше всего – об Илье, единственном мальчике в их классе. Небольшая пёстрая кучка из четырёх-пяти девчонок, занимавших на уроках ближайšie к нему места и смеявшихся его часто совсем неудачным шуткам залихватистым громким смехом, не упускала ни единой возможности обсудить объект их внимания, когда он пропускал занятия или просто выходил на перемене из класса. Кажется, его считали очень симпатичным и невероятно привлекательным во всех смыслах, хотя никогда не приводили конкретных положительных качеств, коими он, по их мнению, обладал, но Оле такие разговоры были интересны меньше всего. Сама она никогда не принимала участия в девичьей болтовне, звонким щебетом разливавшейся в классе, а лишь наблюдала, изредка узнавая для себя что-нибудь новое и забавное и не задумываясь над тем, хотелось ли бы ей присоединиться к обсуждению притворно равнодушным тоном очередных сплетен или высказыванию едких замечаний в сторону чьих-нибудь знакомых.

Гораздо больше ей нравилось, сидя за скрипящим мольбертом, рисовать в пухлом растрёпанном блокноте в клетку. Мама тысячу раз настойчиво предлагала купить специальный альбом с листами из хорошей плотной бумаги, наверняка, как

думалось Оле, мягко и приятно шуршащей под пальцами, но свои полюбившиеся девяносто шесть расчерченных листов были ей намного роднее и привычнее. Страницы любимого блокнота казались словно бы просторнее: иногда на краю листа клетка оканчивалась на своей середине, что предполагало, по убеждению Оленьки, её бесконечное продолжение за границами бумажной поверхности. Она рисовала на перемене яркими мягкими карандашами всё, что только приходило ей в голову или существовало вокруг: цветы, старые дома оттенка дождливых дней, белые, запачканные брызгами акварели шторы и вид за окном, деревья с кривыми ветвями, облака, низенькую оградку у школы, а ещё – людей, выдуманных и настоящих. Особенно здорово выходили те, которые окружали её в художественном классе, хотя их отражения в блокноте мало походили на свои реальные облики. Но зато каждый из них у Оли был изображён в красочных, многообразных оттенках одного цвета, выбор которого в соответствии с моделью и представлял для неё наибольший интерес. На бумаге в мелкую клетку день за днём появлялись неповторимые образы: Алла Дмитриевна с ярким широким платком, небрежно накинутым на плечи, – насыщенно-красная, алая, как пламя жизни и бушующих страстей; тихая, молчаливая девочка, всегда сидящая в дальнем углу и редко радовавшая учителей удачными работами, – бледно-зелёная, с болезненным голубоватым оттенком; стайка болтливых девчонок, переливавшихся, как маленькие рыбки, оттенками насыщенного жёлтого, изумрудного и приторно-розового, среди которых холодным пятном выделялся тонкий силуэт худенькой Вики, всегда видевшейся Оле в тёмных синих тонах. Запутанная, бесконечно разнообразная в своей неопределённости жизнь заключалась для Оленьки в небольшом блокноте, на страницах которого всё было простым и ясным, как цвет.

В среду сам воздух, прозрачный и солнечно-влажный, звучал переливчатым звоном весенней капли. Ранняя мартовская весна бежала с крыш непрерывной, нелепо весёлой мелодией сумасшедшего оркестра, охватившего тянущиеся к горизонту сырые улицы, и текла, текла, переливаясь быстрыми мелькающими бликами, вниз по тротуарам. В этот день Оленьке было как-то удивительно, до замирания сердца весело, когда она шла в тонких промокших ботинках по лужам вчерашнего снега, и хотелось только глядеть на всё большими, наивными, широко раскрытыми глазами и шагать дальше и дальше. Она даже задерживала на несколько мгновений дыхание, чтобы затем вдохнуть ещё больше теплеющей свежести и во весь объём лёгких погрузиться в едва заметные ароматы близкой весны, несущей с собой какое-то неопределённое, трепетное и сладкое ожидание...

Радостная сама не понимая от чего, Оленька сидела в классе за мольбертом, слушая произносимые серьёзным тоном наставительные речи Аллы Дмитриевны менее внимательно, чем обычно, и пропустила момент, когда прозвучало сообщение о преждевременном окончании занятия. Помещение совершенно опустело за пару минут. Обрадованные неожиданно скорым концом урока, предоставившим целых полчаса лишнего свободного времени, девчонки с весёлым щебетом убрали краски, спеша покинуть школу, чтобы вдоволь насладиться первым днём настоящей весны. Торопясь, они неаккуратно мыли кисти, едва не роняли со стуком тяжёлые мольберты, и Оленька тоже спешила, складывая акварель в сумку, и тоже улыбалась, и ей тоже было так весело, торопливо, беспокойно и весело, весело...

Когда она вылетела на улицу, одним воздушным прыжком и взмахом тонких рук крыльев миновав две ступеньки низкого разбитого крыльца, и замерла, почти не

дыша, весь огромный сияющий мир вдруг раскинулся перед нею – чистый, словно вода в хрустальных весенних ручьях, ярко блистающий и звеняще тихий, будто улыбающийся светлой и ясной улыбкой. Каждый шаг через лужи с опрокинутым небом в глубинах звучал лёгким, как дуновение свежего ветра, залившимся смехом, принесённым весной из далёкого дивного края, где всегда светит тёплое бриллиантовое солнце и раздаются звонкие голоса птиц. Оля шла медленно, с пронзительной ясностью вглядываясь в давно знакомые пейзажи стареньких обветшалых домов и деревьев с тонкими беззащитными ветвями, черневшими в прозрачной небесной голубизне, будто боясь пропустить хоть один штрих в светлой акварельной картине весеннего дня, не запечатлеть в открытом и чутком сердце всю полноту его зыбкого солнечного очарования. В эти минуты Оленька, сама не отдавая себе в этом отчёта, была счастлива, так глубоко и безгранично счастлива, как только может быть счастлив человек, тихо созерцающий непрерывное течение жизни.

Внезапно на углу здания школы белоснежное кружево её шагов, вплетавшихся в холодный звон капли, резко и неловко разорвало звучание чьей-то отрывистой широкой походки. Оленька, втайне слегка огорчившись внезапным вторжением в свой маленький мир весенних звуков и образов, оплетённых голубой паутинкой задумчивости, не остановилась и не обернулась, опасаясь окончательно разрушить стройную композицию кропотливо создаваемой мелодии. Она не обернулась и потом, когда знакомый голос где-то недалеко бесцеремонно вторгся в пространство расчерченного на клетки листа её сегодняшнего дня, произнеся нечто, что она почти не расслышала и не захотела услышать. Одинокого сознания, погружённого в неясные туманные размышления, даже не коснулась мимолётная мысль о том, что обращаться могут к ней, – она давно привыкла сидеть в классе незаметно, полностью окунувшись в свой собственный мирок красок, мыслей и цвета, так что порою ей самой казалось, что её здесь и вовсе нет.

Она вздрогнула от неожиданности и взглянула назад через плечо, лишь когда всё тот же настойчивый голос произнёс её имя, раздавшись уже совсем близко. Обернувшись с удивлением, Оленька увидела позади себя один из любимейших предметов оживлённых обсуждений всех девочек – своего одноклассника по художественной школе Илью. Если бы за пять минут до этой встречи её попросили рассказать, как он выглядит, то она вряд ли смогла бы вспомнить что-то конкретное или примечательное в его облике. Хотя Олины одноклассницы могли часами описывать все его неоценимые достоинства, главным из которых якобы была неоспоримая, достигшая, судя по активности её обсуждения, точки абсолютного совершенства внешняя привлекательность, Илья был самым обыкновенным мальчиком четырнадцати лет, даже с несколько великоватым носом и редкими бровями. Поэтому Оленька всегда справедливо считала, что он заслужил такое внимание к своей персоне только тем, что в отделённом от остального мира пространстве класса живописи, занимаемого пятнадцатью непоседливыми девочками, в большинстве своём страшно любимыми романтические сериалы и воплощённую в жизнь мелодраму, он был единственным представителем противоположного пола.

Илья был жутко разбалован таким нескрываемым интересом к своей личности, благодаря чему за три года совершенно избавился от малейших намёков на нерешительность и робость в своём характере, приобретя взамен несколько раздражающую насмешливую самоуверенность, порою граничащую с откровенным нахальством. Всегда, даже во время урока, он говорил громко и развязно, не забывая снабжать

реплики едкими ухмылками и неуместными глупыми шутками, приводившими, однако, верных слушательниц в полнейший полунаигранный восторг, и от всей души наслаждался проявляемой к нему симпатией. Нельзя сказать, что у Оленьки он вызывал отвращение – нет, она любила ребят в своём классе, как любят кошек или маленьких детей, просто так, за то, что они есть. Ей порою бывало весело слушать бессмысленные, но временами забавные разговоры девчонок, вскользь глядеть на их юные лица и рисовать их в блокноте во всех существующих цветах, не задумываясь о том, хорошие ли они люди и что таится глубоко в их непонятных ей сердцах. Так же она любила и Илью – без размышлений об отношении к нему и без причины, а вернее, за то, что он, как и все другие, сидит вместе с нею в классе, за то, что он «свой» и привычный. Это простое наивное чувство любви означало у неё равнодушие, но невероятно тёплое, доброе, с ласковой улыбкой. Она любила так солнце и небо, цветные акварельные карандаши, седую вахтёршу, всех людей и весь мир.

Поэтому, увидев Илью, возможно, впервые в жизни глядящего на неё прямо и осознанно, она, не раздумывая, в ответ ему улыбнулась. Он почему-то страшно удивился и округлил широко распахнутые глаза, но уже через мгновение его лицо приняло обыкновенное слегка высокомерное выражение, и он, к немалому изумлению Оленьки, в грубоватых выражениях утвердительно-тонким изъясил желание пойти от школы вместе с ней. В его словах не прозвучало вопроса, ожидания разрешения – он был твёрдо уверен, что она согласится, просто не может не согласиться, ведь именно об этом, кажется, мечтает каждая из пятнадцати третьеклассниц. И Оля, взглянув на него с искренним детским изумлением, кивнула головой и согласилась. Она никогда не умела отказываться, сама того не понимая и не придавая значения своему недостатку, которым, впрочем, мало кто пользовался. Почти никто не обращал на неё внимания – и она сама не обращала на себя внимания, сама едва ли знала и понимала себя. Она была просто ещё одной маленькой тихой девочкой, сидящей за мольбертом с блокнотом.

Они шли сквозь рождающуюся весну, и Илья без умолку, уверенным и насмешливо-фамильярным тоном говорил что-то бесконечно нелепое о себе, о школе, о друзьях, о своей ссоре с Викой, а Оленька молчала, лишь изредка поглядывая на него, и думала, что его лучше всего рисовать насыщенно-фиолетовым, таким бездумно ярким, странным, глупым и весёлым цветом. Она не слушала его и шла точно так же, как шла до этого одна, с головою погружившись в свои мысли, по-весеннему мимолётные, беззаботные и лёгкие, как ветер, с чьими порывами они улетали прочь. Она не заметила, когда Илья тоже замолк, продолжая идти, неловко сунув руки в карманы и глядя в сторону с досадой и тенью смешной обиды. Они расстались на кромке бордюра у перекрёстка, повернув по привычке в разные стороны и, кажется, даже не попрощавшись. Оленька почти не ощутила его отсутствия, она всё так же шла домой одна, вдыхая тонкий аромат первой оттепели, и смотрела вокруг широко распахнутыми вдохновенными глазами, и мирно улыбалась, и ей вновь было весело, весело...

В свежую, потеплевшую пятницу весна текла уже не быстрым звонким ручьём, а тихой, но широкой рекой, рисуя кружевные узоры на талом снегу и резво сбегая вниз по оконным стёклам прозрачными каплями. Весь урок Оленька сидела со спокойной и ясной полуулыбкой в глазах, против обыкновения совсем не замечая того, что происходит в классе, и не прислушиваясь к громким, резким звукам разговоров не перемене. Сегодня она была необычайно, кажется, как никогда прежде увлечена

работой – рисовали акварельный натюрморт в мягких, светлых тонах с белой, в тонкую сеточку трещинок, изящной вазой и плетёной корзинкой на фоне голубых драпировок. Ваза стояла в неприятном тусклом свете гудящей лампы, и яблоки в корзине были ненастоящие, и девочка, сидящая за соседним мольбертом, то и дело крутила головой, закрывая пышными кудряшками натюрморт, но для Оленьки всё это не имело значения. Вытягивая шею, чтобы лучше разглядеть белоснежное пятно среди синеватой ткани, она легко и быстро касалась кистью листа бумаги, на котором постепенно выступал нежный образ картины. Она ни на мгновение не задумывалась над выбором нужного цвета для сиреновой полутени или серой складки драпировки, а смешивала краски почти инстинктивно, будто рисуя этот натюрморт уже в тысячный раз, но с восторженным энтузиазмом новизны. Оленька торопилась, словно боясь нечаянно развеять странное окрыляющее чувство, окутавшее её невесомой вуалью, – чувство уверенности в важности, осмысленности и красоте, утончённой и неизмеримой красоте того, что она делает. Её рука порхала над мольбертом маленькой юркой птичкой, тихий всплеск окрашенной воды в стакане и бесшумное касание бумаги кистью казались ей дивной неземной мелодией, едва понятные, призрачные размышления, вплетаясь в эти звуки, становились музыкой, а движения пальцев были танцем... Ей хотелось без умолку рассказывать всем вокруг о чём-то неосязаемом и огромном в своём великолепии или просто улыбаться, едва слышно повторяя шёпотом лишь одно тихое, тёплое слово: «Чудо, чудо...»

Не отрываясь от работы во время перемены, Оленька встрепенулась, когда в стороне от неё, чуть впереди, внезапно раздался громкий, грубоватый, пронзительный смех. Он будто разрезал холодным ножом полотно её чудесной картины, будто ненароком разорвал в клочья паутинку неслышной мелодии, залив плавно текущие мысли страшным тёмно-синим пятном. Оля вскинула голову и, мгновенно смутившись, встретила глазами с сидящей недалеко Викой – худенькой девочкой с цепким морозным взглядом и длинными, струящимися вниз, словно невиданные чёрные водопады, блестящими волосами. Яркие губы всё ещё были некрасиво искривлены в притворной усмешке, а голубой взгляд, небрежно, казалось, скользивший мимо, отчего-то остановился на Олином лице и замер, словно заледенев, и всё её тонкое лицо застыло, лишь уголки рта медленно опускались ниже, ниже, ниже... От этого взгляда и красивого, но пугающего лица Оленька невольно вздрогнула, и кисть едва ощутимо дёрнулась в её руке, заставив в испуге бросить взор на картину, слегка испорченную крошечным лишним пятнышком краски внизу. Наваждение тут же улетучилось. Вика рваным движением отвернулась, а Оля, затаив дыхание, оглядывала свою почти оконченную работу – и она была хороша, дивно, чудесно и, кажется, в первый раз по-настоящему хороша.

Когда Алла Дмитриевна громко возвестила об окончании урока, Оленька первой вскочила со своего места и с трепетом, на чуть подрагивающих руках поднесла ещё блестящую свежей акварелью работу к её столу. Учительница взглянула на натюрморт быстрым, профессионально оценивающим взглядом, едва заметно улыбнулась вскользь в знак одобрения и, не поднимая глаз на девочку, размашисто черкнула в журнале угловатую, будто летящую прочь из своей клетки в неведомые и чудные дали пятёрку – первую за долгое время. Оленька неслышно, неудержимо возликовала, а после разрешения Аллы Дмитриевны тотчас забрать работу домой её лицо и вовсе засияло ярким восторженным светом. Неловко, боясь смазать прозрачные краски, она с трепетной аккуратностью долго сворачивала рисунок в трубочку,

чтобы затем бережно, будто святыню, уложить её в сумку, откуда высовывался её бледно-голубой краешек.

Замешкавшись, Оля вышла из класса в числе последних, словно плывя в приятном золотистом тумане безграничного тихого восторга. В эту минуту всё вокруг существовало для неё лишь неясными видениями где-то на границе сознания: ей забылся и звонкий смех девчонок, и Илья, и странный, острый взгляд Вики. Она видела лишь уголок своей картины, видневшийся из наполовину застёгнутой сумки, а счастье, истинное счастье казалось ей прекрасной сияющей птицей с длинными перьями, в медленном полёте скользящей по воздуху впереди неё, но совсем близко, близко!.. И Оленька бежала за ней, почти различая её смутный образ, спускаясь с крыльца по разбитым ступенькам и привычно направляясь по пути к дому оживлённой воздушной походкой.

Она вздрогнула, когда чьи-то тонкие белые пальцы с неожиданной силой больно ухватили её за руку и дёрнули в сторону пустого тенистого двора. Едва не вскрикнув от неожиданности, Оленька испуганно и робко подняла голову и увидела перед собою хмурое, жёсткое лицо своей одноклассницы, взбалмошной и немного дерзкой девочки, одной из тех, что всегда старались занимать на уроках места поближе к Илье. Оля приоткрыла рот, хотела было несмело произнести что-то, но замерла, даже не сделав слабой попытки высвободить свою руку и лишь оглядывая ещё трёх девчонок, молча и будто бы в мрачном напряжении стоявших в тени обшарпанного серого дома. В это мгновение их знакомые, всегда беззаботные и насмешливые лица показались ей до странности чужими. Ледяной страх резко кольнул её острой стальной иглой, и в груди начал медленно и жутко расплзаться холод, не позволявший вдохнуть. Когда одноклассница вновь грубо рванула её за рукав куртки, толкая всё глубже во двор, Оленька, запнувшись, едва не рухнула на колени. Кудрявая, словно задорный пуделёк, симпатичная курносая девчонка, что сидела сегодня в классе недалеко от неё, звонко и вызывающе засмеялась, и Оле, поднявшей на неё взгляд, вдруг почудилась проступающая сквозь её миловидные черты дикая, безобразная серая маска безумного древнего ужаса. В эту минуту Оленька будто пребывала в смутном, тяжёлом сне – ни одна мысль не могла пробиться сквозь вязкую массу ещё неясного, не до конца осознаваемого страха. Она не могла, не понимала необходимости сдвинуться с места и стояла на подрагивающих ногах, не замечая, как её будто бы ненароком окружают, подходя всё ближе. Надо было что-то сказать, ответить, что-то сделать – но что, что?..

Оленька вздрогнула и судорожно выдохнула, когда заметила тоненький силуэт приближающейся Вики. Ей казалось, что девчонки, стоявшие вокруг, прежде чего-то ждали и с появлением этой фигурки разом смешались в нерешительности, и от этого ей стало будто легче дышать. Вика шла быстро и резко, низко опустив голову, отчётливо печатая каждый шаг, и напряжение звенело в её рваной походке натянутой до предела струной. Оля вдруг почувствовала себя ужасно, несправедливо маленькой и беззащитной. Остановившись в шаге перед нею, Вика быстрым, будто конвульсивным движением вскинула голову – волосы рухнули на плечи штормовыми волнами. Оленьку испугало её побелевшее лицо, страшно искажённое всё той же нечеловеческой маской яростного сумасшествия и глухого, чёрного гнева, горящего в ледяных глазах. Этот образ мелькнул перед ней лишь на мгновение, прежде чем Вика с искривлённым в огненном иступлении ртом замахнулась рукою, – и прозвучал звенящий удар. Оленька едва ли осознавала, что случилось, – двор и тусклое небо дрогнули и закружились, сливаясь, у неё в глазах, в ушах стоял беспрерывный незатихающий звон, а левой щеки

у неё будто бы и вовсе теперь не было. Резко, неистово раздался срывающийся крик, и её внезапно опрокинули на землю. Оля не могла разобрать мелькавшие видения и отрывистые звуки – ноги в грязных ботинках, руки, страшные бледные лица, тяжёлое дыхание и приглушённые всплески злого, жестокого смеха. Ей невозможно было ни вскрикнуть, ни попытаться оттолкнуть и отбиться, она словно падала всё дальше и дальше, беспомощно закрываясь окостеневшими в страхе руками, и знала только, что ей больно и что её убивают. Убивают, наверное, навсегда.

Кто-то вырвал у неё сумку, в которую она рефлекторно вцеплялась заледеневшими пальцами. Оленьке казалось, что у неё нет уже ни рук, ни ног, не осталось и её самой, а есть только мутная влажная пелена перед глазами и тупые, по-детски не-сильные, но до слёз жуткие удары. В безумном водовороте пронизывающего страха, увлекающего с собою в беспросветную чёрную темноту, жалко билась лишь одна мысль: сейчас она умрёт, насовсем умрёт, и никто большой, хороший и сильный не придёт и не спасёт её, а последним, что она запомнит, будут эти почти родные, но звериные, изуродованные бессмысленной, глупой яростью лица.

Но, когда она уже готова была остаться здесь навеки убитой почти что без причины, просто за то, что симпатичный и нахальный Илья шёл с нею рядом до перекрёстка, раздался страшный, раскалывающий душу звук рвущейся бумаги. На минуту отчаянные удары затихли, и Оленька с замершим дыханием подняла голову. Вика, бешено сверкая глазами, с пугающе надменной усмешкой держала две части разорванного Олиного натюрморта – первого удавшегося, самого лучшего, прекрасного. Нежно-голубые половинки беспомощно подрагивали в её руках, будто бы слабо вздыхая в миг своей гибели. От вида безжалостно уничтоженной любимой картины Оленьке стало, кажется, в тысячу раз больше, чем от глухих ударов, и она хрипло, сдавленно вскрикнула. Пугающая тьма, что утягивала её в свои бездонные глубины, обрушилась на неё тяжёлой волною, стремительно унося прочь отсюда. Оля судорожным движением вскочила, схватила свою беспощадно распотрошённую сумку и бросилась бежать на подламывающихся тонких ногах с застланным слезами, невидящим взглядом. Вслед ей неслись какие-то неразборчивые, насмешливые, грубые слова, долетая до неё будто в туманном бреду ночного кошмара. Оленька бежала, не оглядываясь, и тёмная, равнодушная бездна нависала над ней ледяной пустотой.

В понедельник она вошла в класс живописи по-особенному тихая, глядя вокруг прямо и безучастно. Она привычно, неслышно села на своё место, сжимая бледные разбитые губы, привычно, неслышно достала растрёпанный блокнот и подняла неосознанный взгляд на окружавших её знакомых, но неизмеримо далёких людей. В кабинете стоял совершенно обыкновенный гул звонких оживлённых голосов и наигранно весёлых всплесков смеха. Девчонки всё так же без малейшего намёка на искренность и честность обсуждали чьи-то глупые трагедии и скандалы, сияя растянутыми фальшивыми улыбками ироничных насмешек, и изредка в их беспрерывный щебет вклинивался неуместной шуткой всё тот же наглый и самоуверенный Илья, вызывавший у слушательниц прежний наивный восторг. И никто, ни единый человек в классе не замечал её, никто не обернулся к ней, чтобы одним словом или мимолётной мыслью, мелькнувшей на закрытом незримой маской лице, напомнить о том страшном и непоправимом, что случилось всего несколько дней назад. А потому никто не увидел, как зияла пугающая, бесконечная пустота в её глазах, полуприкрытых ресницами. Никто, никто этого не понял – и мир, кажется, совсем не изменился.

А Оленька смотрела на ребят будто бы ослепшим, пустым взглядом, с постепенно покидающим её отчаянием пытаясь вспомнить цвета, в каких виделись ей все эти люди, с затаённой нежностью нарисованные ею в блокноте. Розовый, жёлтый, синий, зелёный, фиолетовый... Но теперь, равнодушно осознавала она, все они казались ей бессмысленно и безразлично серыми.

БЕГОНИЯ

– Купите цветок! Смотрите, какой красивый!

– Мне не нужно.

– Купите...

– Ишь ты, морщится! И не надо, не надо! Иди, родимый, куда шёл!

– Ну, зачем же Вы так...

– Да будет тебе, милая! Никто у тебя ничего не купит. Кому ты нужна со своей бегонией?

В мои окна глядит осень. Она пронизывает терпкий, прозрачный воздух ясным и тоскливым привкусом первой прохлады, осыпается, кружась, на землю светлым багрянцем листвы и тонет в бездонных зеркалах луж. Она шепчет о чём-то холодном и призрачном, шелестя порывами ветра в тонкой листве, легким, едва заметным касанием дотрагивается до высоких покатых крыш и обветшалых, дышащих полузабытыми воспоминаниями стен. Осень смотрит затуманенными, дождливыми, заплаканными глазами в пустые тёмные окна.

Я не знаю, зачем тихим пасмурным днём выхожу из дома. Мерно бурлящая толпа течёт привычным потоком, увлекая за собой. Сегодня все кажутся необычно задумчивыми, спокойными и почти призрачными, какими бывают неяркие солнечные лучи, струящиеся сквозь редкую крону деревьев. Всё будто приобретает бледно-золотистые, красноватые, сухие рыжие оттенки... Люди-листья, люди-октябри. Может быть, они все точно такие же, как и я, – просто случайные прохожие, бредущие без цели в никуда?

В низком, полутёмном подземном переходе песчинки времени сыплются медленно, шурша едва слышными отзвуками чужих далёких голосов. У самой лестницы, задевая плечом тусклые нити света, тонкая, почти бесцветная девушка обнимает глиняный горшок с поникшей увядающей бегонией. Рядом невысокая пожилая женщина в огромном мягком пальто в мелкую клетку глядит на неё поверх толстой оправы очков, и доносятся приглушённо, словно издалека, её слова: «Никто не купит, не купит... Кому нужна?..»

Ей, конечно, с лёгкостью можно так говорить. У неё – колючие серые носки, длинные вязаные шарфы и широкие варежки, лежат стройными рядами на перевёрнутых деревянных ящиках. А у девушки – только бегония, печальная, с безмолвно застывшими листьями.

Может быть, вычерчивая на потрескавшейся плитке резкие прямые гулких шагов, я подойду к ней и спрошу – негромко, так, чтобы прерывистые звуки не отдались шёпотом ветра в другом конце перехода:

– Продаёте? – обыкновенный дежурный вопрос, необходимый, чтобы начать такой же обыкновенный, мимолётный разговор, – бегонию?

– Да, – её ответ прошелестит первым прохладным дуновением осени, – никто не покупает.

Лёгкие рыжие кудри волнами речной ряби сбегают по плечам, золотясь в бледных солнечных лучах. Бегония будто едва заметно тянет дрожащие широкие листья к длинным дорожкам света, льющимся сверху.

– Зачем она нужна? – спрошу я.

– Как же? – прозвучит робко, растерянно, – чтобы стояла где-нибудь на подоконнике, дышала комнатной пылью, на солнце грелась. Приходишь домой – а бегония такая печальная, молчаливая... и как будто улыбается тебе, так грустно, едва заметно. Как будто ждала весь день...

Она замолчит на мгновение и, осветив неприметные черты мимолётной бледной улыбкой, добавит чуть виновато:

– Хотя, конечно, глупости всё это.

– Нет, почему же? – брошу я невзначай, рассеянно глядя куда-то вдаль, в грядущие сырые туманы осенней утренней поры, – но ведь это нужно, когда больше ждать совсем некому.

– А у Вас – есть кому?

Прозвучит непривычно отчётливо, ясно в знакомой полутьме с привкусом горчинки раннего увядания. Вскинув голову, я отчаянно попытаюсь взглянуть широко распахнутые тусклые глаза цвета пасмурного неба перед дождём. Наверное, я забуду это лицо уже через пару минут после того, как её смутный облик навсегда останется позади...

– Почему же Вы её продаёте? – украдкой затаив дыхание, отвечу вопросом на вопрос.

– Наверное, время пришло.

– Вы больше не одиноки?

– Да, мне больше так не кажется. Хотя, может быть, я теперь просто не хочу это признавать.

– А я? Вы думаете...

– Не знаю. Но на самом деле мало кто действительно осознаёт своё одиночество, – она поднимет взгляд вверх, пронзая несмелые солнечные лучи свечением бликов на ветреной глади глаз-озёр, и голос прозвучал серебряным звоном первых дождевых капель, – бегония у меня совсем завяла...

– Может быть, это потому, что сейчас октябрь, – тихо скажу я, не в силах оторвать взора от замершей надо мною неторопливой рыжеватой, с оттенком ржавчины жизнью, – знаете, холодает...

– Так Вы возьмёте? – может быть, спросит она медленно затухающим в прозрачных далях голосом, – возьмёте?.. возьмёте?..

Но, конечно, ничто подобное не может произойти в этот странный, полный полузабытых печальных мелодий день. Вместе с тысячью гулких шагов незнакомых молчаливых людей я прохожу мимо, не глядя по сторонам и не замечая маленькой хрупкой девушки с клонящейся к плиточному полу бегонией. Её призрачный, почти пригрезившийся во сне образ, обещавший, возможно, неслучившийся негромкий разговор, промелькнёт мимо ещё одним лёгким опавшим листом и навеки растает в туманных далях октября.

Ведь едва ли кто-нибудь на свете захочет признавать, как он на самом деле одинок.

ВОРОБЬЕВА Анна Олеговна,
ученица 8-го класса
Альменовской средней школы
Наставник – Дахина Аниса Шарифулловна

САД БАБЫ АГАФЬИ

В Зауралье много небольших деревенок. Среди них была одна, в которой жило всего человек тридцать. Деревня хоть и была маленькая, но чистая и нарядная, ведь добросовестные жители ухаживали даже за заброшенными домами и не позволяли никому своевольно выбрасывать мусор в неположенных местах.

Среди этих людей была особо добрая и трудолюбивая женщина. Ну, как женщина... скорее, старушка. Все взрослые звали её уважительно Агафьей Петровной, а дети – бабой Агафьей. Имела она судьбу весьма печальную: был муж – на войне погиб, был сын – попал в аварию, когда возвращался от матери в город. Сноха её знать не желала: детей забрала и уехала далеко. Говорят, в Смоленск...

Все Агафью Петровну очень любили. Как ни зайдешь к ней – всё гости сидят. А коль нет никого – сам на чаёк заходишь. Всегда она советом полезным поможет, словом добрым утешит да приободрит. Дом у бабы Агафьи был самым опрятным и красивым: весь красный, ставеньки зеленые, причудливо расписанные, заборчик весь в узорах, а сад... Сад Агафьи Петровны все жители деревни по праву считали достопримечательностью и в первую очередь показывали приезжим.

Сад был большим, но пустого клочка земли найти в нём было невозможно: куда ни глянь – повсюду цветы, по краям – яблони и вишни, а перед самым забором – заботливо подстриженные кусты малины и жимолости. Каждый год садила баба Агафья невероятное количество красивых необычных цветов, всё лето любовались люди чудесным садом.

Почти все цветы Агафьи Петровны были многолетними, но она никому об этом не рассказывала. Сажая, всегда думала: «Вот умру зимой, а весной мой садик расцветёт – порадует последний раз соседущек».

Долгое время эти мрачные думы не становились явью, но люди не вечны: в одну холодную ноябрьскую ночь баба Агафья умерла. Долго люди горевали. У каждого, кто хоть немного был знаком с Агафьей Петровной, было такое чувство, как будто у него вырвали кусочек души, а пустующее место осталось раной, которая ещё долго не заживёт. В дом умершей решили никого не заселять – пусть так останется.

Весной люди начали замечать, как в саду поднимаются зеленые побеги, распускаются почки на яблонях и вишнях. Вскоре появились первые бутоны и даже несколько робко распусившихся цветочков. «Что за чудеса! Как будто сама баба Агафья вновь садит свои цветы», – говорили люди. Сад с каждым днем становился всё ярче и красочнее. Соседи открывали окна настежь, чтобы запустить чудесный цветочный аромат в дом.

Однажды в ясный майский день вся деревня собралась возле дома Агафьи Петровны. Все восторженно переговаривались и спорили: одни утверждали, что баба Агафья, будучи умершей, сама ухаживает за своим садом; другие говорили, что это кто-то из деревни позаботился о саде, совершив при этом благородный поступок.

Вдруг до сих пор молчавшая соседка сказала: «Вы что, люди?!.. Какой призрак?!.. Какой благородный поступок?!.. Это наша соседushка Агафья сама прошлым летом посадила, чтобы вас, неразумных, порадовать... И каждый год цветы многолетние садила!»

Все удивленно замолчали. Вдруг пятилетний мальчик Артёмка, которому Агафья Петровна заменила бабушку, умершую ещё до его рождения, выбежал из толпы и громко крикнул в сторону сада: «Спасибо, баба Агафа!». «Спасибо, Агафья Петровна», – повторила эхом толпа. У многих на глазах навернулись слёзы, кто-то стоял, глядя в землю и думая о чём-то своём. Люди разошлись только к вечеру...

На следующий год ранней весной все жители снова собрались возле дома бабы Агафьи. Каждый держал в руке либо росточек, либо какой-нибудь садовый инструмент. Все дружно зашли в сад и посадили новые цветы, которые в скором времени расцвели. Возможно, эти люди ещё не поняли, но вместе с принесенными росточками в саду они оставили частички своей души, которые и делали этот сад таким чудесным.

Давно известно, что вещь, в которую вложили душу, будет согревать теплом своего владельца и дарить чувство непонятного счастья, причину которого нельзя объяснить.

Жители решили, что каждую весну будут всей деревней садить цветы в саду у бабы Агафьи в память о самой доброй, честной и приветливой жительнице деревни. Это стало традицией, которая прижилась надолго.

АРТЁМКА

В небольшом городе на севере России, где зимы очень холодные, а лето слишком короткое, жила семья. В этой семье было всего два человека: мать и сын. Мама была тихой, незаметной женщиной с печальными глазами бледно-голубого цвета, а её сынок, малыш лет шести, с постоянно растрёпанными каштановыми волосами, вечно смеющимися ярко-голубыми глазами и щербинкой между передними зубками. Это были две абсолютные противоположности, которые видели друг в друге идеальное сочетание самых лучших качеств и самое дорогое, что есть в этом мире. Лишь когда малыш смеялся, в глазах мамы сверкали искорки счастья. А вечно смеющиеся глаза мальчика, которого, кстати, звали Артёмкой, омрачались грустью только тогда, когда он видел, что его маме плохо. Под словом «плохо» малыш подразумевал либо болезнь, либо душевную тоску, которые часто преследовали его маму.

Город был маленький, и эту семью знали практически все. Такую «знаменитость» мама и сын приобрели благодаря бескрайнему дружелюбию и открытости мальчика, который, идя по улице с мамой, был словно маленькое солнышко, освещавшее всех и вся своей ослепительной чистотой и искренностью, греющих душу каждого прохожего нежным теплом. Семья жила небогато. Их дом стоял на самой окраине, возле

леса, постоянными посетителями которого они были круглый год. Глубоко в лес они не заходили и гуляли всегда днём, потому что мама очень боялась заблудиться, а ещё и темноты. Артём не понимал страхов мамы, потому что был ещё совсем маленьким и не знал опасностей, но он любил маму и во всём слушался её. Темноты мальчик не страшился, ему безумно нравилось выходить во двор и смотреть на бесконечное звёздное небо. Помимо звёзд, единственной страстью малыша была природа, и в особенности растения. Летом он осматривал чуть ли не каждый росточек во дворе и любовно гладил их листики и стебельки, а зимой все кусты и деревца во дворе заботливо укутывал старыми одеялами. Порой, случайно сломав веточку дерева, сильно расстраивался – чуть ли не плакал. Эта любовь поражала окружающих и вызывала бурю гордости в сердце матери.

В тот год Артёмке исполнилось семь лет, и он должен был пойти в школу. Его день рождения был в середине февраля. В этот день малыш получил множество подарков от соседей и просто знакомых. Самым любимым подарком стал жёлтый шарфик, его подарила женщина, живущая на соседней улице, со словами: «Ты наше маленькое солнышко! Надеюсь, теперь ты будешь сиять ещё ярче!» Благодарная мама старалась лично проводить каждого гостя до ворот. При этом она была в одной лишь серенькой кофточке, и сколько ни ругали и ни говорили быстрее зайти в дом, волнуясь за её здоровье, она не слушала. Нет, она не была упрямой или глупой, просто женщина была слишком счастлива в этот день и не обращала внимания на такие «мелочи».

Ближе к полуночи, когда все гости уже разошлись, мама начала покашливать и хрипеть, а потом стало ещё хуже: она стала дрожать, похоже, у неё поднялась температура. Мама залезла под одеяло, но вскоре скинула его и через мгновение опять стала закутываться. Артёмка был рядом и немного боялся. С его мамой такое случалось часто. Люди говорили, что у неё слабый им-му-ни-тет (малыш не знал, что это значит, но понимал, что это что-то очень хорошее, ведь у мамы он был слабым и поэтому она болела). В такие моменты мама обычно брала телефон и звонила кому-то. Через некоторое время к ним приходил человек в белом халате с маленьким чемоданчиком, давал маме какие-то лекарства – и она спокойно засыпала.

Но в этот раз всё было не так: она металась по кровати, иногда что-то кричала. Мальчик пытался подойти к ней, но она, казалось, его не видела. Мама безумными глазами смотрела мимо него, куда-то вдаль и что-то невнятно бормотала. Такого не было никогда.

Артёмка боялся и... очень ждал... Ждал спасителя в белом халате, но он всё не появлялся. В голову перепуганному малышу пришла неожиданная мысль: надо бежать и самому найти его. Поспешно выбежав в прихожую из спальни матери и схватив свою курточку, натянул её на себя и собрался бежать. Но, подумав, он надел ещё шапку, варежки и новый жёлтый шарфик. Артёмка выбежал на крыльцо и сразу сжался: в лицо дул сильный холодный ветер, обжигающий лицо маленькими острыми кристалликами снежинок. Он попытался открыть глаза, но не смог. Малыш решил вернуться, но, зайдя в дом и услышав пронзительный крик мамы, твёрдо решил: «Иду!» Мальчик, распахнув дверь, кинулся в темноту...

Был понедельник. Утром Варвара Петровна, по обычаю, вышла во двор – у неё было небольшое хозяйство: штук пять кур, несколько уток и один красавец петух, которые требовали ухода. Она начала управляться: насыпала зерна, налила

воды своим любимцам. Обычно в это время её соседи – мать и сын, со двором которых их разделял только низенький деревянный заборчик, через который был виден весь их двор (непонятно было: зачем он вообще тут стоит?), уже выходили из дома, чтобы пойти кому на работу, а кому в садик. Но сегодня всё было тихо. Варвара Петровна насторожилась – соседи не выходили в это время, только когда кто-нибудь заболел: либо мама, либо сын. Но малыш болел крайне редко, поэтому, скорее всего, заболела его мама. Женщина начала волноваться. Подойдя ближе, она ещё больше запаниковала – ворота соседнего двора были распахнуты настежь. Она тихонько зашла во двор и увидела открытую дверь. Соседка уже не сомневалась, что что-то случилось, и кинулась в дом. Она быстро обошла все комнаты, в которых всюду разгуливал ветер. Варвара Петровна громко звала домочадцев, но никто не откликнулся. И когда зашла в спальню, она ... тихонько осела на пол: на растрёпанной кровати, свернувшись калачиком, лежала женщина – её соседка... Самое страшное было в том, что не двигалась и, похоже, не дышала. Варвара Петровна в ужасе кинулась в коридор и ещё раз обошла все комнаты, зовя Артёмку. Но в ответ ей было всё то же гробовое молчание. Её крик был услышан, другая соседка – женщина средних лет, которую звали Мария, услышала и прибежала посмотреть, что случилось. В коридоре они столкнулись с Варварой Петровной, безумный взгляд которой бегал по комнате. На все вопросы она молчала и показывала пальцем на дверь спальни. Мария заглянула в спальню и сразу всё поняла. Она кинулась к себе в дом и начала звонить всем знакомым. Ни один человек не остался равнодушным. Вскоре в городе почти не осталось человека, который не знал бы об этом происшествии. Толпы народа вышли на улицу и искали Артёмку. Многие из них, кто тоже жил на окраинах, считали, что малыш мог зайти в лес и заблудиться. Стали снаряжать отряды для поиска мальчика в лесу. Почти все жители города бросили свои дела и занялись поисками. Никому не было всё равно на судьбу «маленького солнышка». Они начали искать утром и ближе к середине дня уже стали терять надежду. Небольшой отряд из 10 человек, заметив что-то яркое на дереве и кинувшись со всех ног в ту сторону, увидели необычную и страшную картину.

Перед ними предстала поляна, практически идеально круглая. Её со всех сторон обступали голые деревья, а в середине стояла одна-единственная берёзка. Под ней, крепко обняв ствол и прижавшись к нему щекой, лежал Артёмка. Одного взгляда на него хватило, чтобы в голове каждого человека промелькнула ужасная мысль: «Опоздали». Но самое необычное было в том, что на стволе дерева, куда смогли дотянуться детские ручки, был заботливо завязан... жёлтый шарфик, а на веточках торчали маленькие перчаточки. Те, кто знал Артёмку, всё поняли: даже когда малышу было самому холодно, он всё равно боялся, что дерево замёрзнет, и отдал ему свой шарфик. Хотя эта серьёзная жертва и была напрасной, это нисколько не уменьшало всю благородность и доброту, с которой был совершён этот поступок.

Люди молча стояли и смотрели на то, как жёлтый шарфик развеивается по ветру, напоминая о лучах весеннего солнца, которое оживит и этот лес, и это дерево, но никогда не сможет оживить «маленькое солнышко», которое навсегда погасло под этой берёзкой под свист холодного ветра.

Вдруг кто-то начал развязывать свой шарф и, подойдя к дереву, стоящему в стороне, завязал его на стволе. Люди, не сговариваясь, словно по команде, ста-

ли делать то же самое. И всё это в абсолютной тишине. Вскоре к ним подошли ещё несколько отрядов, заметивших яркое пятно. Они увидели Артёмку, жёлтый шарфик и людей, молча повязывающих на деревья свои шарфы. Вскоре вокруг маленькой полянки все деревья были повязаны шарфами разных цветов. Одни люди уходили, другие приходили, и лес становился всё ярче. До самой ночи число шарфов увеличивалось. Тело Артёмки давно забрали, но взрослые люди не решались подходить к дереву с жёлтым шарфиком. При каждой попытке подойти поближе их одолевали мысли о том, сколько за всю жизнь было сделано ими дурного, и они понимали, что просто не имеют права прикасаться к чему-то настолько светлому, прекрасному и хрупкому...

...С той поры прошло несколько лет, но это место в лесу сохранилось. Сюда часто приходят люди, чтобы в тишине поведать о своём горе и оставить всю боль тут вместе с завязанным шарфом. Другие люди – молодожёны, молодые мамы – приходили и вместе с завязанными шарфами оставляли тут частичку счастья, которой хотели поделиться с тем, кто ушёл слишком рано, оставив после себя только тепло и свет в душах людей...

МОРДВИНОВА Полина Денисовна,
ученица 8-го «А» класса
Шумихинской средней школы № 3
Наставник – СТЫШНЫХ
Светлана Валерьевна

ЖИЗНЬ В КАЖДОМ МГНОВЕНИИ

– Марина, пойдем ужинать, – крикнула мама из кухни.

– Мамочка, я же сказала, что не буду есть, мне надо идти в библиотеку, – отозвалась Марина из своей комнаты, – не жди меня, я задержусь допоздна, – показалась из комнаты девушка и вышла из дома.

– Эх, доченька моя, как же тебе тяжело, – вздохнула мама, глядя на закрывающуюся дверь.

Марине недавно исполнилось 15 лет, она умная, трудолюбивая, любит учиться, узнавать новое. Когда Марине было 11 лет, отец ушел от них, и Марина осталась с мамой. Марина не знала причины их развода, но мама запрещала Марине встречаться с отцом, говорила, что они разошлись из-за него. Отец постоянно искал встреч с Мариной, он ее очень любил, но Марина была на него в обиде, потому что думала, что из-за него разрушилась семья. Недавно он снова приходил, но Марина не стала его слушать. Она шла по улице и думала о своем отце и матери, как вдруг в этот момент она увидела вблизи своего лучшего друга – Максима.

Максим подошел к ней и спросил:

– Привет, о чем ты задумалась? Выглядишь уставшей.

– Ох, привет. Я снова думаю о своем отце. Почему он все время пытается со мной поговорить, если из-за него распалась семья. Недавно я снова его встретила, он был очень грустный, поникший, с уставшими глазами, полными грусти и сожаления.

– Ого, ужасно. Ты знаешь настоящую причину, по которой они развелись? Ты обижаешься на отца, но ведь с ним ты не говорила об этом больше?

– Мама говорила, что он бросил нас и ушел к другой.

– Но так ли это? Может, стоит встретиться и у него спросить?

– Нет, это исключено. Я не хочу его видеть.

Они уже подошли к библиотеке.

– Пока! – сказала Марина и поспешила зайти в здание.

За столом сидела женщина-библиотекарь.

– Здравствуйте, Наталья Дмитриевна!

– Здравствуй, – отозвалась женщина, – какую бы книгу ты хотела прочитать сегодня?

– Может быть, прочитать книгу «Реальность»?

– Хорошо, эта книга и правда суровая, соответствует своему названию, – сказала Наталья Дмитриевна и ушла за книгой. – Вот, держи.

Марина подошла к свободному столу и села за него. После развода родителей Марина не верила в сказки и чудеса, ее детство закончилось еще тогда, 4 года назад. Она посмотрела на книгу, хоть она и говорила маме, что идет учиться, но ее страстью было чтение. Книги о настоящей жизни многих пугали, ведь все привыкли к историям с хорошим концом, но Марина не любила сказки. Любая сказка когда-нибудь закончится. Книги о реальности просто затмевали ее разум, она могла читать их весь день, не задумываясь об уроках...

Время за чтением летело незаметно, Марину клонило ко сну, но ей очень хотелось дочитать книгу. В какой-то момент она перестала понимать, что происходит в книге.

«Рина, Рина, дорогая, вставай, пойдем завтракать, – чей-то до боли знакомый голос звал ее, – Рина, просыпайся».

Чей же это голос? Рина... Так Марину всегда звал только папа. Она открыла глаза и увидела его, стоящего возле двери.

– Ну же, соня, просыпайся. Пойдем, мама блинчики испекла.

Марина не верила своим глазам, перед ней и правда стоял отец, она вскочила и побежала на кухню, там была мама, она улыбалась и была такой же счастливой, как и папа. Все было как и 5 лет назад...

– Девушка, девушка, вставайте, – трясла ее за плечо уборщица библиотеки, – уже вечер, мы закрываемся.

– Простите, – Марина вскочила из-за стола. Ее охватило ужасное, угнетающее чувство. Одиночество, грусть, опустошение. Она почувствовала что-то на лице, это были слезы. Они катились по щекам и капали на пол. Папа... Ах, как же грустно без него! Мама любила Марину, но все равно ей не хватало папы. Хоть девочка и злилась на него, но он всегда был для нее опорой, поддержкой.

Марина выбежала из библиотеки. Луна стояла высоко в небе, время было позднее, но на улице все равно светло. В этот момент захотелось прийти домой и вновь увидеть улыбающихся родителей. Почему же воспоминания о счастливом детстве навевают тоску и боль? Это же как-то неправильно? Мир так жестоко устроен, что те счастливые моменты, которые мы когда-то пережили, в будущем будем вспоминать с тоской и болью, переживанием о несделанном и недосказанном.

Все дни были грустные и суровые, томно тянулись друг за другом. Однажды Марина вновь шла по парку к библиотеке. Неожиданно для себя она начала искать в толпе одного человека, самого важного человека, которого не хотела видеть многие годы, но все равно вновь хотелось его встретить. В толпе она увидела его знакомое лицо, все тот же унылый, потухший взгляд, но сейчас полный отчаяния. В этот момент хотелось подбежать к нему, кинуться на шею и обнимать очень долго и крепко. Отец шел на большом расстоянии, вероятно, поэтому он не заметил Рину. Марине стало грустно, состояние отца было еще более удручающим, чем в прошлый раз. Ей больше не хотелось идти в библиотеку, она вернулась домой.

– Мам, я вернулась, – крикнула Марина, но ответа не последовало. – Мам, ты дома?

Марина прошла в глубь квартиры, заглянула в мамину комнату. Она лежала на кровати и спала, вокруг нее были разбросаны десятки фотографий, на которых они были всей семьей, счастливые и радостные. Мамино лицо было все в слезах. «Воспоминания приносят лишь боль», – подумала Марина.

– Мам, давай ходим в наш любимый ресторан в субботу? – предложила неожиданно Марина.

Мама одобрительно кивнула, в этот момент в ее голове вновь всплыли воспоминания о счастливой жизни в прошлом... После ужина Марина написала короткое сообщение отцу: «В субботу, в 12 часов, в нашем ресторане за последним столиком справа». Марина понимала, что, возможно, поступает неправильно. Но смотреть на сломанные жизни близких людей было так больно и тяжело, а бездействие ломало и угнетало ее.

Наступила суббота. Марина не смогла пойти в ресторан вместе с мамой, ей нужно было зайти в школу. Уже подходя с волнением к ресторану, она поняла, что опаздывает. Внутри было немного людей, но за тем заветным столиком уже сидели ее родители и разговаривали. Она решила, что им нужно многое обсудить, и пошла домой.

Уже полночь, но мамы до сих пор нет. Ждать было утомительно, но книга развеяла плохие мысли, накатывающиеся большим комом. Марина так и заснула за столом...

– Рина, вставай, уже утро, – крикнул папа.

– Марина, поднимайся, хватит спать, – отозвалась мама.

Марина открыла глаза и увидела счастливых родителей...

Как прекрасно осознавать, что реальность не всегда может быть суровой, порой наши предубеждения ломают нам жизнь.

Надо жить настоящим, ценить мелочи, беречь то, что ты имеешь, и то, что так легко разрушить и потерять.

Жизнь одна, и как она пройдет, зависит от тебя. Не надо жить сказками, будущим или теряться в прошлом.

Мы – хозяева своей жизни.

Будущее в наших руках, и оно полностью зависит от нас самих.

ХРЕНОВА Анна Александровна,
студентка 3-го курса
Курганского государственного университета

ОБРЫВКИ ЛЮБВИ

Мама, наверное, это покажется странным, даже невозможным. Знаешь, а я и не прошу мне верить, просто послушай. Я помню... отчетливо помню этот момент. Мы по какой-то причине оказались около бабушкиного дома. Огромная машина с синим кузовом грозно, но по-родному рычала.

В те времена папин фотоаппарат, по счастливой случайности, всегда оказывался в нужное время под рукой. И здесь он пришелся кстати. Всю ребятню, во главе с самым старшим – Романом, поставили на громоздкую деталь на кузове машины (даже представить себе не могу, как она могла бы называться; возможно, она и не такая большая, но в моей голове на полке воспоминаний ей отведено достаточно много места) для совместной фотокарточки. Именно в этот момент мой заскучавший где-то внутри характер вдруг проснулся и решил показать себя во всей красе. Да, можно и не продолжать – Аня решила не фотографироваться. Сейчас в голове возникает образ меня, сидящей в кабине и исподлобья смотрящей через стекло на «людей-врагов», которые продолжают становиться в разные позы, чтобы запечатлеть этот момент в истории...

* * *

Новый год в моей памяти навсегда останется сказкой. Каждый год мы с братом Валерой пытаемся понять, что нужно «эдакое» вытворить, как надо украсить дом, чтобы внутри нас вновь зародилось чувство волшебства, ощущение беззаботности, неопишуемой легкости, радости и неизбежности чуда.

Раннее утро. В доме чувствуется легкий холодок, обычное явление для морозной зимы, единственным отоплением которой является печка, густо покрытая известью, но не скрывающая черную копоть сосновых дров, пробивающуюся сквозь щели кирпичной кладки. На улице еще сумрачно. Желтый светильник создает атмосферу уюта.

Я помню, мама, что ты, как обычно, проснулась рано. Папа в те времена работал по сменам, поэтому именно от тебя зависела температура в доме, в прямом смысле этого слова. Конечно, твои дети начинали ждать подарки каждый день, как только предновогодний воздух проникал в их легкие. Ты играла по правилам, поэтому Дед Мороз всегда оставлял свой след по прошествии ночи. В тот день Волшебник повесил на светильник, который своим лучом не смог разбудить детей, но при этом с легкостью вырисовывал очертания обстановки в прихожей, – маленького снеговика, своего помощника. Хитро, ведь именно он должен был следить за нашим поведением, определяя, достойны ли дети главного подарка под елкой в новогоднюю

ночь. Отчетливо помню этого снеговика, правда, их было несколько, и шоколадку «Сударушка», подаренную в тот день старым волшебником.

* * *

Были времена, когда планировка нашего дома кардинально отличалась от действительности. Именно тогда, ранним зимним утром, одно из моих многочисленных желаний «неожиданно, но ожидаемо» исполнилось. Под едва узнаваемой елкой, тщательно замаскированной ярким, переливающимся дождиком, Аннушка обнаружила пупса, недавнюю мечту, приготовленную из щепотки зависти к подругам, к тому моменту уже имеющим чудо-куклу, щепотки детских грез и горстки непонятных представлений о всеобщем восторжении и статусе в обществе. Буквально на ощупь был найден заветный сверток, содержимое которого лишь миллисекунду оставалось тайной, – обертка вмиг была сорвана. Счастливый ребенок, лицо которого преобразилось или все же исказилось от неестественно большой улыбки, напрямик направился в спальню к родителям. Забравшись и удобно устроившись на кровати, маленькая девочка, держащая в руках «большую» мечту, на всеобщее обозрение демонстрировала способности своего новоиспеченного чада, которое мило разговаривало и наивно закрывало ярко-голубые глаза, обрамленные пушистыми ресницами.

* * *

Может быть, благодаря именно детским воспоминаниям в моем представлении новогодняя елка – высокое, необъятное, невероятно красивое и все же живое дерево. Запах зимнего морозца, случайно занесенного в дом на ветвях сосенки, оттаявшая смола на молодых шишечках и еще влажные, но оттого мягкие иголки – все это неотъемлемая часть волшебного вечера. Уличные сумерки разбивает луч света, идущий из окна большой зальной комнаты, в которой глава семейства пытается аккуратно, равномерно распределить по голой, но уже увенчанной яркой звездой елке разноцветные гирлянды.

Как только лесная красавица облачится в праздничный наряд, потухнет свет, темно-зеленые ветви вспыхнут яркими огнями, а блеск новогодних шаров, словно играя, начнет притягивать к себе замороженный взгляд, настанет момент истинного волшебства. Все, ну или практически все, доверенные помощники Деда Мороза желания обещают в скором времени исполниться. Нужно только произнести мечты, стоя у елки. И это не просто развлечение для маленьких детей, а практически ежедневный ритуал перед тем, как крепко уснуть, с нетерпением ожидая нового дня, который обязательно подарит чудо.

* * *

Ответственная миссия забрать ранним утром подарки из-под елки возлагалась чаще всего на того, кто первый проснулся. Не стоит забывать, что не все в нашей семье имеют способность бодрствовать в стандартном режиме: в первые часы нового дня открывать глаза и быстро засыпать после «Спокойной ночи, малыши». Поэтому Аннушка обычно сначала слышала о том, что лежит под елкой, и только потом видела.

Правда, был один раз, когда под елкой не оказалось заветного пакетика, коробочки, свертка с новогодним сюрпризом. Лишь небольшая записка на верхней

ветке, под самой звездой, указывала на то, что подарок все же есть в этой комнате. С выражением зачитать послание было доверено главной женщине семейства. Но вот найти новенькое зеркальце и расческу удалось не с первой попытки. Не буду скрывать, даже не со второй. Могу допустить, что и третья попытка не увенчалась успехом. С самой прямой подсказкой самый высокий человек в доме достал из самого верхнего шкафчика, вероятно, не очевидную мечту маленькой девочки, но очень неожиданный и приятный подарок, который еще долгое время служил своей новой хозяйке.

* * *

Не могу точно сказать, кому в большей степени не повезло в этой жизни, мне с полученным в наследство характером или тем, кто испытывал на себе его проявление. Бурные скандалы, взрывы эмоций, драки – все это обязательно разбавляло без того скучную и однообразную жизнь молодых родителей. Не стану отрицать, что подобные «яркие» события не оставались незамеченными и безнаказанными. Угол за печкой в самой первой комнате, оборудованной под детскую, до сих пор не может забыть град слез, покрывающий разноцветные бумажные обои. Он так часто наблюдал эту картину, что выделил несколько этапов принятия наказания. Сначала отрицание. Этой стадии присуще громкое отстаивание своей правоты и невиновности. Затем следует усталость от реки слез, вышедшей из глаз ребенка, и три минуты молчания. Далее – второй поток слез, с огромным трудом выдавливаемый из слегка покрасневших глаз. Именно эту стадию четко запомнили стены угла, особенно бумажные обои. Как только их касалась соленая слеза, маленькие пальчики... они... они нещадно протирали на месте касания влаги и бумаги дыру, напоминающую след от несправедливости на сердце. Завершением данного испытания было торжество, ведь все слезы выплаканы, гнев прошел, а цветные стены получили на хранение тайну, познать которую суждено следующему, кто будет поставлен в угол.

* * *

Не помню точно, в какой момент мой день рождения перешел из категории детских во взрослую. Но я полностью уверена, что детский мне нравился больше. Мы ведь были королями вечеринки. Только вспомни: отдельный стол, гордо держащий на себе главное достояние – стеклянную вазочку, до краев наполненную разноцветными конфетами, под оберткой которых скрывались загадки. Упаковки мириндинок со всевозможными вкусами, печенье в шоколадной глазури, огромная тарелка фруктов, большие стеклянные стаканы, содержащие в себе детское вино, в народе носящее имя компот, – это все, что требовалось для безграничной радости и счастья. Ноль внимания ко взрослым разговорам, бесконечные игры, не имеющие названия, конкретных правил и ограничений, бег по всему дому, нередко выходящий и за его пределы, – это лишь малая часть праздничных развлечений, которые время от времени прерывались и снова брали свое начало у «детского» стола.

* * *

Свежий летний ветерок шумит молодыми листочками развесистой рябины. Среди зеленого великолепия ярким пятном выделяется желтый стол и обрамляющие его лавочки. Единственное окно, открывающее внутренности захлавленного гаража, печально смотрит грязными стеклами на интересную троичку. Двое детей

и красивая женщина внимательно рассматривают первый в своей жизни номер журнала «Мурзилка». Здесь все было в новинку, все было впервые: необычные рубрики, много текста, иллюстраций, ребусы и кроссворды, устно решенные и не испачканные чернилами шариковой ручки, репродукции полотен великих художников, чьи имена никогда ранее не слетали с уст детей. Каждая буква данного номера была жадно впитана, каждая картинка четко зарисована в памяти. Фантазия тут же создавала образ следующего выпуска, ждать который целый месяц просто не представлялось возможным. Именно поэтому под все то же дуновение ветерка замечательная тройца снова и снова возвращалась на страницы журнала, пытаясь найти случайно выпущенные из внимания строчки.

* * *

Время показало, что очень многое воспитывать в людях не стоит. Их вообще воспитывать не надо. Делая то, что искренне считаешь правильным и нужным постоянно, а не от случая к случаю, не указывая на это окружающим, – вот что меняет нас самих, а значит, и действует на людей.

Не так давно я стала замечать за собой очень хорошую, на мой взгляд, привычку: примерно раз в месяц выбрасывать с самых дальних и пыльных полок ненужный хлам. Хотя даже мусором назвать это сложно, просто разные вещицы, к которым давно не обращались. Точно! Подобная черта присуща и тебе, мама. Ты всегда занималась чисткой пространства вокруг себя. Иногда твоё пространство каким-то странным образом перекрещивалось с нашим. Наверное, сегодня я бы сказала тебе спасибо за это, ведь уже сама имею желание выполнять данную функцию. Но в детстве такая зачистка была катастрофой. Баночки с засохшим лаком для ногтей, сломанные заколки, порванные браслеты, потрепанные сумочки, безногие Наташи, Маши, Вики, пластиковые детали, служившие мебелью в игре куклами, – все это нещадно собиралось в большие пакеты и выносилось из дома. Странная ты, мама. Это же сокровища, настоящие артефакты, цены которым не найти.

Ум и смекалка, полученные в наследство или же приобретенные с жизненным опытом, не позволяли опускать руки и покоряться жестокой судьбе. Самые лучшие детали «прежней жизни» тайком вынимались и перепрятывались в других местах. Самым распространенным тайником служила старая, практически заброшенная сарайка. На серых, подгнивших «антресолях» аккуратно прятались спасенные сокровища. По правде говоря, они потом редко удостоивались внимания, но те минуты, в которые они приковывали взгляды детей к себе, были самыми волшебными, покрытыми тайной и загадкой.

ЗИМИН
Николай Вячеславович,
студент 1-го курса
Курганского
государственного
университета

ЖИВАЯ ЁЛКА (рассказ)

Воскресное морозное утро 31 декабря... Синеву чистого неба освещает яркое зимнее солнце, светлые лучи которого, отражаясь от белоснежного покрова земли, заставляют обычных прохожих щуриться от света, что делает их очень смешными. Красивые деревья, покрытые серебристым, переливающимся на солнце инеем, украшают город так же, как и гирлянды, снежинки, снеговики, ёлки, встречающиеся сейчас на каждом здании и каждом шагу. Суетливые пешеходы наполнили улицы города звуком скрипящего снега под ногами: кто-то просто гуляет или выгуливает своего питомца, наслаждаясь свежестью зимы, кто-то покоряет «снежные вершины» и пробует обуздать крутые виражи ледяных горок, другие же спешат успеть купить подарки родным и близким, чтобы как следует отблагодарить всех тех, кто был рядом в это непростое время.

Ослепительные солнечные лучи, сталкиваясь с оконным стеклом, украшенным морозными узорами, словно с призмой, рассеиваются радужными пучками света по детской комнате, наполняя её атмосферой того самого волшебного утра перед Новым годом. Для сопящей в своей кровати Юли сегодняшнее утро по-настоящему волшебное, ведь в гости к семье Калининых приехали бабушка с дедушкой, которых внуки так давно не видели. Да и отец семейства, Игорь Прохорович, наконец-то нашёл время для того, чтоб провести его с семьёй, позабыв о своей работе, которая, бывает, беспокоит его даже на законных выходных.

– Юля, Паша, вставайте, почистите зубки и идите кушать, – скомандовала мама Аня, занятая приготовлением завтрака, после чего из детской комнаты стало слышно небольшое шебуршание.

– Аня, пусть дети ещё поспят, – за сон любимых внуков вступилась бабушка Нина.

– Нет, мам, у них режим. Им после каникул в школу рано вставать, пусть не отвыкают, – внёс свою лепту в разговор папа Игорь.

– Ох, помню тебя в их годы, Игорюня, так трудно было тебя поднимать. Ты пока в школу собирался, мог пару раз уснуть, за тобой глаз да глаз нужен был! – с приятным хохотком осветил детство сына дедушка Прохор.

– Хорошо, что у нашей Анечки глаз-алмаз! – похвалила баба Нина невестку. – Она и за детьми успеваешь глядеть, и за мужем!

Спустя некоторое время дети, выполнившие все поручения мамы, пришли завтракать. Им не терпелось узнать, когда наконец папа поедет за ёлкой, поэтому первым делом, войдя на кухню, Паша спрашивает отца, безмятежно читающего свежий выпуск газеты:

– Папа, а когда ты поедешь за ёлкой? – протяжно, попутно зевая, спрашивает мальчик.

Сыну удалось не на шутку озадачить отца, который со своей беспокойной работой совсем забыл про лесную красавицу. Ведь найти её на выходных, да ещё и в последний день уходящего года, – задача не из простых.

– Ты не купил ёлку? – с небольшим укором спросила мужа любящая жена, попутно успокаивая себя тем, что хоть подарки детям куплены.

– Я как раз хотел выезжать за ней, – немного краснея, неловко произнёс папа Игорь с малодовольным лицом.

Недолго думая, с неохотой отложив прочтение интересного предновогоднего номера газеты, отец семейства поспешил найти лесную красавицу для одного из главных семейных праздников.

Игорю Прохоровичу пришлось пройти и огонь, и воду, и медные трубы, но ёлки для праздника он так и не нашёл. Во всех магазинах города остались лишь неприметные искусственные пластиковые ёлки. Как назло, торговцы с улиц, которые вроде вот-вот торговали самыми разными лесными красавицами, чудесным образом пропали. Словно сквозь землю провалились. Но возвращаться домой с пустыми руками папа Игорь не хотел, поэтому искал малейший шанс привезти домой живую ёлку. Он даже подумал «одолжить» лесную красавицу с детской площадки. Но совесть и воспитание не позволили ему этого сделать. Совсем уж отчаявшись, он поехал сдаваться «с повинной», но по пути домой, увидел незнакомый магазин, находившийся в новом, ещё строящемся районе города. И этот магазин, о чудо, продавал ёлки, да не простые, а живые, то есть в горшках, и точнее сказать, он их не продавал, а сдавал в аренду на новогодние праздники.

– Здравствуйте, можно мне одну живую ёлку, пожалуйста? – радуясь тому, что он спасён, спросил Калинин-младший у продавца.

– Здравствуйте, извините, но таких уже нет. Мода нынче такая, продукты, направленные на улучшение экологии, пользуются спросом. Вот и этих живых лесных красавиц всех разобрали. Как хорошо, что народ поддерживает данное направление, так, глядишь, и все перейдут к такому экологически чистому использованию. А что, и нашему бизнесу хорошо, и тысячи ёлок останутся живыми. Экология – это сейчас наше всё!

Разочарованный, но не сдавшийся, папа Игорь продолжил бороться:

– А можете подсказать, где ещё у нас в городе можно такую ёлку найти? – с надеждой произнёс Игорь Прохорович.

– К сожалению, наш магазин пока единственный, кто занимается подобным, а других точек по городу у нас ещё нет, – с сочувствием ответил продавец. – Да вы не расстраивайтесь, ведь Новый год необязательно встречать с ёлкой, главное – это в кругу самых родных и близких людей. С наступающим! – видя разочарованное лицо покупателя, утешает продавец.

– И вас с наступающим! – без особой радости произнёс Игорь Прохорович, удалился из магазина и поехал домой.

Дорога показалась нашему герою долгой и полной раздумий. Приехав, папа Игорь нехотя объяснил семье всю ситуацию.

– Как же мы без ёлки?! – взволнованно спросил Паша.

– А куда Дед Мороз подарки положит?! – в том же духе продолжила Юля.

– Любимые, сейчас папа съездит и купит ёлочку, только она будет заколдованная и будет выглядеть не как настоящая. Злая колдунья её заколдовала за то, что колдунья страшная, а она, ёлочка, всегда такая красивая, и зимой и летом...

– Стройная? – через смех спросил сынишка.

– И стройная тоже, – с улыбкой на лице ответила мама, после чего посмотрела на мужа, который только по одному взгляду понял, что нужно действовать и ехать за той самой «заколдованной» ёлкой.

Папа Игорь уже собрался ехать, как его остановил дедушка Прохор.

– Погоди, Игорь. – И, уже обращаясь к ребятам, добавил, – а давайте-ка мы эту злую колдунью проучим и спасём маленькие ёлочки в лесу. Ведь она не только эту ёлочку заколдовала, но и другие тоже.

Радость в глазах ребят была настолько велика, что затмила недоумение взрослых.

– А где мы найдём злую колдунью? – томимый любопытством, спросил Паша.

– В лесу. Здесь недалеко, – с улыбкой ответил дедушка Прохор.

– А когда мы поедим? – подхватила внучка.

– Скоро, Юлечка, скоро, только приготовим снаряжение и сразу в путь! – ласково глядя на любимую внучку, сказал дедушка.

Когда счастливые дети убежали в свою комнату, по пути обсуждая, как именно они будут спасать лесных красавиц от злой колдуньи, все взрослые члены семьи устремили свой полный вопросов взгляд на что-то задумавшего деда Прохора.

– Ну, может, уже расскажешь, что ты задумал? – с нетерпением спросила бабушка Нина.

– Давай, пап, рассказывай, не томи! – подытожил Игорь.

– Мы поедем к одному моему знакомому. Он работает в лесничестве, которое находится недалеко от города. Думаю, он сможет нам чем-нибудь помочь. Заодно детишек проветрим, а то засиделись дома, – довольный своей гениальной идеей, пропел дедушка Прохор.

– Мда-а, вот это поворот! – протянул папа Игорь. – Ну, что ж, попытка не пытка! Думаю, все согласны?

Конечно, единогласного «да» не послышалось, но всё же любимые женщины одобрили эту идею. Взяв в прокат дом на колёсах и заскочив в пару магазинов, счастливая семья поехала к знакомому деда Прохора под плэйлист новогодних песен, в надежде, что новогодний семейный вечер всё же украсит ёлочка-красавица. Дорога прошла быстро и легко благодаря хорошей памяти деда Прохора, точно помнившего, где находится то самое заветное лесничество. Прибыв на место, жёны стали готовить небольшой перекус для проголодавшейся семьи, а мужчины пошли на «переговоры» с лесником, который уже встречал их у ворот.

– Это что за нежданные гости? – промелькнуло у лесника Тимофея в голове. Подойдя ближе к фургону, Тимофей понял, что гости не только нежданные, но и приятные. – Проха, сколько лет, сколько зим? – с улыбкой на лице встретил старого товарища лесник.

– Тимоха! Рад тебя видеть! – отвечал на приветствие дедушка Прохор. – Вот, познакомься, это сын мой.

– Игорь, – сухо, по-мужски поздоровался Калинин-младший.

– Тимофей, – руки мужчин сошлись в крепком рукопожатии.

– Какими судьбами ко мне? По делу али так, в гости заскочил? – поинтересовался дядя Тимофей.

– По делу, – лаконично ответил дедушка Прохор.

Ознакомив лесника Тимофея со всей ситуацией и историей дедушки Прохора про злую колдунью включительно, сын и отец Калинины стали ждать ответа от старого товарища.

– Как же ты так, Игорь, не успел, ведь столько времени было? – с доброй иронией спросил дядя Тимофей. – Что за работа у тебя такая?

– Так он у меня это, безработный, – добавляя иронии, говорит дедушка Прохор.

– В наше время это называется «самозанятый». Бизнесмен по-другому, – оправдывается Калинин-младший. – Держу своё небольшое рекламное агентство. Всё как у людей.

– А что насчёт ёлки-то? – вспоминает дедушка Прохор.

– Ну, что могу сказать, у нас тоже все ёлки уж раскупили, надо звонить начальству. Если оно даст добро на то, чтобы срубить ёлку из резерва, то подсоблю, если нет, то не сердчайте, – с такими словами лесник Тимофей пошёл к телефону, находившемуся в доме, решать судьбу новогоднего вечера. Спустя несколько минут он вышел. – Благо у начальства сегодня хорошее настроение! Видать, премии всем повыписывали, – с ехидной улыбкой произнёс Тимофей. – Разрешили!

С этими словами у Калининых камень с плеч упал. Сейчас оставалось дело за малым. Срубить ёлку и ехать домой, отмечать наступление Нового года.

– Ну что, идём за ёлкой? – пропел папа Игорь, после чего лесник Тимофей собрался уж было идти за топором и лопатой, но был остановлен Прохором.

– Постой-ка, куда спешить-то, мы никуда не торопимся. Пойдём лучше перекусим, заодно побеседуем, давненько ведь с тобой не виделись, есть о чём поговорить, – пригласил к столу Прохор старого товарища.

Чаепитие выдалось по-настоящему семейным, наполненным множеством рассказов из детства и юности старых товарищей, анекдотами и хорошими эмоциями.

– После хорошего застолья не грех и потрудиться, – такие слова Тимофея завершили застолье и означали то, что сейчас все выдвинутся на защиту новогодней красавицы от злой колдуньи.

Тепло одевшись, вооружившись топором и лопатой и взяв с собой верного сторожа и друга Тимофея – собаку Булата, наши герои выдвинулись в путь. Булат, находясь на другом конце территории лесничества, даже не подозревал, что у Тимофея гости, и, когда был выпущен из просторного вольера, сперва был немного ошарашен наличием посторонних людей.

– Старый стал, Булат? – ласково спросил Тимофей. – Не учуял гостей, – погладив Булата, произнёс лесник. – Его нынче усыплять хотели, но я не дал! – строго произнёс. – Он хоть и старый, но ещё есть порох в пороховницах, поживёт ещё. А что охранять уж толком не может, так это ничего, нас здесь двое сторожей, да и место у нас тихое, – с необычным спокойствием сказал «старший» сторож.

Булат с осторожностью оббежал вокруг группы, тщательно принюхиваясь к каждому из её членов.

– Свои, Булат! – скомандовал Тимофей, а Булат радостно завилял хвостом и стал играть, после чего наша группа окончательно выдвинулась.

Покрытый инеем лес переливался различными оттенками: от белого до серебряного. Хруст снега под ногами создавал особую атмосферу зимней прогулки. Воздух был морозный, и пар от дыхания оседал на ресницах, образуя со временем «зимний макияж». Наши герои шли по расчищенной дороге, что значительно облегчало задачу, в сторону елового бора.

– А как мы поймём, какую ёлочку нам нужно защитить, ведь их тут так много? – придя на место, спросила Юля.

– Взрослые, большие ёлки не боятся злой колдуньи, она им ничего не сможет сделать, – с приятной улыбкой ответил дядя Тимофей, – а вот маленькие ёлочки ещё не в силах за себя постоять.

– Значит, ищем маленькую? – сделал вывод Паша.

– Всё верно, – произнёс лесник, уже ища подходящую кандидатуру.

Через несколько минут поиска выбор пал на небольшую, около 1,5 метра высотой, стройную лесную красавицу.

– Вот же она! – радостно пролепетал Паша. – Не бойся, мы тебя сейчас спасём.

– Какая красивая! – восхитилась Юля.

– Итак, детки, отойдите. Сейчас мы её откопаем, – скомандовал лесник, после чего закипела работа.

Снег вокруг ёлки словно плавился от приложенного усердия. Откопав ёлку, лесник взялся за топор и хотел уже сделать первый заруб, как в его работу вмешалась Юля.

– Стойте! А мы что, рубить её будем? – чуть ли не со слезами на глазах спросила девочка.

– Ну да, – недоумённо ответил дядя Тимофей.

– Но ведь папа рассказывал про живую ёлку, я всё слышала... – посмотрев на отца, сказала девочка.

В воздухе повисла неудобная тишина.

– А как же мы её тогда домой возьмём? – задал вопрос лесник, направленный больше взрослым, нежели маленькой девочке.

– Рубить не дам! – насупилась Юля и встала на защиту маленькой ёлочки.

– Ну-ка, расскажите мне поподробнее про этих необычных «горшочных» ёлочек, – усмехнулся дядя Тимофей.

– Папа, расскажи-расскажи, – попросила дочка отца, после чего Игорь Прохорович поведал свою интересную историю, как он узнал про существование живых ёлок в горшках.

– Вот так да-а... – протянул Тимофей. – Чего только люди не придумают!

– Мы же ведь на защиту ёлочки пришли, а если мы её срубим, то она умрёт, какие мы тогда защитники! – поддержал сестрёнку Паша.

– Делать нечего, придётся копать, – на удивление для всех сказал лесник.

– А где же мы теперь горшок-то возьмём? – такой вопрос задавала себе вся семья, но на обсуждение его выдвинул дедушка Прохор.

– Сейчас увидишь, – с ехидной улыбкой ответил Тимофей.

– Булат, ко мне, – скомандовал лесник. – Приветствуйте, на сцене лесного цирка выступает Булат! – с цирковой интонацией выступил Тимофей. – Булат, принеси горшок! – скомандовал Тимофей, после чего Булат побежал в сторону закулисья – домой.

– Неужели он горшок принесёт?! – воскликнули все в изумлении.

– Ещё как принесёт, – видя удивлённые лица зрителей, сказал Тимофей. – Давайте пока ёлку откопаем, пока солнце не село. Повезло нам, морозов нынче не было, а снегу выпало много. Земля не совсем закоченела.

Несколько раз сменяя друг друга, работники всё же выкопали ёлку. Постарались на славу. После, благодаря профессионализму дяди Тимофея, ёлка была успешно пересажена в принесённый Булатом большой горшок. Завершив работу, группа отправилась домой.

– Дядя Тимофей, а как Булат понял, что нам нужен горшок? – с удивлением спросила Юля.

– А он уже знает эту команду. Это он горшок от саженцев принёс, которые мы этой весной высадили.

– Чудеса! – удивилась бабушка Нина.

Вернувшись на базу и отдохнув, наши герои начали собираться домой.

– Ну, пора прощаться, спасибо за всё, Тимоха! – протягивая руку, сказал дедушка Прохор!

– И вам спасибо, развеяли старика! – отвечая рукопожатием, произнёс Тимофей.

– С наступающим Новым годом!

– И вас, дядя Тимофей! Ой, кстати, а где вы его встречать будете? Неужто здесь? – поинтересовалась мама Аня.

– Да, здесь, – как-то грустно ответил лесник.

– Как же так? Вы же здесь совсем одни? – спросил Паша.

– Я не один, со мной Булат, – усмехнулся Тимофей.

– Правильно, не одни, мы остаёмся! – неожиданно предложила Юля. – Папа, давай останемся, ведь дяде Тимофею здесь так скучно одному, наверно. Сегодня ведь праздник, грустить нельзя! – с надеждой сказала Юля.

Лицо у лесника вспыхнуло румянцем.

– Вы не против, если мы останемся у вас? – робко спросил папа Игорь.

Не зная, что и ответить, переполненный радости Тимофей лишь одобрительно кивнул головой.

– Ну вот и решили! Мы остаёмся! – сказал Калинин-младший.

Началась подготовка к новогоднему вечеру. Никто не сидел без дела, и поэтому к курантам был уже накрыт новогодний стол, а в углу стояла наряженная «живая» лесная красавица, под которой утром появятся подарки от Деда Мороза. Так, в весёлой, дружной компании Тимофея и Булата, наши герои отлично встретят Новый год.

На следующий год с помощью рекламы Игоря Прохоровича у лесничества появится множество запросов на живые ёлки в горшке, благодаря чему лесника Тимофея наградят именной премией за вклад в экологию.

Дорогие читатели, берегите себя, своих близких и экологию!

БЕСПАЛОВА

Виктория Константиновна,
ученица 11-го «А» класса школы № 22
города Кургана
Наставник –
Бурлакова Любовь Васильевна

МОЯ ЗВЕЗДА

Меня считали странным с самого детства. Сколько я себя помню...

Соседские дети постоянно дразнились, обзывались, издевались надо мной. Ко мне пристало прозвище «чудак», у меня совсем не было друзей, кроме...

Моя милая мама говорила, что в этих детях нет того, что есть у меня, поэтому они завидуют и от зависти своей пытаются меня «растоптать». Она думала, что слова их бьют меня, разрушают и не дают спокойно существовать. Но мне было абсолютно неважно, что они говорят и делают, я был безумно влюблен в эту жизнь и в ту самую... из-за кого меня считали «чудиком».

Самым большим ударом для меня стала смерть моей милой мамочки. Сейчас я сижу на ее могиле, с фотографии на кресте на меня смотрят ее яркие глаза. Там она одета в свое любимое бордовое платье... Бордовый... Я покрасил все стены своего дома в этот цвет, в память о ней... А около могилы посадил березу.

Я помню свои последние минуты рядом с ней. Тогда она взяла мою руку в свою и сказала: «Ночью, бывало, просыпалась, а ты сидишь у окна и смотришь... смотришь... смотришь... Часами сидел около холодного подоконника, как замороженный. Не понимаю до сих пор, что ты в той темноте разглядывал?..»

И тогда я ей рассказал.

Тогда я ей все рассказал: «Первый раз я увидел ее, когда мне было два годика. Я совсем несмышлениш был, играл своими погремушками, сидя под столом в нашей уютной комнате. Вдруг что-то сверкнуло за окном напротив стола. Любопытный, как и любой другой ребенок, я тут же полез на подоконник. За окном разлилось широкое, как мне тогда показалось, море, а на небе светила луна. Свет ее оставил на внезапно образовавшейся водной глади дорожку, на которой я увидел ее. Такая же кроха, как я. Она рассмеялась и захлопала в ладоши. Я тогда тоже начал хохотать. Тогда на мой шум прибежала ты, моя милая мама, перепугалась, бедная. Двухлетний хулиган твой сидел на окне и радостно улыбался.

Ты меня ласково потрепала по голове моей, унесла в кроватку. С того вечера она стала приходить каждый день.

Никто не видел ее, кроме меня. Это мне даже нравилось, я не хотел ею делиться ни с кем.

Она росла вместе со мной, я не хотел общаться больше ни с кем, кроме нее...

Однажды она пришла ко мне днем. Красивая, как тысячи звезд на черном небе, ярче солнца, легче ветра. Я любовался ею и был счастлив, что она принадлежит мне. Как я понял, что она только для меня?

Помню, ко мне подошла девчонка с косичками, вся в конопушках, в туфельках на босу ногу. Она спросила, с кем я разговариваю и почему так звонко смеюсь. Я изумился: «А ты разве ее не видишь?»

– Кого? – девчонка с конопушками посмотрела на меня широко раскрытыми глазами.

Я показал рукой на мою прекрасную Звезду, ангела, на любовь всей моей жизни.

Тогда девчонка решила, что я играю, и крикнула: «Вижу! Она похожа на меня! Тоже рыжая!»

Тогда я понял, что ее вижу только я. Девчонка та продолжала обманывать меня, будто бы она тоже видит мою Звезду.

Каждый день я виделся с нею, а ночью, когда все спали, за окном снова разливалось море, всходила луна и на дорожке от ее света сидела она...

Я видел вдали остров, с которого она приходила. Но, кроме меня, его больше никто не мог наблюдать».

Когда я закончил рассказ, моя милая мама улыбнулась. Я знал, она не верит моим словам. Я знал, что она тоже считает меня странным, знал...

Моя мамочка никогда бы не сказала мне, что я чудак. И в этот раз она тоже не стала этого делать.

Когда она сделала свой последний вдох, рука ее тонкая указала на дверь, а на лице ее появилась легкая улыбка.

В дверях стояла моя Звезда. И мама моя ее видела в свои последние секунды жизни.

И мне до сих пор не нужны ни золото, ни горы денег. Она – моя жизнь и мое счастье. И пусть мы из разных миров и я никогда не смогу прикоснуться к ее нежным рукам, я не променяю ее ни за что на свете, даже на самую красивую дочь Земли.

И я знаю, что она тоже меня никогда не оставит. Я знаю, что я для нее дороже всего, так же как и она для меня.

Моя самая яркая Звезда, мой луч света в темном мире, мое счастье, которое могу видеть только я...

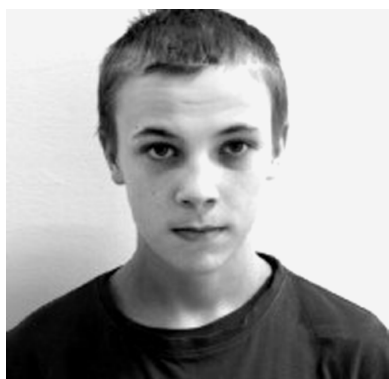
ИВАНОВА

Алина Александровна,
ученица 5-го класса Бутыринской основной
общеобразовательной школы
Частоозерского района
Наставник – Иванова Елена Владимировна,
библиотекарь

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ

Деревенская жизнь, ох, не мёд:
То жара, а то дождик льёт,
А то снег засыпает пути,
Не проехать сюда, не пройти!

Здесь упорные люди живут,
И земля уважает их труд...
Если ты не лентяй и не плут,
То тебя на земле этой ждут.

СОРОКИН

Андрей Константинович,
ученик 7-го класса Восточной средней школы
Частоозерского района
Наставник – Снегирева Надежда Петровна,
библиотекарь

* * *

Люблю свою деревню, дом родной,
И улицу свою, природу.
Стоят леса, поля, равнины, а порой
И даже дождь не портит мне погоду.

Леса полны берёз родных, красивых,
В полях шумит колосьеv перезвон.
И нету края краше и чудесней,
Чем тот, где я родился и живу.

Люблю свою Отчизну и навеки
Ей песни буду петь, пока дышу.

КУСЮМОВ Михаил Антонович,
ученик 9-го «Б» класса
Шумихинской средней школы № 4
Наставники – Кислицына Оксана Анатольевна,
Крохалева Виолетта Петровна

* * *

К друг другу привязавшись, разлюбили...
Прошли, не дрогнув, в замятах пурги,
Как много дней мы вместе пережили...
Теперь ты мне не скажешь: «Помоги...».

Уже зима, на улице снежинки
Летят, летят, даруя небесам
Узорчатую легкость нежной льдинки,
И лёгкость, и изящность облакам!

Они летят, а мы стоим одни,
Стоим в ночи и смотрим друг на друга,
Мы поняли, что счастье позади,
Что нет назад пути, моя подруга...

Мы смотрим друг на друга, понимая,
Уже не будет той любви сильней,
Мы не ругаемся, не плачем, не рыдаем,
Мы ждём, когда нам станет потеплей...

Не дрогнем мы от ветра, не падём,
Мы держимся за руки раз в последний,
И будущее наше ни при чем,
Хотя глаза твои краснее меди...

Мы долго так друг друга провожали,
Не зная, как закончить эпилог.
Как жаль, что наши чувства пострадали,
Заледенев снежинками у ног...

Пройдут недели, месяцы, года –
Любовь мы первую вовеки не забудем.
И горькая потеря – не беда,
Еще любить мы будем. Будем!

СИТНИКОВА

Полина Степановна,

ученица 9-го «Б» класса

школы № 22 города Кургана

Наставник – Лебедева Светлана Валерьевна

БЕССОННИЦА

Старая каморка, темный угол мой,
Я одна лишь знаю, где найти покой.
Как пишу ночами, у сырой свечи,
На пустой кровати, словно на печи.

В темноте порою не найти пути,
Там, где ночью прячутся тихие шаги.
Как перо проснётся, устремившись вон,
И листа коснется сахарным углом.

Скрежет, тихий шорох, капли на столе,
Затерялись ноты в этой пелене.
Тусклый свет струится, тонкий огонёк,
Мне опять не спится, Муза не даёт!

Мысли словно режут, где-то тут и там,
Миллионы фраз, и из них фонтан.
Дрожь в руке очнулась, просидев в тени,
Нет, теперь не сдамся – я на полпути!

Волны из чернил, быстрые слова,
Чтоб из рифм моих пролилась вода:
Звонкими ручьями песню задаёт,
Время пролетает, вот уж день встаёт!

Солнце ярко светит в тусклое окно,
От машин и копоти серое стекло.
За окошком осень – грязная пора,
Встану-ка я в восемь – не легла вчера.

Раз! Всё потерялось, разбежались мысли,
На столе остались черненькие брызги.
Тут перо упало, прямо под кровать.
Как же я устала, надо отдыхать!

БАСТРИКОВА

Алёна Андреевна,

Студентка 3-го курса

Курганского областного музыкального
колледжа имени Д.Д. Шостаковича

* * *

Тягучим мёдом растворился август,
В любимой чашке веточка рябины...
Кому-то осень – временная тягость,
А мне – со сладким вкусом сердцевина.

Пестрящим клином облетают листья,
Земля готовится ко сну – совсем устала.
Природа безупречно яркой кистью
Такой сюжет в альбом зарисовала...

В её этюдах нет минорных нот,
Она так быстро, незаметно пролетает...
И с отвращением ждёт её лишь тот,
Кто просто красоты не замечает.

* * *

Осень. И воздух прозрачен,
Дышится полно, легко.
Птицы в березах судачат,
На сердце уютно, тепло.

Осень. Всего середина
На календарном альбоме,
В алом платке из сатина
Танцует на смятой соломе.

На юбке узорная клетка,
Утро умыто украдкой...
Осень – такая кокетка,
Пусть остаётся загадкой.

* * *

Очаровательное нынче время года...
Да, всё же осень – истинная леди.
Загадка, тайна ей дарована природой,
Понять которую не все умеют.

Никто её красы не разгадает,
Всем кажется – «природы увяданье»,
А всё же за собою увлекает,
В стихах ей оставляется признание.

Рисует капельки на окнах утром осень,
Устало небо укрывает одеялом.
Среди могучих и спокойных сосен
Ветра поют протяжно и устало.

Но почему-то не до грусти и печали...
С улыбкой нежности смотрю в чужие лица.
И каждую минуту замечаю,
Ведь больше это всё не повторится.

ПАСТУШКОВ

Алексей Владимирович,

ученик 11-го класса Боровской средней школы
Белозерского района

Наставник – Ильина Ирина Афанасьевна

ВЫЙДУ Я НА УЛИЦУ...

Выйду я на улицу,
Обернусь кругом,
И глаза любятоя
Маленьким селом.

Я взгляну направо
И увижу лес,
Милая дубрава –
И расту я здесь.

Посмотрю налево:
Речка протекает
И своей прохладой
Манит, искушает.

Что ещё для счастья
Может пригодиться?
Разве что любви
Малая крупица.

Вот она, деревня –
Родина моя,
Где проходит детство,
И где счастлив я!

ЛИТВИНОВА Мария Валерьевна,
преподаватель в Лесниковском лицее
имени Героя России Тюнина А.В.

Автор о себе: родилась 20 июля 1991 года в селе Звериноголовском в семье Закиных Валерия Петровича и Елены Викторовны. В семье всегда царила атмосфера любви, теплоты, гостеприимства и радушия. Любимыми предметами были литература, математика и биология. В 2009 году поступила в Курганский государственный университет на отделение русской филологии. В 2010 вышла замуж за студента КГУ Литвинова Александра Николаевича. Учились оба с упоением и в 2014 году окончили обучение с красными дипломами. В том же году были приглашены на работу в Курганский областной лицей-интернат для одаренных детей в качестве учителя русского языка и литературы и учителя математики и информатики. Работать было трудно, но интересно. В 2015 и 2017 годах родились две дочери.

В 2019 году приступила к работе в Лесниковском лицее имени Героя России Тюнина А.В., где и работаю по сей день. Свое первое стихотворение написала в 6 лет, но, воспитанная на красоте русской и зарубежной поэзии, пишу всегда только для близких, не придавая этому серьезного значения. Просто для души.

ПРЕЛЕСТЬ УЧИТЕЛЬСКИХ БУДНЕЙ

А я просто хочу войти в класс
И услышать знакомый шум:
Смех и топот, слияние фраз
В бесконечно-зазорный гул.
И пусть кто-то что-то поет,
А другой пускай ищет тетрадь,
Кто-то ручку свою достает,
Кто-то ластик успел потерять.
И пусть кто-то промчится вскачь,
А второй закричит ему вслед.
И пусть кто-то играет в мяч,
А другой доедает обед.
И пусть кто-то хохочет до слез
Над нелепою шуткой своей,
А другой говорит всерьез,
А кому-то молчанье милей.
И пускай они окружают
Мой учительский стол всей толпой,
И пускай они ГОВОРЯТ
Хором. Разом. Наперебой.
А потом пускай школьный звонок
Оборвет череду затей...
Я хочу начинать свой урок,
Видя лица, улыбки ДЕТЕЙ...

* * *

Что же такое счастье?
Кто сможет вмиг ответить...
Счастье – когда ненастье,
Счастье – когда дует ветер.

Счастье – когда метели
И когда дождь в окошко.
Счастье – под звук капли
Даже взгрустнуть немножко...

Счастье – рано проснуться
Под пение птиц весенних
И всей душой окунуться
В знойный запах сирени.

Счастье – нарвать ромашек
Солнечным жарким днем.
Счастье – дрожать до мурашек,
Под летним танцуя дождем.

Счастье – смотреть и видеть,
Счастье – искать и найти.
Счастье – среди тысяч тропинок
Знать, по которой пойти.

Счастье – за чаем с подружкой
Час или два скоротать,
Счастье – в обнимку с подушкой
Ночь напролет промечтать.

Счастье – когда мама рядом,
Счастье – ее обнимать,
Счастье – под листопадом
Бродить и листвою шуршать.

Счастье – в снежинок сиянье
Свою судьбу угадать

И в новогоднем желанье
Впервые любовь распознать.

Счастье – признанья и свечи
И нежности полная чаша.
Счастье – семейный вечер,
И дети смеются. Наши.

Счастье – ситец березы
И пестрота полей,
Счастье – когда в глазах слезы
Оттого, что поет соловей.

Счастье – задумчивый лес,
Счастье – раздолье лугов,
Бездонность синих небес
И белизна облаков.

И счастье – две кружки кофе,
С сахаром и молоком.
Так начинается утро,
А все остальное – потом...

Топот маленьких ножек,
Детских сияние глаз.
Счастье быть разным может,
Счастье – в каждом из нас...

В том, сколько видим света,
В том, сколько в нас доброты,
Нет сложнее и проще ответа;
Мир таков, как его видишь Ты..

Что же такое счастье?
Как же правдиво ответить?
Счастье – оно повсюду...
Его только нужно заметить!

* * *

Милые девчонки,
ласковые дочки,
Мамины помощницы,
папины звоночки.

Вот стоят, стараются,
месяц тесто сладкое

И тихонько с венчика
пробуют украдкой.

Все в муке волосики
и реснички тоже,
Но, кажется, счастливее их нет.
И быть не может...

* * *

А юность так прекрасна,
Как роза майским утром.
На лепесточках красных
Росинки перламутром

Горят, блестят, сияют,
Что глаз не оторвать.
Так много обещают,
Что хочется сорвать.

Но нежен так и хрупок
Юности цветков,
Что, взяв его чуть грубо,
Испортишь лепесток.

О сколько судеб юных
И пламенных сердец
Нашли под гнетом будней
Печальный свой конец.

Ведь в беге этих будней
И суете всечасной
Заметить очень трудно
Мольбу души несчастной.

Для них вражда и дружба,
Измена и любовь
Порою так огромны,
Что сердце рвется в кровь.

Они полны слезами
От боли и обиды,
А мы скользим глазами
И ничего не видим.

Мы, взрослые, большие,
Нам с высоты не ясно,
Что заморозки легкие
Для роз порой опасны.

Мы, взрослые, забыли,
Как тяжело бывает,

Когда тебя родные
Совсем не понимают.

И как впервые любишь,
Всем сердцем, беззаветно,
И как же это больно,
Коль чувство безответно.

Как грустно, одиноко,
Когда с своей бедою
Приходишь к самым близким,
Они ж махнут рукою:

«Все ерунда! Забудешь!
Тебе всего 12!
Еще сто раз полюбишь!
Не стоит волноваться!»

Наедине с собою
Подросток остается.
А вдруг своей бедою
Он просто захлебнется?

Но мы же с вами люди,
И это наши дети!
Мы перед Богом будем
Всегда за них в ответе!

Найдем ж для них крупицу
Заботы и участия,
Утрем с их щек слезинки,
Разделим их ненастья.

Пусть дети наши знают:
Всегда мы будем рядом!
Пусть розы расцветают
Огромным пышным садом!

Росинки пусть сияют
Волшебным перламутром,
Ничто не омрачает
Пусть юной жизни утро!

ФРОЛОВА Полина Николаевна,
ученица 6-го «А» класса
Петуховской средней школы № 1

СКАЗКА О ТОМ, КАК КУРГАНСКАЯ ОБЛАСТЬ ГЕРБ ИСКАЛА

В некотором царстве, в некотором государстве,
За Уральскими горами, за зелеными лесами
Область славная жила, краше всех она была.

Удивляла всех порой своей волшебной красотой:
Ярко-желтыми полями, изумрудными лесами,
Алыми закатами над избами и хатами.

Курганскую она звалась, на границе находясь
С одной из дружелюбных стран по прозванию Казахстан.

Но беда случилась вдруг, появились вокруг
Нашей области родной иноземцы, и с тоской
Ей сказали, что она и ничем и не видна,
Что леса, поля, холмы есть в любом краю страны.

Область наша загрустила, а потом она решила:
«Обойду свой край большой и создам я герб златой,
Чтобы все вокруг узнали, чем славны Кургана дали».

Собралась скорей в дорогу и пошла искать подмогу.
Первым встретила она на холме Богатыря,
Он свой славный щит стальной чистил крепкою рукой.

Область наша рассказала, почему в пути застала
Славного Богатыря.
Он ответил ей любя: « Я тебе, земля моя,
Дарю щит из крепкой стали, чтобы все вокруг узнали,
Что курганская земля и могуча, и сильна.

Для меня он другом был, он врагов в бою слепил,
Ты себе его возьми, для потомков сохрани!»
Для герба щит стал основой, наша область в пути снова.

За холмом монах стоял, монастырь он охранял.
Этот дивный Божий дом всем в Долматово знаком.
Раньше крепостью он был, от врагов людей хранил.

Наша область в знак почета зубцы крепкие прихода
На стальной щит приложила и, подумав, так решила:
«Щит украшу я зубцами, чтоб страна гордилась нами!
Над зубцами два кургана, два холма в снежном тумане,
Чтобы каждый мог понять, почему меня так звать!»
Так сказав, земля родная дальше двинулась, шагая.

Впереди виднелся лес, там по древу кто-то лез,
Область ближе подошла, удивилась, вот дела,
Это прыгала не птица, а хвостатая куница,
Самый хитрый зверь в лесу, обошла даже лису:
Хвост пушист, быстра, легка, острозуба и ловка.
В наших землях их полно, живут тут они давно,
И куниц тут обитанье. Чем не символ процветанья,
Чем не символ жизни вольной, изобильной и раздольной?

Так на щит зверек попал, чтобы каждый вмиг узнал:
Коль куница на гербе, на курганской ты земле.

Пока область герб искала, солнце много раз вставало,
Лист в лесу озолотило и на герб его спустило,
Получилось так красиво, словно сказочное диво,
Вдоль щита, как бусин ряд, листья золотом горят.

Вот и сказочке конец!
Область наша молодец!
Регион весь обошла и для герба все нашла:
Щит и крепости зубцы – силы нашей образцы!
Зверь лесной и лист златой – знак обилия простой!
Лента синяя вокруг – доброты курганской дух!

Силой, мощью, добротой славен край наш дорогой!

ТАБУЕВА Тамара Вячеславовна,
студентка 4-го курса Южно-Уральского
государственного медицинского университета

MAME

С серьёзным видом, вкрадчиво и чётко,
Холодным голосом мурашки вызывая,
На кухне в полночь обсуждать чечетку,
В которой ничего не понимаем.

Придумывать свои слова, названия,
Фиксировать их в памяти, смеяться
И по пути встречать в глазах признание.
Не находя, почти серьёзно обижаться.

О важном, о высоком и прекрасном –
Обычно между делом и с улыбкой,
О выборе, о чувствах и опасном –
Поменьше, чтобы избежать ошибку.

Болтать и много думать по ночам.
Идти к мечтам не очень-то уверенно,
Быть честными и удивляться мелочам,
Учиться разуму и доброте немереной.

Быть близкими по-настоящему, по правде,
Непросто мамой с дочками по двадцать
Одной конкретной искоркой во взгляде
От всех других на свете отличаться!

ЛАТЫНЬ МОТИВАЦИОННАЯ

По завещанию Декарта –
Cogito ergo sum,
И я несказанно рада
Тому, что в себе несу.

С мыслительной ленью воюя,
Все время учусь рассуждать.
Я чувствую, что существую,
Мне нравится существовать.

A casu ad casum, бывает,
Лисой подкрадётся лень,
Я ей поддаюсь, но знаю,
Что завтра тяжелый день.

А завтра – не день, а прелесть.
Мы будем учиться много,
Печально, что *vita brevis* ,
Отрадно, что *ars longa*.

Per aspera ad astra
Я доберусь однажды
До цели своей прекрасной –
мне это ужасно важно.

Неспешно и *bene placito*
Стремлюсь стать врачом хорошим,
Дорога уже открыта –
Я точно ее не брошу!

Cogito ergo sum – мыслю, следовательно существую
a casu ad casum – время от времени
ars longa, vita brevis – искусство огромно, жизнь коротка
per aspera ad astra – через тернии к звездам
bene placito – по доброй воле

Ответ мальчику от лица замучившей тоски

И ты станешь когда-нибудь счастлив
В полной мере, без всяких «но».
Ты не будешь стараться значить
Больше
Тем, кто не нужен давно.

Ты не будешь сидеть ночами,
Перестраивая себя.
И покажется мелочами
Вся печаль, абсолютно вся.

И тогда мне не нужно станет
Приходить к тебе каждый вечер.
Это будет когда-то с нами.
Мы расстанемся, станет легче...

Обещаю, не буду, точно,
Наблюдать, разъедая тебя.
Только нужно, и даже срочно,
Отказаться от части себя.

И понять, когда буду я рядом,
Взглядом ненависти сверля,
Что ты сам и бываешь ядом
Что ты сам – это есть я.

КУРЫЛЁВА

Ксения Владимировна,
студентка Курганского
государственного университета,
факультет «Зарубежная филология»

Автор о себе. Меня зовут Курылева Ксения, родом я из Курганской области, Лебяжье-ского района, посёлка Лебяжье. Писать стихотворения я начала в возрасте десяти лет. В школьные годы принимала активное участие в литературных конкурсах различного уровня. В старших классах входила в состав районного литературного клуба «От всей души» при Лебяжье-вской межпоселенческой центральной библиотеке. Сейчас я учусь в ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет» и активно принимаю участие в творческих конкурсах. Кроме того, я участвую в литературных вечерах, которые проводятся Курганским областным художественным музеем, Курганской областной универсальной научной библиотекой им. А.К. Югова.

2x2

Четыре. Дважды два – четыре.
Ты должен это крепко знать.
И, что б тебе ни говорили,
Не будет дважды два вдруг – пять.
А если станут наседать,
Давиться станешь этим мнением,
Тебе не стоит забывать,
Кто Ты такой и кем Ты не был.
А если рвётся сердце в клочья
И всё кричат, чтоб ты принял
Их правду, помни это точно:
Правда лишь то, что ты познал...
Познал с уменьем и страданьем
И на ошибках понял то,
Что все уроки были данью
И видишь в них ты лишь добро.
А если в мозг протянут руки...
Ты помни только об одном:
Иллюзия. Иллюзия – те муки.
И стой за Правду на своём.
Четыре. Дважды два – четыре.
Тихонько повторяй себе.
И, что б тебе ни говорили,
Ты помни: Правда лишь в тебе.

НА КРАСНОЙ ПРЕСНЕ

Маяковскому В. В.

Я была в Вашем доме на Пресне.
Я увидеть хотела Ваш взгляд.
Заявляю, товарищ, Вам честно,
Я хотела б повернуть время вспять.

Мне б хотелось увидеть луч солнца,
Что спускается с Ваших губ.
Я б хотела с Вами бороться
За прочтение зовов труб.

Я бы маршем ходила влево,
И статьи бы писала для Вас.
Кофту жёлтую я бы надела,
И в голосе был бы металл и бас.

Я б узнала о дочери Элли.
Поступили бы Вы не так?
Как Вы так? Ну, как же Вы смели?
Но не стала бы Вас упрекать.

Любовищу свою волоча,
Не ушли бы Вы так далёко?
На курок бы Вы не нажав,
Не ушли бы Вы раньше срока?

Мне бы скрипку – немножко нервно,
Показать Вам словами то,
Что к Вам питаю уважение,
Но для Вас я (как для многих) «никто».

Я была в Вашем доме на Пресне.
И мне так захотелось обнять
Вас словами своими и с честью
Писать продолжать, писать!

СПОНТАННО

Лучшее происходит спонтанно.
Мне, прыгнув с разбега, упав не нарочно,
Стоит запомнить все эти раны,
Воспоминаний горячий источник.
Лучшее, знаешь, приходит внезапно!
Солнце в глазах, мурашки по коже...
Стоит лишь думать немного масштабней,
Бросить тревоги и страхи до дрожи.
Лучшее, может, находится рядом.
День сменяется ночью... и что?
Но просто задумайся, это награда!
Проникнись свободой и красотой.
Лучшее может не ждать впереди...
И за углом тебе худшее машет...
Но сам к нему, не спеша, подойди,
Оно-то на лучшее, может, укажет.
Лучшее здесь и сейчас, а не там...
То, где нас нет, – кажется «лучшим».
Просто подумай без трагедий и драм:
Что ты можешь сегодня улучшить?

* * *

Дай мне нитку с иголкой,
Мне зашить нужно раны.
Никогда не замолкну,
Буду биться о камни.

Дай мне нитку покрепче,
Чтобы швам неповадно
Расходиться. На плечи
Я взвалю скорби жадно.

И порезав предплечье
О те самые грабли,
Буду знать, что не вечно
Будут грабли, как сабли.

Мне б иголку острее,
Чтоб проткнуть мою кожу.

Нитку крепче. Смелее
Становлюсь я, все тверже.

Ты же знаешь про дно?
Я была там, вот вышла.
И не всё мне равно,
Выходила я трижды.

Дай мне нитку с иголкой,
Я зашью всё сама.
Правда может быть колкой,
Но она лишь важна.

Я смотрю в отражение,
Я всё нитку прошу...
Нет иголки – забвение.
Может, я ухожу?

ВОПРОС

Я нема. Я нема. Я немая теперь.
Моя речь, словно комья бумаги.
А на дне, а на дне она не для людей,
Для несчастных морских она гадов,

Что живут на противном илистом дне
Моих мыслей под грифом «Секретно».
Они крутятся, крутятся в своей колее,
Оставляя вопрос без ответа.

А вопрос состоит, состоял, состоит из
Мельчайших частиц, словно атом.
А вопрос состоит в бытие без границ
И в том, что уйдём безвозвратно.

И вообще, безвозмездно прожив этот миг,
Мы не можем уйти, вновь жалея,
Что в нем попытались искру найти,
А нужно лишь жить, надеясь.

Колеса праздных мыслей и мыслей других
Просто жить нам мешает, и страшно
Под глазами иметь и мешки, и круги,
А в глазах огонёк, вновь погасший...

Нам не страшно забыться в чёрном квадрате,
Где пытаются образ наклеить.
Наклейку со взглядом большого брата
Хотят не хотят, а лелеют.

Пробиваются еле чрез зловонное дно –
Не ростки, не растения... Мысли,
Что терзают тебя, когда темя бедно,
Ты становишься зол и завистлив.

Мне пора прекратить раскрывать своё дело
Моих мыслей под грифом «Секретно».
Если мысли погибнут, то я найду смелость
Возродить их и заставлю ответить

На единственно важный вопрос бытия:
Я важен как гайка, как винтик в системе?
Или большего стою? И хором: я, я, я...
Из-за «я» у тебя, друг, проблемы.

ПЕРЕВОРОТ

Юность всё перевернёт,
Разбросает листья –
И подкинет, и в полёт!
Мне пора проститься

С детством и с обидой той,
Что сжигает сердце.
Мне пора! Одной ногой –
За желанной дверцей.

Только руки в кулаки,
Дух сильнее, крепче!
И провалам вопреки,
И по ветру легче!

Леденцы оставить в банке,
Под кроватью не искать,
За что серенькой-то лапке
Ночью нравится хватать:

То за руку, то за пятку...
В детстве всё это, сейчас
Приучаю я к порядку
Мой уж взрослый ясный глаз.

Юность всё перевернёт
Неожиданно, спонтанно!
Только смел будь – и вперёд,
И работай неустанно

Над отделкой, над душой,
То, что видно и не видно.
А тревоги, их – долой,
И живи так, чтоб не стыдно

Было ни тебе, ни всем,
Тем, которых встретишь в мире.
И запомни: каждый день
Помогай больным и сирым.

Юность всё перевернёт,
Дай ей вволю литься!
Роднику чистейших вод,
Им не дай грязниться.

Родниковая вода
Омывает годы счастьем.
Юность, жаль, не навсегда,
Вот что это даст нам:

Время полно грусти, слёз,
Радости и вновь слезами.
Ах, юность-юность – время грёз,
С причудами и чудесами.

Юность всё распределит,
Выбросит все листья,
В сердце счастье поселит,
Ты лишь не противься.

* * *

Я режу на ломтики эту минуту,
С орбиты планеты срываются вниз.
Пожалуй, я здесь ещё рядом побуду,
Исполню последний твой странный каприз.

Я режу на ломтики эти часы.
Они исчезают в галактике этой.
И если ты можешь – с собой унеси
И боль, и обиду, и прошлое лето.

Я режу на ломтики эти года...
Вселенной отдам настроение фальши.
И если бороться нет сил до конца,
Нам незачем вместе с тобой идти дальше.
Я режу на ломтики эти секунды.

Последний полёт в наш космос открытый.
Там нет даже звёзд, астероидов грома...
И общий корабль давно позабытый.

ДУШИ ПОРЫВ

О, этот дурманящий запах свободы!
О, эта высокая гладь берегов!
Чтоб вырваться, тратим мы многие годы,
Чтоб вырваться из этих несчастных оков.

Вдохни запах моря и попутного ветра,
Послушай симфонию природы детей...
Ведь только природа, природа – бессмертна.
Она всех правдивей, она всех верней.

О скалы волна рассыпает свой бисер,
И капли по камню сползают всё вниз.
А ветер и свеж, и силен, и быстр,
Творит чудеса фантастический бриз.

Вокруг – по лесам, по горам и по морю –
Луч жаркого солнца плывёт не спеша...
Ты слушай симфонию, что скрывает порою
Твоя лишь бессмертная и живая душа.

ВЕСЕЛУХИНА
Ксения Дмитриевна

Образование высшее, специалист
Северной транспортной компании

НЕУЛОВИМЫЕ «МЕДВЕЖАТНИКИ»

История уголовного розыска в Целинном районе корнями уходит в далёкое прошлое. Ещё в 1921 году в Усть-Уйской волости начали образовываться зачатки УгРо. Однако его становление шло медленно и проблематично. Это было обусловлено тем, что район то и дело переходил из одной области в другую. В итоге, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 февраля 1943 года, Усть-Уйский (Целинный) район вошёл в состав вновь образованной Курганской области.

За более чем полувековое существование уголовного розыска в Целинном районе дел, расследованных местными сыщиками, накопилось такое множество, что хватило бы не на одну книгу. Эти дела были разными, от убийств до «хулиганки», от преступлений на государственной службе до обыденных потасовок с последствиями в тёмных дворах.

Криминальная обстановка в первое десятилетие XXI века была обусловлена тем, что на территории Целинного района постепенно ликвидировались предприятия, разваливались и банкротились многие хозяйства, в связи с этим увеличивалось и количество безработных граждан. Ещё одной из существенных причин ухудшения криминальной обстановки стало освобождение ранее судимых граждан. В основном это были осуждённые в лихие 90-е, которые, несмотря на «смену декораций», всё так же были верны понятиям того времени. Отсутствие работы и, как следствие, нехватка средств к существованию толкали людей на преступления. Об одном из таких дел и будет этот рассказ.

Началось всё в далёком 2006 году. На территориях нескольких районов Челябинской и Тюменской областей был совершён ряд краж. Преступники специализировались на небольших населённых пунктах, где грабили магазины, сельские советы, отделения почты и Сбербанка. Поиски налётчиков раз за разом заходили в тупик. Так и гуляла банда больше года, отмечаясь то тут, то там. Они уходили так же незаметно, как и появлялись, практически не оставляя за собой следов.

Быть может, утомили их дальние поездки или были на то какие-то другие причины, но переключились злоумышленники на Курганскую область. Впоследствии в ходе расследования было установлено, что все члены преступной группы были жителями города Куртамыш.

С завидной частотой в милицейских сводках Мишкинского, Половинского, При-тобольного, Варгашинского, Шатровского и Целинного районов стали появляться схожие преступления. Всего в ходе расследования была установлена причастность группы к 29 эпизодам по всей области (только на территории Целинного района преступники похитили деньги и имущество на сумму около 300 тысяч рублей).

Словно щёлкая орешки, «медвежатники» с неопишуемой лёгкостью взламывали сейфы. Они обогащались и уходили в подполье, видимо успевая прогуливать награбленное. Но в очередной раз промахнулись и «обломали свои зубы» о Целинный УГРО.

Через дерзких ограблений пронеслась по сёлам Половинное, Пески, деревне Воздвиженке и другим населённым пунктам (всего на территории района было ограблено 9 точек). Возможно, и в этот раз злоумышленники благополучно ушли бы от закона, ведь для этого у них было всё. Сплочённая, основанная на дружеских и родственных связях преступная группа. Главарь, имевший за своими плечами 3 срока за кражи, просчитывающий предстоящий налёт до мелочей. Машины, которые они меняли постоянно, чтобы не попасть в засаду. А также специальные приспособления для взлома и отключения сигнализации. Любой специалист был бы поражён инструментом доморощенных «кулибиных», изготовленным из обычной автомобильной рессоры, но открывающим сейфы, словно консервные банки. Каждый раз налётчики готовились, как в первый, и одерживали верх. Наглость бандитов не имела предела, они словно бросали вызов местным сыщикам, и те его приняли.

На тот момент в уголовном розыске коллектив подобрался молодой, энергичный, а главное – слаженный. Начальник отделения уголовного розыска Д.В. Веселухин, имея десятилетний стаж работы, в полной мере обладал всем необходимым опытом, знаниями и приёмами оперативной работы. За годы службы он не один раз доказывал, что способен решать любые поставленные перед ним задачи. За плечами оперативников Д.Н. Пунтусова, Ю.А. Леонова, В.А. Амельченко тоже был далеко не один год работы в уголовном розыске и не одно раскрытое преступление. Именно на их плечи и легло это тёмное и довольно сложное дело.

Главной трудностью в расследовании оказалось то, что было практически невозможно предвидеть замысел бандитов и просчитать, куда в следующий раз они направятся. Ездили преступники хаотично, могли резко поменять планы, развернув машину в противоположную сторону. Их действия не подвергались логическому расчёту, каждый раз грабители как будто тыкали «пальцем в небо» и отправлялись в путь.

Подвергнув полному и скрупулёзному анализу все совершённые преступления, опросив жителей и просчитав все мельчайшие детали, разработали план оперативно-розыскных мероприятий. Наиболее привлекательными для преступников, по мнению сыщиков, стали два села – Заманилки и Матвеевка. К ним вела хорошая асфальтированная дорога, а это для бандитов было обязательным условием. При совершении преступления можно учесть всё, кроме непредсказуемой зауральской погоды, поэтому асфальт помогал легко скрыться и в дождь, и в град, и в снег. К тому же это была крупная трасса, ведущая в сторону Челябинска, где не составляло труда затеряться среди потока легковых машин, газелей.

В итоге, когда встал вопрос, где же устраивать засаду, руководствуясь каким-то шестым чувством или оперским чутьём, выбор команды пал на Матвеевку. Только потом выяснилось, что изначально грабители планировали нападение на Половин-

ное, но по дороге что-то спугнуло их, и они, изменив своё решение, отправились в Матвеевку.

Теперь мышеловка ждала своей добычи. И вот под покровом ночи в сторону конторы начали двигаться неизвестные люди. Ещё днём, разведав обстановку и выяснив, что милиции в деревне нет, а решётка на окнах ненадёжная, они спокойно и вальяжно приближались к своей цели. Однако преступники даже не подозревали, что их ждёт через несколько минут.

В это время сотрудники сидели в засаде. Их не пугал ни ветер, ни прохлада, команда чувствовала – вору близко. И это чувство нарастало с каждой минутой. Только лишь заведев неизвестных, сотрудники оперативно сообщили информацию в дежурную часть и подняли группу захвата. Через 10 минут она была на месте. Ворвавшись в здание, сотрудники милиции застали на месте преступления двух мужчин. На полу валялся чемодан с различными инструментами. Дверь в бухгалтерию ЗАО «Матвеевское» была вскрыта. Мышеловка захлопнулась. Благодаря слаженным действиям всех участников операции банда была взята на месте преступления.

Каково же было удивление сотрудников, когда среди задержанных они увидели четверых хиленьких мужичков, никак не похожих на матёрых «медвежатников» – взломщиков сейфов. Ведь все расследовавшие это дело представляли себе крупных богатырей с недюжинной силой. Взятые с поличным, члены группы, не видя смысла отпираться, сразу начали рассказывать о своих похождениях. Все показания сходились с материалами дела.

Интересным фактом стало то, что на территории Куртамышского района, где и проживали грабители, не было совершено ни одной кражи. Вроде бы в своём районе ты знаешь больше и осведомлён лучше, имеешь связи и возможность скрыться. Но преступники признались, что изначально руководствовались правилом: никогда не грабить в своём городе. Этим они старались не привлекать к себе лишнее внимание. В виду многочисленности эпизодов и охвата территории нескольких областей дальнейшее расследование проводилось Курганским ОРЧ. Задержанные получили заслуженное наказание. Это резонансное дело впоследствии ещё долго обсуждалось в обществе. Оно возникает в памяти до сих пор, несмотря на истечение срока давности.

За успешно выполненную работу все сотрудники уголовного розыска и те, кто участвовал в задержании, были поощрены руководством. Денежное вознаграждение, конечно, хорошо, но для каждого настоящего сыскаря главное – это моральное удовлетворение и чувство, что, несмотря на трудности, он смог переиграть преступника.

В папке участницы конкурса 12 небольших статей, которые она регулярно писала и посылала в газеты. Но даже из вышеопубликованной видно, что перед нами – интересный и перспективный автор.

МЕДВЕДЕВА Наталья Сергеевна,
студентка 2-го курса
Южно-Уральского государственного
педагогического университета
(участница конкурса из поселка Мишкино)

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

Дорогой дневник, я открываю твою первую страницу и поздравляю тебя с рождением. Твоя жизнь с прикосновением моего пера только что началась. Свежий, немного хрустящий лист податливо лег под руку, и разлинованные полосы стали наполняться незатейливыми закорючками. Я пишу, не сложно догадаться, что пишу от руки.

За окном поздняя осень или ранняя зима – каждый называет это так, как ему нравится. Скажу одно: неприятная погода для прогулок, но потрясающая для письма. На часах 11. Вечер. А мне совсем не спится, в голове всё какие-то мысли, не дающие покоя. Вот что значит быть человеком! Все думаю и думаю. О чем? Порой не понимаю и сама, но точно уверена, что это правильно, что так и должно быть.

Ах, да. Слишком длинное предисловие получилось. Свой дневник я начала не случайно. У меня возникло много вопросов, а вокруг так мало ответов. Тут, в своём письме неизвестному адресату (немного забавно звучит, не правда ли?), я хочу поделиться мыслями, которые бьют изнутри жадным ключом и просят публики. Так вот, я готова, я созрела вылить всё на бумагу, ведь, как известно, «бумага всё стерпит».

Мне не удастся открыть Америку идеями, что в наш век владеть информацией – это владеть миром. Действительно, информация сейчас как никогда ценна и значима. Мы следим за новостями, читаем книги и газеты, изучаем статьи, смотрим фильмы, «штудируем» Интернет; яро, а порой и фанатично следим за жизнью звёзд. Объем нашей каждодневной информации можно сравнить с «огромным багажом и маленькой тележкой». Мы хотим объять всё, но порой у нас не получается ровным счетом ничего.

«Почему?» – этим вопросом задаются многие. Ответ прост и умещается буквально в двух словах: «Начни с малого». Познай самого себя, своих родных, семью. Узнай историю своего рода, и любая другая информация тебе будет по плечу. Ты будешь сильным, ведь под тобой будет крепкий фундамент. «Вот так закрутила!» – скажешь ты. Да, вот так мы вышли на тему, которая запала мне в душу, окольными путями, но добрались.

Я перевооруживаю лист дневника и начинаю своё повествование.

Дорогой мой собеседник, я надеюсь, что ты не сочтешь меня глупой невежей, если я буду обращаться к тебе на «ты». Так будет привычнее, душевнее, по-простому.

Вспомни школу, урок литературы. Там, помимо скучных нравоучительных речей педагога, было много интересного. Стихотворения, пересказы, чтение, анализы, биографии... Стоп, «биографии» – вот что нам нужно. Жизнь писателей и поэтов активно изучается на просторах школьной скамьи неспроста, благодаря этой информации мы узнаем автора как человека, а только потом как писателя. История жизни

помогает нам углубиться и детально понять смысл произведений, поскольку в них между строк скрывается то, что нельзя увидеть невооруженным глазом. С литераторами всё, кажется, предельно ясно. Теперь попробуем подобраться чуть ближе.

Почему же мы, изучая жизни других, свою собственную оставляем всегда в тени? Вопрос риторический.

Давай начистоту. Какие сведения ты знаешь о своей семье? Информацию об отце и матери озвучат все, часть знают своих бабушек и дедушек, но если подкопнуть глубже, то дело пойдет «худо».

Прабабушки, прадедушки, прапрабабушки... И так далее, добавляя приставку «пра». Этих недалеких (двусмысленное слово получается) родственников сейчас, к сожалению, знают единицы.

«Не помню/забыл/никто в семье не рассказывал/знаю, но не уверен и т.д.» – всё это можно приравнять к формулировке: «Не знаю и не хочу знать!» Грубо, но справедливо.

Мало кто знает, что не так давно было обязательно знать поименно свою родословную до пятого или даже седьмого колена. Память о своих предках была естественной потребностью. Держаться своего рода, оберегать семейные традиции, реликвии, передавать их по наследству следующим поколениям – было обязанностью каждого. Было... А что сейчас? Мы стали безответственны и не хотим знать о людях, которые стоят у истоков нашей жизни. Мы перестаём интересоваться, а значит, перестаём жить. Мы лишь существуем.

Перо издаёт скрипящий звук трения по чистому листу, немудрено, ведь я еще не обучилась столь сложному искусству каллиграфии. Полночь. Перечитала письмо, и кажется, что все мои мысли – это сплошной негатив. Нет, это совсем не так, не пойми меня неправильно. Мне лишь хочется одного: чтобы ты, мой читатель, переоценил свои ценности и извлек для себя пользу.

Разве тебе не интересно, кем была твоя прапрабабушка по маминой линии или прапрадед по папиной. Может, в твоём роду есть выдающиеся люди. Может быть... а ты и не знаешь.

С другой стороны, да, в жизни случаются такие ситуации, когда связь поколений разрушена и люди не могут воссоединиться, узнать свою историю. Может быть, к несчастью, к таким людям относишься и ты. Заранее прошу прощение и продолжаю ход своих мыслей. Как ни странно, именно люди, потерявшие семейные узы, обладают сумасшедшим рвением к поиску, они жаждут найти даже самую малую информацию. У них есть смысл – смысл найти.

Мне в этом плане повезло. Моя бабушка по папиной линии в молодости интересовалась историей нашей семьи. Она, будучи юной девчонкой, узнавала у своих родных биографии, факты из жизни, собирала документы и всё это записывала, хранила. Затем её дочь, моя тетя, дополняла нашу родословную новыми сведениями. И сейчас у нас на руках есть «семейный архив» – небольшой кожаный оранжевый портфель, некогда служивший по назначению для советских школьников, а сейчас вступивший в права хранителя семейной истории.

Не буду загружать тебя объемной информацией о своей семье. Понимаю, что это не представляет для тебя огромный интерес, но кое-что я тебе всё же расскажу. Не поленись, прочти, ведь ты уже сделал довольно длинный путь, и останавливаться сейчас – бросать дело на полпути.

Я вновь перевоорачиваю лист, а на часах уже второй час.

О чем же рассказать в двух словах? Дело непростое, но я попробую. Из семейных источников я точно знаю, что в моей семье не было дворян. Были обыкновенные трудяги-крестьяне: бедные, жившие огромными семьями и испытывающие нужду во всём, и зажиточные, пострадавшие в годы раскулачивания.

Интересный факт относится к последним. Мой прадед – участник Великой Отечественной войны (отец бабушки по папиной линии), родился в с. Масли Мишкинского района как раз-таки в семье зажиточных крестьян. Детей было четверо: две сестры, брат и он – младший сын. Семья была работающей, поэтому-то и был достаток: скотина, земля, торговля, помощники (они жили наравне с хозяевами), большой крепкий дом. Это всё было, но в один миг всё исчезло, не осталось и следа от старой сытной жизни. Дом забрали и позже сделали из него детский сад, скотину ликвидировали. Семья моего прадеда осталась «без кола и двора». Не было еды от слова «совсем», просили милостыню. Мать была слепая. Сказать, что было тяжело, не поворачивается язык. Прадед в 6-летнем возрасте пас коров, остальные дети также рано стали ВЗРОСЛЫМИ, и их долгая, упорная работа помогла вновь встать на ноги. Не так крепко, но всё же они были спасены.

Если говорить про прабабушку по папиной линии, то она является 100% белоруской по крови, получается, что и во мне на 11–25% течет кровь нашей «западной соседки». Жизнь бабушки была тоже не проста. Их было восемь детей, она старшая. Семья очень бедная, еды вечно не хватало, много работали, одежды по сезону не было, но учиться, говорит прабабушка (она жива, ей 94 года), хотелось всегда, ходили в школу по очереди, в одних сапогах. По окончании семилетней школы прабабушке хотелось получать знания далее, но семья не имела такой возможности, и ей пришлось идти работать. Прабабушка Зина до сих пор говорит мне про это при каждом удобном случае и наставляет на путь, ведущий к знаниям. Ослушаться ее советов не позволяет совесть.

Все эти биографические отрывки рассказывает мне бабушка не по одному разу, как это бывает у людей старшего поколения, поэтому большая половина информации мной успешно усвоена.

К сожалению, по маминой линии я не могу похвастаться такими же знаниями, но и их хватает для представления картины рода.

Свои родословные и отрывки из записей я прикреплю в приложении. Ты, мой читатель, сможешь посмотреть и оценить работу, сделанную моими родственниками в поиске информации. Если говорить честно (сегодня у нас ночь откровений получается), то моей заслуги во всем этом так таковой нет. Я не находила, я не собирала. Но одно точно известно мне: всю эту информацию я должна знать, беречь и передавать своим детям, чтобы они имели под собой крепкий фундамент истории и так же, как и их предки, смогли твердо встать на ноги.

На часах 3. Опять засыпаю под утро, а так много ещё хочется рассказать, но об этом в другой раз, в другую ночь. Я не заканчиваю своё письмо и не прощаюсь. Я лишь кладу закладку и говорю: «До свидания, мой друг. Мы еще свидимся!»

P.S. Пробуй, пытайся, узнавай новое, ЖИВИ! Ещё есть время, ведь пока живут твои бабушки и дедушки, папы и мамы, жива и память о них. Цени любую найденную информацию, не забывай, что от тебя зависит будущее. И ещё, помни слова М.В. Ломоносова: «Народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего».

ВЕТЛУГИН Валерий Алексеевич,
студент 4-го курса
Мишкинского профессионально-педагогического колледжа

Я С КНИГОЙ ОТКРЫВАЮ МИР!

*Книга – учитель, книга – наставница,
Книга – близкий товарищ и друг.
Ум, как ручей, высыхает и старится,
Если ты выпустишь книгу из рук.*

В. Боков.

Именно отрывком из стихотворения Виктора Фёдоровича Бокова я начал рассуждение об одном из самых интересных компонентов жизни каждого человека и всего человечества в целом – о книге. Существует высказывание о том, что книга является товарищем и верным другом. Так ли это? Или значение книги на самом деле слишком переоценено? Попробуем разобраться в этом вопросе. А ответ на наш вопрос начнём искать в истории.

С давних времен, с момента появления первых людей, начали возникать самые разнообразные вопросы, ответы на которые приходилось получать, пройдя долгий путь исканий и горький опыт.

Главная задача на тот момент состояла в том, чтобы сохранить эти ответы, как знания для последующих поколений.

Наскальные рисунки, речь, а с появлением письменности глиняные таблички и папирусы – всё это помогало людям, выручало их в решении жизненных вопросов. Знаний становилось все больше, и на смену простейшим средствам передачи информации пришли книги.

Первые книги отличались от современных своим внешним видом, но их цель по сей день осталась неизменной – помочь читателю в каких-либо вопросах.

В разные эпохи отношение к книгам широких масс было разным. К примеру, в период появления первых книг и тогда еще всеобщей неграмотности, все их могущество ощущали лишь немногие: служители церкви и религиозные деятели.

С распространением чтения и письма всё больше людей начало осознавать важность и самоценность книги, которая являлась и осталась на сегодняшний день отличным собеседником, рассказчиком о многих чудесных вещах, первооткрывателем многих событий, а также истории человечества в целом.

Яркое подтверждение этой мысли можно найти в записках Афанасия Никитина «Хождение за три моря», которым в текущем году исполнилось пятьсот тридцать лет. Это русское произведение было первым, точно описывающим торговое и нерелигиозное путешествие. Автор посетил Кавказ, Персию, Индию и Крым. Однако большая часть записок была посвящена Индии: её политической структуре, торговле, сельскому хозяйству, обычаям и традициям. Произведение полно лирическими отступлениями и автобиографическими эпизодами. В 1475 году рукопись оказалась в Москве у правительственного чиновника Василия Мамырева. Позже, в 1489 году, она была воспроизведена в летописном своде, к которому восходят тексты Львовской и Софийской летописей.

Известный русский историк Н. М. Карамзин открыл «Хождение за три моря» в Троицком списке (конца XV или самого начала XVI века) и опубликовал отрывки из него в 1818 году в примечаниях к VI тому «Истории государства Российского». Полностью сочинение опубликовал П. М. Строев в 1821 году в издании Софийской II летописи. Карамзин писал: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века... Оно (путешествие) доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещённых, но равно смелых и предприимчивых; что индийцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара...» Следует отметить, что 190 лет назад была завершена публикация «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (12-й том – в 1829 г.).

Русская классическая литература XIX века – это литература «вечных тем». Русские писатели стремились ответить на сложные вопросы бытия: о смысле жизни, о счастье, о Родине, о природе человека, о законах жизни и Вселенной, о Боге... Но, как люди с активной жизненной и общественной позицией, русские классики не могли стоять в стороне от актуальных проблем своего времени. В связи с этим «вечные темы» в русской литературе выражались, как мне кажется, через поиск «героя времени».

Одним из таких авторов является Н.В. Гоголь и его бессмертная поэма «Мёртвые души», где у мечтателя Манилова «...в кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года...». Изначально «Мёртвые души» задумывались как сатирический плутовской роман, парад злых карикатур, как писал Гоголь в «Авторской исповеди», «если бы кто видел те чудовища, которые выходили из-под пера моего вначале для меня самого, он бы точно содрогнулся». Во всяком случае, содрогнулся Пушкин, который слушал в авторском чтении первые главы в ранней, не дошедшей до нас редакции, и воскликнул: «Боже, как грустна наша Россия!» Первые главы поэмы Николай Васильевич Гоголь читал знакомым литераторам зимой 1839/40 года, во время недолгого приезда в Россию. Прошло сто восемьдесят лет...

В романе Ивана Александровича Гончарова «Обломов» мы видим отношение к чтению через образование: «...Времена Простаковых и Скотининых миновались давно. Пословица «Ученье – свет, а неученье – тьма» бродила уже по селам и деревням вместе с книгами, развозимыми букинистами... Стали носиться зловещие слухи о необходимости не только знания грамоты, но и других, до тех пор неслыханных в том быту наук. Между титулярным советником и коллежским ассессором разверзалась бездна, мостом через которую служил какой-то диплом... Они (Обломовы) мечтали и о шитом мундире для него (сына), воображали его советником в палате, а мать даже и губернатором; но всего этого хотелось бы им достигнуть как-нибудь подешевле, с разными хитростями, то есть, например, учиться слегка, не до изнурения души и тела, не до утраты благословенной, в детстве приобретенной полноты, а так, чтоб только соблюсти предписанную форму и добыть как-нибудь аттестат, в котором бы сказано было, что Илюша прошел все науки и искусства...». Насколько образ мыслей Обломовых-старших актуален! А ведь роману Ивана Александровича Гончарова исполнилось сто шестьдесят лет!

Итак, были проанализированы примеры древнерусской и классической русской художественной литературы XIX века. Но, так как я являюсь студентом курса по специальности «Дошкольное образование», приведу примеры юбилейных художественных произведений, предназначенных для детей дошкольного возраста.

В 2019 году исполняется 90 лет самой известной, интересной и поучительной сказке в стихах К.И. Чуковского «Айболит». Кто не знает этого литературного героя! Айболит – добрый доктор, который помогал всем без исключения. Но обратим внимание на тот факт, что даже сказочные персонажи умеют читать! Ведь Айболит узнал о болезнях в Африке из телеграммы: «Вдруг откуда-то шакал/ На кобыле прискакал:/ «Вот вам телеграмма/ От Гиппопотама!»/ «Приезжайте, доктор,/ В Африку скорей/ И спасите, доктор,/ Наших малышей!...». Добрый доктор, конечно же, отправился в Африку, твердя: «Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо».

В настоящее время роль книги вновь теряет свои прежние позиции.

На смену печатным книгам, с ростом технологий, пришли электронные и аудио - книги, а интерес к печатной литературе резко спал, но есть те, кто предпочитают бумажный вариант в силу прежних привычек или ощущений, которые испытываешь при чтении печатного текста, ощущая целый мир в своих руках.

Существуют и аналоги получения информации по типу Интернета, радио, телевидения, но заменить книгу – нельзя! И вот почему!

Книгу по праву можно считать другом думающего человека, который способен найти ответ на вопрос, который его интересует. Быстрый вариант по типу Интернета не всегда будет оказывать должный эффект, так как порой необходимо многое осмыслить, и книга, как никто другой, способна помочь нам в решении этой задачи.

Во-вторых, книга развивает воображение и запускает фантазию человека, обогащает представление о мире, и тут очень важно отметить именно роль бумажной книги.

Наличие бумажного носителя книги и его чтение оказывает дополнительный положительный эффект, создавая ощущение полного погружения.

В-третьих, книга может дать нам настоящую дружбу!

Ответы на наши вопросы – не самое главное!

Она знакомит нас с другими событиями, временами, людьми и даже целыми вселенными с их мирами. Если человек найдет «свою» книгу, то эта дружба оставит неизгладимое положительное впечатление на всю жизнь.

Книга прошла огромный путь – от начала времен и до наших дней.

Она всегда помогала справляться с человеческими переживаниями, развивала восприятие мира, учила и наставляла на новые свершения. Если мы способны принять её дружбу, то жизнь может обрести новые смыслы и сделать нас по - настоящему счастливыми!

Книга – друг и товарищ каждого мыслящего человека, а это означает, что мы должны всегда думать, развиваться и читать книги, чтобы быть отличным собеседником, и сохранить книжную дружбу на всю жизнь.

Ведь книга открывает мир!

ЗАЧЕМ ХОДИТЬ В ШКОЛУ?

О региональной
Школе молодого литератора
«Шинель»

2018 год оказался для меня очень богатым на события. В тот год я впервые получил очный опыт литературного общения всероссийского уровня...

Совещание молодых литераторов в Химках стало моим первым знакомством с современной молодой литературой, с моими коллегами по перу из Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Ульяновска, Воронежа и других регионов. Химки, став точкой отсчёта новых литературных и человеческих знакомств, стали первым опытом серьёзной и, не побоюсь этого слова, безжалостной критики со стороны опытных мастеров и редакторов. Это был холодный душ, первое серьёзное разочарование, замечательный опыт смирения перед Великим постом. Но именно тот подмосковный февраль стал для меня началом тесного сотрудничества, а позже и работы в составе исполкома Совета молодых литераторов при Союзе писателей России.

После Химок были ещё два совещания молодых писателей – в Челябинске и Ульяновске (апрель-июнь соответственно), которые помогли упорядочить мысли о собственном дальнейшем пути в литературе.

Вот такой краткий курс молодого литератора был пройден мной в первой половине 2018 года. В мае того же года по рекомендации Курганской областной писательской организации я был принят в Союз писателей России.

Летом всё того же 2018 года Совет молодых литераторов при СПР направлял большую делегацию молодых авторов со всей России на Всероссийский молодёжный образовательный форум «Таврида». Звучное древнее слово завораживало, как и возможность набраться вдохновения на

РУХЛОВ
Александр Владимирович

Поэт, член Союза писателей России, педагог, кандидат филологических наук.

Родился и вырос в городе Кургане. Окончил филологический факультет Курганского государственного университета, аспирантуру КГУ, выпускник литературной студии В. Ф. Потанина.

В 2014 году успешно защитил диссертацию, посвящённую комплексному анализу лирики Леонида Губанова.

Автор двух поэтических книг: «Мосты времени» (2010 год), «Шпана: уличная поэма» (2017 год), монографии «Холст 37 на 37... Леонид Губанов: в поисках портрета».

Печатался в коллективных сборниках молодых литераторов «Предчувствие» (Курган, 2010), «111» (Калининград, 2019), антологии молодой литературы «Заря» (Москва, 2018), журналах «Наш современник», «Волга, XXI век», «Дон» и других.

Член Совета молодых литераторов при Союзе писателей России.

святых для русской литературы берегах. Да и просто, что греха таить, повод побывать летом в Крыму, да ещё и в хорошей компании, представляется не каждый день.

Для того чтобы попасть на форум, необходимо было не просто заполнить анкету и записать видеоролик с изложением своих желаний и чаяний. Всероссийский уровень мероприятия требовал серьёзного подхода. Для участия в «Тавриде» необходимо было представить грантовый проект, ориентированный на работу с молодёжью. Именно тогда и родилась идея создания в Курганской области сообщества молодых литераторов, проведения учебных мероприятий для молодых авторов, издания сборника. Идей было много, а вот опыта написания грантовых проектов не хватало. Соединить воедино мысли, рождённые порывами вдохновения от творческих поездок, да ещё и подкрепить их цифрами предполагаемых доходов и расходов – эта задача казалась колоссальной для моего гуманитарного ума.

Но были друзья с опытом грантовой работы, которые помогли всё посчитать и уложить порывы вдохновения в сдержанные формулировки проекта. Была горячая поддержка старшего товарища, на тот момент председателя Курганской областной писательской организации, Владимира Ивановича Филимонова. И было большое желание делать большое литературное дело.

Заявка на «Тавриду» была одобрена. Летом 2018 года я отправился в Крым, где после консультаций экспертов представил сильно видоизменённый проект на суд комиссии. В ответ получил интерес и советы. И пускай в федеральном финансировании было отказано, мне достался замечательный новый опыт, а главное – осталась идея.

При поддержке областной писательской организации проект Школы молодых литераторов был представлен в Курганской областной научной библиотеке имени А.К. Югова. И здесь получил не только одобрение, но и поддержку. С директором библиотеки Натальей Александровной Катайцевой согласовали решение: школе быть!

Полгода ушло на подготовку к началу занятий. На понимание того, что же такое литературная учеба и как её строить. Здесь помогло чтение классиков и современников – книг, список которых я сегодня смело готов рекомендовать любому, кто хочет хорошо писать, находить точные слова и образы; всем, кто преподаёт словесность или просто очень любит литературу.

Вот он, этот список:

- Юрий Казарин «Поэзия и литература»;
- Вадим Кожин «Стихи и поэзия»;
- Юрий Нагибин «Не чужое ремесло»;
- Нора Галь «Слово живое и мертвое»;
- Константин Паустовский «Золотая роза»;
- Райнер Мария Рильке «Письма к молодому поэту»;
- Джанни Родари «Грамматика фантазии»;
- Лидия Чуковская «В лаборатории редактора»;
- сборники «Как мы пишем» 1930 и 2018 годов.

Этот список в процессе работы школы постоянно дополняется новыми именами и изданиями. Может быть, книги не сделают из их читателя знаменитого писателя, но если вы любите слово, то их чтение точно не пройдёт зря.

Также очень помогли и до сих пор помогают в работе книги Нины Александровны Ягодинцевой – замечательного современного поэта, секретаря Союза писателей России, кандидата культурологии. Творческие упражнения, разработанные Ниной Александровной, помогут как совсем юным авторам, делающим свои первые литературные шаги, так и тем, кто уже имеет определённый писательский опыт. В ходе работы можно увидеть процесс рождения художественного образа как бы в замедленном повторе, рассмотреть детали, будто под микроскопом, разобрать на составляющие слово, поставить его в неожиданные условия, подсветить с нужной стороны.

Всё это упорядочивает мышление автора и активизирует творческий процесс. Именно поэтому такая лаборатория художественного слова является обязательной составляющей каждого занятия Школы молодых литераторов. Итогом практикумов обычно становятся задания по написанию этюда, иногда получаются замечательные эскизы, претендующие даже на самостоятельные, завершённые произведения. Вот некоторые примеры творчества участников школы, рождённые на занятиях. Кто знает, может быть, уже сегодня наши встречи посещает будущий постоянный автор «Тобола» и других «толстяков».

Мария Бородина

ПУГАЛО

Промозглый вечерний ветер проникал под кожу щуплого мальчика, сидящего на пригорке. Время бежало к раннему закату, как гуси бегут на водопой. Вдали по просёлочной дороге возвращались железные кибитки работавших в городе. Лиц сидящих внутри не было видно, но мальчик знал, что сейчас они похожи на смятую салфетку – такие же вымученные и жаждающие ласки.

Ветер не давал долго сидеть на месте, и, подхватив рюкзак, щуплая фигурка двинулась к центру поля, где возвышалась белёсая голова, галантно прикрытая шляпой, но в изъеденном солнцем и ветром облачении. Стоящий был высок, и мальчику пришлось отклонить голову, чтобы заглянуть в тыквенное лицо. Тонкие руки выудили из рюкзака старенький детский шарф. Подпрыгивая, мальчишке удалось накинуть сине-зелёное полотно на деревянную шею.

–Ты ведь тоже замерз, – пробормотал мальчик, натягивая свою шапку пониже на выгоревшие за лето брови.

Ксения Курылева

Держать в себе нет сил.
Иной мне путь заказан.
А стоит ли? Не всё забыл.
Лишь пару строк и два рассказа...
Осмелься, прыгни в омут сразу,
Где тот, другой, оставил пыл.

Кирилл Катайцев

Сквозь дождь и мерзопакостных прохожих
Иду домой по слякоти и лужам.
Вокруг людей так много непохожих.
Возможно, я кому-нибудь и нужен.

А дома кот голодный грустно плачет,
Он думает: «Когда же будет ужин?»
Приду домой – хвостом мне помаячит.
Я знаю, что коту я точно нужен.

Довольный кот лежит на мне, мурлычет.
Играет музыка, и свет притушен.
Мне одиноко в окружении привычном,
Мне нужен рядом кто-то, правда, нужен.

При формировании программы школы важным подспорьем стал многолетний опыт занятий в литературной студии Виктора Фёдоровича Потанина. Точно так же, как делал это Виктор Фёдорович, мы всегда начинаем встречу с обмена литературными новостями: говорим о недавно прочитанном, цитируем любимые книги, даём друг другу читательские советы. Каждого новичка школы я обязательно прошу рассказать о себе и своём круге чтения, назвать любимых авторов. Эти же вопросы когда-то, на первом моём занятии в студии, задавал мне Виктор Потанин. Никогда не забуду это первое занятие, когда дрожащим голосом я читал свои первые стихи, записанные во время пары по отечественной истории на последней странице 48-листовой тетради в клетку

И никогда не забуду своё первое и другие, последующие обсуждения на студии. Пожалуй, это всегда очень волнительный, очень важный момент для молодого автора. Нужно набраться мужества, чтобы выйти однажды за пределы тёплого круга друзей и знакомых и показать свои тексты людям сторонним. Но это обязательный шаг, без которого ни в коем случае не будет дальнейшего литературного пути. Поэтому обсуждение рукописей – важнейшая составляющая работы Школы молодых литераторов. Иногда на разбор одной подборки уходит всё занятие. И в этом, возможно, ключевой для молодого поэта или прозаика момент, очень важно придерживаться тонкой грани – баланса между строгой критикой и добрым советом. В своей манере общения с молодыми литераторами всегда ориентируюсь именно на тот формат критики, который когда-то получил на студии от своего учителя.

При этом важно понимать, что Школа молодых литераторов – это не то место, где вас непременно похвалят за ваши первые литературные опыты. Любая критика должна быть строгой и справедливой, иначе она не будет конструктивной, не будет нести автору пользу. И всех, кто хочет получить пользу от постоянной творческой практики (вспомним бессмертную фразу Юрия Олеши: «Ни дня без строчки!»), мы приглашаем в областную библиотеку на наши регулярные занятия.

Сегодня у региональной Школы молодых литераторов есть название – «Шинель», рождённое путём литературных ассоциаций и вольного сокращения слов до начальных букв.

Занятия начались 14 марта 2019 года, – можно сказать, накануне Всемирного дня поэзии, который отмечается 21-го числа того же месяца. Мы ждём на наших встречах молодых поэтов и прозаиков, а также критиков, очеркистов и начинающих блогеров от 16 до 35 лет.

Приходите! Именно здесь вы узнаете, что Школа молодых литераторов «Шинель» – это:

- возможность получить профессиональную оценку своего творчества, услышать мнение коллег и собрать по перу, ведь только в спорах рождается истина;
- площадка для критических высказываний: анализируя и оценивая чужие тексты, мы начинаем лучше понимать свои;
- отличный способ литературной учёбы – здесь нет скучных лекций, есть только живое профессиональное общение;
- расширение литературных горизонтов, новые имена на поэтических картах;
- поиск единомышленников, собеседников, понимающих читателей и благодарных слушателей;
- ваш возможный путь к самым высоким литературным вершинам.

Занятия проходят раз в две недели, по четвергам, по адресу: город Курган, ул. Комсомольская, 30, Курганская областная универсальная научная библиотека имени А.К. Югова. Начало работы – в 18.30. Продолжительность занятий полтора-два часа. Также возможен дистанционный формат работы.

Все подробности о работе Школы молодых литераторов можно найти в группе «Шинель» в социальной сети «ВКонтакте»: https://vk.com/public_shinel_sml45. Здесь вы найдёте актуальную информацию, свежие литературные новости, тексты классиков русской литературы и молодых авторов.

Забывтые ПОЭТЫ Зауралья

НЕЧУХРИН
Александр Фёдорович

Родился 14 марта 1937 года в селе Луговом Целинного района. В 1959 году окончил Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства по специальности «инженер-механик», работал по профессии, а также на комсомольской работе. С 1966 года – в органах печати: журналист в газетах «Молодой ленинец», «Советское Зауралье», «Новый мир». С 1975 по 1980 год – зав. сектором печати, радио и телевидения Курганского обкома КПСС. Основные темы публикаций – сельская жизнь, экономика, производство и человек, культура, литературное творчество земляков.

В течение семи лет возглавлял ветеранскую организацию журналистов и работников газеты «Новый мир». Награждён медалью «Ветеран труда», бронзовой медалью ВДНХ СССР, Почётной грамотой Союза журналистов России, удостоен звания «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Его биография представлена в энциклопедии «Журналисты России. XX–XXI».

ЖИВАЯ РЕКА ПАМЯТИ

Геннадий Сергеевич Артамонов. Гена. Друг Геша...Прошли годы, как нет тебя с нами. Нет, не напишу традиционного «не верится...». Увы, от реальности не уйдешь: собирается ли круг старых друзей, а Гены нет; сидишь ли на рыбалке – не слышишь его приглушенно-хрипловатого: «У тебя клюет?» Или на дачу спешишь по Кетовской дороге – вот справа, под огромной, раскидистой сосной, его последнее пристанище...

Со временем притупляется боль утраты, исчезает внутренний надрыв, чувство нереальности случившегося. мудро говорится: время лечит. Жизнь берет свое.

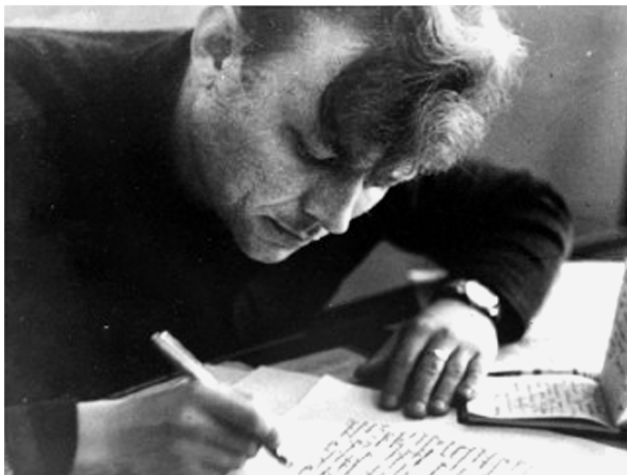
И только с памятью ничего не поделаешь, над нею и время не властно. И чем дальше, тем более освобождает она образ друга от всего суетного, случайного. И все яснее видишь, осознаешь, какой это был Человек!

Встретились мы с ним впервые более пятидесяти лет назад. Дружили. Спорили. Ссорились и мирились. И друг без друга не могли.

Многогранный это был человек. Но главным, по-моему, в его характере был азарт. Азарт в жизни, в работе, в споре и спорте, в рыбалке и дружеских застольях. Азарт в творчестве. Он ничего не мог делать абы как, словно отбывая повинность. Если уж за что брался, то горячо, лихо, весело, весь по макушку погружаясь в дело. И пусть не всегда успех сопутствовал ему, для меня важнее другое: как он это делал!

Первая журналиада в Кемерово. Футбольный матч. Гена не самый быстрый и техничный игрок. Но какой это мотор, заряжающий своим азартом команду! И его заслугу в той победе по достоинству оценили все наши «мастера кожаного мяча и пера» и мы, болельщики.

Геннадий Аргамонов...

Традиционная встреча бывших комсомольцев на Увале. Гена читает свое стихотворение, написанное специально к этому событию. И как читает! Голос, жест, страсть! И тишина. А после – аплодисменты на всю березовую рощу.

И что примечательно: читал ли он свои стихи перед обширной аудиторией, или один я слушал его, сидя напротив, он всегда одинаково до конца отдавался власти слова, музыке рифмы, четкости ритма.

Гена был прекрасным рассказчиком. Одну и ту же его байку – будь то случай на рыбалке, воспоминание о студенческой целине или забавное приключение с ним либо с кем-то из знакомых – можно было слушать без конца. Всякий раз он преподносил ее по-новому. Чувство вкуса, меры никогда не изменяло ему, как и чувство юмора.

Он тихо и нежно любил природу. Нет, не шумные пикники на траве. Один, со спиннингом в руках, вышагивал десятки километров по берегам Тобола. Или с другом Стасом Матафоновым, сидя возле уютного костерка, любовался закатом и своей ненаглядной Талицей. В декабрьский мороз или под голубым апрельским небом мог часами сидеть над лункой в ожидании поклевки.

Уже будучи тяжело больным, при каждом удобном случае пыхтел с рыбацким ящиком по убродному снегу подальше от берега – «авось там лучше клюет...».

И ведь не рыбы ради («Моему коту Максиму хватит!»), а ради самого процесса. Хотя и «заводился», если его кто облавливал.

С рыбалки он приносил нечто несоизмеримо большее, нежели улов.

Приносил Гена клики первых по весне лебедей, неповторимые краски июльских восходов и неистовство летних гроз над прибрежными лесами, шорох осенней осоки и белую бесконечность зимних снегов... все это наполняло его душу тихим восторгом, чтобы вылиться потом в стихи – то залихватски-озорные, как блеснувшая молния, то проникновенно-нежные, то щемяще-грустные, как осенний листопад.

Я не критик. Но полагаю, как поэт Гена был очень талантлив. Знал ли он о своем даре божьем? Конечно же, знал. Почему ж тогда так поздно стал публиковаться? Об этом теперь можно только гадать. Но поразмыслим. Лирик по душевному складу, филолог по образованию, журналист по профессии. Он очень серьезно относился к любому творчеству, а тем более к поэтическому. Не терпел скороспелых стихоплетов, рифмачей. Гордый и легко ранимый, к своим стихам он был требователен до край-

С другом детства
журналистом-международником
Анатолием АГАРЫШЕВЫМ (справа)

ности. Не в этом ли и ответ на вопрос? В конце концов, важнее для меня другое: без поэзии он не мыслил своей жизни.

Никогда не видел его черновиков, «заготовок», не слышал о задумках. Каждое, повторюсь, каждое (!) его стихотворение, какое приходилось впервые прочесть или услышать от него, было предельно отточено. И складывалось впечатление, что пишет он легко, играючи. Наверное, это не так: без мук, пусть и сладких, ничего не рождается, тем более стихи.

Помню, однажды вечером крутил он записи песен на его стихи. Ждал, что скажу. Услышав добрые, искренние слова, загорелся: «А хочешь, покажу тебе последнее стихотворение? Правда, одна строчка ...ну, в общем, не то... Прочел. Долго мы вертели-крутили злополучную строку: и рифма, и смысл, и ритм – все вроде в порядке, а вот жесткая какая-то, выпадает, и все тут.

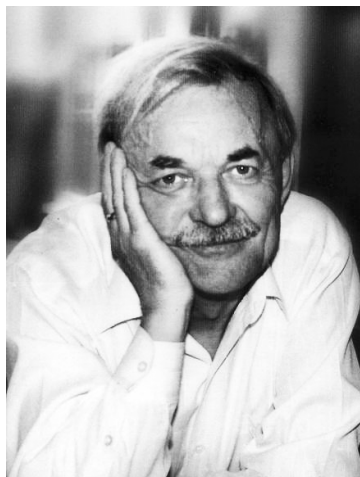
На другой день звонит, радостный такой: «Нашел, нашел, старик, я эту строчку!» И читает. И верно, после его «правочки» строфа обрела наконец ту особую теплую грустинку, без которой выпадала из стиха, хоть плачь.

Случай этот я вспомнил вот к чему. Он как бы говорит: творил Гена легко, вдохновенно, но работал над стихами тщательно и много, стремясь к совершенству.

* * *

Геннадий Сергеевич Артамонов... Талантливый поэт, жизнелюб, романтик и гражданин. Его поэтическая биография – в его стихах. Его первый и, увы! последний сборник стихов, посмертно изданный его любимыми дочерьми, предваряют пронзительные, хватающие за душу строки посвящения читателю:

*Наша жизнь – это только мгновенье
И поэтому так хороша!
Наша жизнь – это ХРАМ УДИВЛЕНЬЯ,
Где скорбит и ликует душа!
До предела все просто и ясно:
Ходят рядом слова Рок и Срок.
Жизнь прошла.
Но прошла не напрасно –
Вот вам золото искренних строк!*

После окончания университета, поработав в г. Кировограде Свердловской области, он в 1962 году пришел на Курганское телевидение, где и трудился без малого 40(!) лет. Причем последние 18 лет возглавлял нашу телекомпанию.

Выйдя на пенсию, неутомимый Артамонов обучал своей профессии студентов Курганского госуниверситета.

Несколько строк из его официальной биографии. Здесь он характеризуется как талантливый журналист, прекрасный организатор, принимающий активное участие в жизни города и области. Его труд был по достоинству оценен: он был членом обкома партии, избирался депутатом курганского горсовета четырех созывов, вел большую работу в Курганском союзе журналистов. Ему присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР, отличника радио и телевидения. Он награжден четырьмя медалями.

И все, чем жил, что любил, в его искренних исповедальных стихах.

Верю и надеюсь, что каждый любитель истинной поэзии, прочитав стихи Геннадия Артамонова, по достоинству оценит и их гражданский пафос, и тонкий проникновенный лиризм, их щемящую исповедальность. Ведь написаны они щедрою душой и любящим сердцем прекрасного, талантливого человека.

УРОК

*Незабвенной памяти Любови Васильевны Крючковой –
любимого учителя*

Коричневое платье
(Как будто век в одном)...
«Сегодня рассказать я
Хочу вам о Толстом.

Что? Где тетради ваши?
Чего же мы сидим?
О Пьере и Наташе
Сейчас поговорим...».

Негромко, без эмоций
Звучат ее слова,
Но чаще сердце бьется,
Кружится голова.

О, платье гимназистки,
Архаика манер...
Невероятно близким
Становится мне Пьер.

Сидел бы все и слушал,
Нет, жил бы в той дали,
Отдать готовый душу
За счастье Натали!

В чем наша сила духа
И как нам стать мудрей?
Ответь мне,
граф Безухов,
Что скажешь,
князь Андрей?

...Уходишь
в платье строгом,
Звонка не слышит класс...

Скажи, к каким дорогам
Готовила ты нас?

И в образах Толстого
Какой сегодня прок,
Когда такой суровый
В стране идет урок?

Да, надо жить и драться,
И новый брать редут...
Вот почему мне снятся
Те сорок пять минут...

От восхищения я пьян
 И слышу – сердце тает...
 Читает Пушкина пацан.
 И, Боже, как читает!
 Он говорит: «Я Вас любил,
 Любовь еще быть может...»
 Немного паренек прожил,
 Но все же... все же... все же...
 В ушах звучит: «Я Вас любил...»
 И на душе отрада.
 Никто парнишку не учил
 Читать стихи с эстрады.
 В его словах бравады нет,
 Но страсть неотразима.
 И кажется, что сам поэт
 Так говорил любимой.
 ...Я без вина сегодня пьян.
 Стихи тому виною:
 Читает Пушкина пацан,
 И Пушкин вновь со мною...

Солнце встало на востоке,
 Легкий ветерок прошел...
 Говорят, что мир жестокий,
 Только жить – так хорошо!
 Утро радует прохладой,
 Манят озеро и лес...
 Что тебе для счастья надо? –
 Хлеб да бирюзу небес.
 Был бы друг еще надежный,
 Да прошел бы дождь грибной,
 Вот тогда, пожалуй, можно
 И повоевать с судьбой!
 Закружился день в заботах,
 Поспевай, не уставай!
 Чем там недоволен кто-то?
 Брось грустить, не унывай!
 Солнце к западу скатилось,
 Успокоилась душа...
 До чего ж, скажи на милость,
 Жизнь земная хороша!

* * *

Слова ветшают и мельчают...
 Зачем мы много говорим?
 Давай нальем по чашке чаю
 И посидим... И помолчим...
 Пусть каждый молча вспомнит что-то,
 Что не забудется никак,
 Пусть это будет не «работа»,
 А так – какой-нибудь «пустяк».
 Ну, например, ромашка в поле,
 Иль речки тихий бережок,
 Иль солнце, яркое до боли,
 А может, свеженький стожок,
 В который хочется зарыться,
 Разворошив дурман плечом,
 Упасть, закрыв глаза, забыться,
 В тот миг не думать ни о чем.
 Но сохранив одно желанье,
 О нем мечтать и грезить вновь:
 Чтоб были мы и... мирозданье,
 И наша вечная любовь.

* * *

Не волнуйтесь, друзья и мой дом,
Ничего не случится со мною,
Ничего, мы еще проживем,
Посидим у костра над рекою.

В этот мир мы явились не зря,
Предаваться печали не будем,
Пусть встает над рекою заря,
Что-нибудь да оставим мы людям.

ЗАВЕЩЕНИЕ

Эх, хорошо бы дотянуть до ста,
Но если мне судьба покажет фигу,
Не надо ни звезды и ни креста,
Пусть обелиск напоминает книгу,

Которую писал, но не издал,
Где над собой подшучивал стихами,
Где так и не раскрыл свой идеал
И даже толком не простился с вами.

ВОЕННЫЕ ВДОВЫ

Вы были в деревне? Видали дворы –
Не важно – в июле иль в мае?
Военные вдовы военной поры
В них тихо свой век доживают.

Жизнь в этих дворах и слепа, и глуха,
Детишки не озорничают,
Ни визг поросенка, ни крик петуха
Дворы эти не оглашают.

Что толку нам спорить о зле и добре,
Когда зарастают дорожки...
А дети? Приедут они в сентябре,
Скорее всего, за картошкой.

Ужели истлела семейная нить,
Что не было крепче в России?
И кто будет этих старух хоронить?
Наверное, плотник Василий...

ОСЕНЬ

Звучит мелодия Вивальди,
И кто-то в плавном танце кружит...
А лист кленовый на асфальте
Лежит в холодной грязной луже.

Звучит мелодия, как праздник
И чистоты, и вдохновенья,
А лист опавший думал разве,
Что попадет в стихотворение?

Рожденный золотой весною,
Он солнцу радовался летом,
Хоть знал: осеннею порою
Навек простится с белым светом.

И все ж, судьбу свою приемля,
Имел желанье роковое:
Сорвавшись с ветки, лечь на землю
И умереть вдвоем с травойю.

Но нет земли под старым кленом,
А тротуар с травой не дружен.
И он упал с неслышным стоном
И умер на асфальте в луже.

...Мелодия Вивальди вечна,
Бессмертие в изящной гамме,
Толпа прохожих бесконечна,
И что ей листья под ногами...

ВРЕМЯ

А время все быстрее летит.
Куда? Я не отвечу.
Быть может, с нами по пути,
Быть может, нам навстречу.

И каждый день, и каждый час
Уже неповторимы.
Проходит время через нас
И не проходит мимо.

Так что же я хотел сказать,
Речь о каком законе?..
Увы, нам время не догнать,
Оно же нас догонит...

МОЕМУ ПОКОЛЕНИЮ

Вы точно васильки среди травы,
Я вижу вас, безусых, неженатых, –
Курганская шпана сороковых,
Курганская братва пятидесятых.
У времени того был дух иной,
Войной дышали тыловые дали...
Но вот за что прозвали нас шпаной,
Мы с вами до сих пор не разгадали.
Не бойся никого и ничего,
Преодолеем всё, пока мы вместе,
«Один за всех и все за одного» –
Таким у нас тогда был кодекс чести.
Отцов своих не знали мы почти,
А если знали – только довоенных,
И не было у нас сильней мечты,
Как встретить их с войны неубиенных,
Живых, не павших храбрыми в бою,
Виновников победного салюта...
Но ни меня тогда, ни мать мою
Всевышний не услышал почему-то.
Не дал прижаться детскою щекой
К щеке отца, горячей и небритой...
...Гори, гори, костёр наш, над рекой,
Звучи, звучи, шальная «Рио-Рита»...
Да, было так чуть ни у всех у нас,
У одного из десяти – иначе...
Никто не видел наших мокрых глаз,
Мы – мужики, а мужики не плачут.
Но сколько надо было слёз и сил,
Чтоб сгинул враг – захватчик окаянный!..
...Мой старший брат ботиночки носил
Из тряпки, на подошве деревянной.
Судьба вершила странный приговор,
Вдова несла пожизненные муки,
Но хорошо, что был целитель-двор,
А во дворе – друзей надёжных руки.
Так мы росли. Так жили – за двоих,
Мальчишки с улиц тёмных и щербатых,
Российская шпана сороковых,
Российская братва пятидесятых.
...Ах, сколько лет минуло...
Где же вы?..
Где детство, опалённое войною?..
...Смеются васильки среди травы.
Я вижу вас, едва глаза закрою...

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово редактора.....3

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ольга ДРАГУНОВА
Александр Зырянов о роли ремесел и промыслов в социуме.....4

Анастасия ЛЫСКОВА. Сын крестьянина.....17

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Андрей БЕЛОУСОВ. Наши альманахи.....19

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВА

Ольга МИХАЙЛОВА. Он наш поэт.....26

ПОЭЗИЯ

Николай ПОКИДЫШЕВ.....32

Светлана БОЧКАРЕВА (новый автор).....155

НОВЫЕ КНИГИ

Сергей КОКОРИН
Житейские хроники Бори Брусникина (проза).....40

Валерий ПОРТНЯГИН. Сомнение (стихи).....48

Александр СМЕТАНИН
По ступенькам памяти. Воспоминания и размышления.....56

Николай АКСЕНОВ. Осенние радости (проза).....68

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сергей СУХАНОВ
«Мы рвались на фронт!.. Мы были романтиками!..».....82

Дмитрий ГАВРИЛОВ. Оболганный маршал.....96

Александр ИНОЗЕМЦЕВ
Война летчика Тостановского.....113

Валерий БЕЗДОМОВ
Генерал-полковник Шумилов Михаил Степанович.....123

К ГОДОВЩИНЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Ольга ЛУЦКО. Зауралье: память места.....128

Цветная вкладка произведений зауральских художников, посвященная
78-й годовщине со дня образования Курганской области.....131–138

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Екатерина ПЕРМЯКОВА.....139

КРАЕВЕДЕНИЕ

Николай ТОЛСТЫХ
Побег смертника Самойло.....145

ПРОЗА

Олег ЧЕРНИЦЫН (Екатеринбург). Рассказы.....161

МОЛОДАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗАУРАЛЬЯ-2020

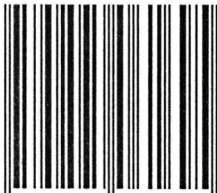
Проза, поэзия, публицистика.....166–224

Александр РУХЛОВ
Зачем ходить в Школу?
(о региональной Школе молодого литератора).....225

ЗАБЫТЫЕ ПОЭТЫ ЗАУРАЛЬЯ

Александр НЕЧУХРИН о Геннадии Артамонове
Живая река памяти.....230

ISBN 978-5-89506-169-5

9 785895 061695